

Annotation

Как выжить, если тебя забросило в дикое время, где ещё не изобрели лампочку и воду из крана, а ты не знаешь, как топить печь? Где лечат амулетами и сушёными кузнечиками, а ты будущий врач? Где боги и нечисть живут в каждом кустике, а ты атеист?

Притвориться ведьмой-травницей, оказать неоценимую услугу местному князю, спасти хозяина леса и, конечно же, искать способ вернуться домой. Особенно когда сердце рвётся на части от любви, а ты должна выбрать любимому лучшую из невест...

-
- [Гринь Ульяна](#)
 - [Глава 1. Во спасение](#)
 - [Глава 2. Реальное попадалово одной хорошей девочки](#)
 - [Глава 3. Светлый князь](#)
 - [Глава 4. Все ведьмы рыжие](#)
 - [Глава 5. Пособие для начинающей травницы](#)
 - [Глава 6. Пациент скорее жив, чем мёртв](#)
 - [Глава 7. Ведьмина рутина](#)
 - [Глава 8. Близость солнца](#)
 - [Глава 9. Неприятные ожидания](#)
 - [Глава 10. Двусмысленное предложение](#)
 - [Глава 11. А в тереме высоком жениха невеста ждёт...](#)
 - [Глава 12. Неизвестная болезнь](#)
 - [Глава 13. Мокошьина ночь](#)
 - [Глава 14. Снежный цветок](#)
 - [Глава 15. За Бореем](#)
 - [Глава 16. В доме Мокоши всегда царит порядок](#)
 - [Глава 17. Изгнание из Ирея](#)
 - [Эпилог. С божьим благословением...](#)
 - [Конец](#)
-

Гринь Ульяна
Княжья травница

Глава 1. Во спасение

Ноябрь 5 число

Они пришли, когда сумерки накрыли лес, а луна ещё не взошла.

Варвары, как есть варвары: ни тебе доброго вечера, ни тебе можно войти. Сначала громыхали кулаками по тяжёлой двери, потом выбили замок и ворвались в избушку. Я тряслась от страха, но, когда увидела их головы в лёгких шлемах, успокоилась. Нет, ничего весёлого, конечно, не предвидится — что-то с князем или с кем-то из княжьего терема. А хотя бы не хазары.

— Собирайся, ведьма, светлый князь тебя требует! — гаркнул один из них — с порванной ноздрёй. Да, я видела его на княжьем подворье. Десятник. А ещё двое подхватили меня под локти и подняли на ноги. Я запротестовала:

— Аккуратнее! Пусти! Сама пойду.

Десятник кивнул. Меня выпустили. Я огляделась. Раз травница понадобилась, значит, кто-то серьёзно заболел. Середина осени, вроде бы рано для переохлаждений, разве что упал кто и голову расшиб. Надо взять всё, что возможно. Всё, что я могу взять. Потому что, если не хватит, придётся посылать одного из этих, а он разнесёт мне всю избушку в поисках нужной вещи.

— Мне нужно собрать травы, — сказала, ни к кому особо не обращаясь. — Подождите снаружи.

Отвернулась за мешочком, в котором носила свои ведьмовские причиндалы, и замерла, прислушавшись. Заразы! Эти солдафоны даже с места не двинулись. Топнув ногой, я рассердилась. Ах так? У меня есть верное средство, чтобы их напугать!

Уперев руки в боки, я прищурилась и тихо, но чётко начала:

— Бамбара, чуфара!

Десятник вздрогнул и отступил. В детстве я очень любила «Волшебника Изумрудного города» и всё ещё могла цитировать с любого места.

— Скорики, морики!

Вокруг меня образовалось свободное пространство.

— Турабо, фурабо...

Солдаты жались к двери, бросая жалобные взгляды на своего начальника. Я решила добивать. Взмахнув руки вверх, провыла дурным голосом:

— Я нашлю на вас белый мо-о-ор! Лорики, ёрики!

Толкаясь в узком косяке, дружинники высыпали наружу. Десятник, как и положено шефу, покинул избушку последним. Я вздохнула, качая головой:

— Как дети, ей-богу.

Ладно, ну их. Взяв заплечный мешок, я оглядела стройные ряды склянок и кисетов. Сколько времени мне понадобилось, чтобы привести в порядок тот базар, который царил у прошлой травницы! Я всё перебрала, сортировала, расставила и разложила по полочкам. Полочки, кстати, своими руками сделала, чуть пальцы не отбила молотком.

Так, что мне может понадобиться? Я прищурилась, размышляя, и сказала:

— Заживить раны.

Несколько баночек вспыхнули почти сразу же — ярким зелёным цветом, медленно затухающим до блёклости. Я сложила их в мешок и сказала:

— Ожоги.

Кисет на нижней полке загорелся, как светофор, зелёным, а потом красным. Да, понимаю, надо быть осторожной в дозировке.

— Понос.

Нерешительный зелёный напомнил мне, что в здешних краях понос зовётся дриснёй. Ладно, я выучу. Не бейте травницу, она лечит как умеет!

— Боль. Сердце. Камни в почках. Чесотка.

Вроде всё. Собрала то, с чем уже сталкивалась при лечении. Закинув мешок за спину, вышла из избушки:

— Я готова.

Десятник смотрел с опаской. Но долг для него был превыше всего, поэтому он подвёл ко мне своего коня и кивнул:

— В седло, травница.

Икнув, я зажмурилась. Ненавижу ездить верхом! В этом сумасшедшем мире я могу смириться с чем угодно, но только не с надобностью карабкаться на лошадь.

Десятник вскочил в седло привычным движением, а потом подхватил меня под мышки и посадил перед собой. Я даже пикнуть не успела! Пикнула уже после, когда он навалился на меня, понукая лошадь, и обволок запахом конюшни.

— Эй, не боишься, значит, белого мора?!

— Все мы умрём, — философски буркнул десятник. — А лучше когда-нибудь от белого мора, чем сейчас от княжьева меча.

И пустил лошадь противной тряской рысью.

Счастье, что до города недалеко! Минут десять, но и их мне хватило, чтобы совершенно отбить седалище. Впечатляющих размеров ворота в высоченном, в три мужских роста, частоколе открылись будто по мановению руки, однако я уже знала, что для этого требовалась сила минимум четверых дружинников. Мы въехали на широкую улицу, выложенную досками, кое-где потрескавшимися от влаги и бесчисленных копыт. Я выглянула из-под капюшона плаща, крепко держась за луку седла. Что всегда удивляло в этом городе — огромные двух— и трёхэтажные терема, улицы, где могли спокойно разъехаться два грузовика, и люди. Как ни старалась, не могла вспомнить, видела ли я такую одежду на картинках в интернете. Женщины всегда в сарафанах до земли, увешанные бусами и оберегами, в платках, повязанных на меховые шапочки. Всё вроде русское народное, а другое. Чужое, непривычное, странное.

Сейчас, когда стало темно, на улицах зажгли большие факелы, и они освещали нам путь до самого княжьего терема. Обогнув его улочкой, десятник осадил коня и спешился, потом сдёрнул меня, как курицу с насеста, потащил к маленькой дверце в стене. Я подчинилась, только фыркнула, чтобы он меня услышал:

— Даже не с парадного крыльца!

— Моя б воля, тебя вообще не позвали б, — буркнул десятник, втолкнув меня в сени. Я даже не нашлась, что ответить, задохнувшись от обиды. И хорошо, что промолчала. Не стоит никому знать, что я не люблю местных жителей почти так же сильно, как и они меня. Впрочем, не люблю — это мягко сказано. Они меня боятся, а я их презираю.

Дружинник последний раз ткнул меня в спину — как раз в направлении к узкой лестнице, на ступеньках которой ждала дородная тётка в пышном сарафане и рогатой кике на голове, сбившейся на

сторону. Она огляделась по сторонам, наклонилась ко мне и зашептала:

— Травница, травница, князю нужна пока, а потом ко мне заглянешь, а? Нужно мне зельице одно!

— Загляну, — процедила я сквозь зубы. Как пить дать, зельице ей нужно приворотное...

— А теперь, волей Сва, подымайся быстрее, ждут тебя с нетерпением!

Подобрав подол, чтобы не запнуться на крутой лестнице, я принялась подниматься по ступенькам. Запыхавшаяся служанка ползла сзади. Что меня ждёт, что аж в княжью горницу впустят?

Узким коридором мы пошли по анфиладе горниц, и прислужница отворила богато расписанную дверь. Пригнувшись, я вошла. В нос ударил запах свечей, пота, крови, удушливый запах смерти. Что у них здесь...

Я даже не закончила думать, как увидела на кровати роженицу. Это же княгиня. Бедная! В лице ни кровиночки. Конечно, вся кровь на простынях. Повитуха — сухонькая старушка — суетится в углу. Там свалены тряпки в крови, там дымятся пучки трав, погружая комнату в сизый туман. Где же ребёнок? Я огляделась.

Тяжёлая рука схватила меня за плечо.

— Травница! Лечи её!

Подняв лицо, я встретила взглядом с глазами князя. Такие же тёмные и живые, как в тот день, когда я увидела его впервые, они смотрели гневно, будто это я была виновата в неудачных родах.

Князь, мой князь. Почему же ты сразу меня не позвал, зачем позволил жене мучиться. Как теперь спасти её?

Я дёрнула плечом, освобождаясь, шагнула к кровати. Протянув руки к роженице, медленно провела ими над животом. Уже не в первый раз я делала это, но всегда с восторгом. Все, буквально все внутренние органы вспыхнули красными очертаниями. Матка в огне, печень, селезёнка, правая почка. Левая ещё держится, пытается перебить зелёным алые всполохи, но ей осталось недолго. Переместив руки чуть выше, я почувствовала, как в груди рождаются обида, злость, досада, и к лицу приливает жаркая волна, грозящая превратиться в слёзы. Как жалко! Как жалко, что такая молодая

девушка, едва успевшая познать счастье любви и семейной жизни, едва ставшая матерью, обречена!

В том, что княгиня умирает, не было никаких сомнений. Весь её живот был наполнен узелками метастазов. Даже если я удалю их один за другим, организм изношен до конца. Она не выживет, да и я рискую собственным здоровьем — тут на несколько дней работы. Я даже не стала искать саму опухоль. Незачем. Скорее всего, выходя замуж за князя, девушка уже была больна. Не повезло. В этом мире, в это время либо ты, либо тебя. В нашем мире можно и нужно бороться с раком, медицина придумала способы и лекарства. А тут. Увы.

Я сжала ладони в кулаки и отступила. Голос князя — удивлённый и злой — хлестнул, как плеть:

— Лечи её! Спаси мою жену!

— Её не спасти, я сожалею, — пробормотала, не оборачиваясь. Поверь мне, мой князь, если бы я могла. Я бы сделала это! Но уже слишком поздно!

Он шагнул ко мне — я ощутила это спиной — и схватил за плечи, развернул к себе. Глаза горели яростью и сумасшествием. Мне стало страшно, но всего на миг. Поэтому, когда он встряхнул меня, когда выхватил из-за пояса украшенный головой ягуара кинжал и приказал сквозь зубы:

Лечи её немедленно! Иначе я тебя.

Закричала в ответ, толкнув его в грудь изо всех сил:

— Я не могу! Убей меня, снеси мне голову, сожги, зарежь — я не смогу ничего сделать, чтобы спасти твою жену!

Воздух между нами накалился до такой степени, что поднеси свечу — и он взорвётся. Пальцы князя на рукояти кинжала побелели, зубы скрипнули, желваки на скулах двинулись вверх-вниз, а потом он отпустил меня, отшатнулся к стене, закрыл ладонью лицо:

— Как же теперь... Ни жены, ни ребёнка...

— Ребёнок! — вспомнила я, словно меня ударили. — Где ребёнок?

— Умер, — бросил князь, махнув рукой куда-то в угол. Я шагнула к повитухе:

— Покажи ребёнка!

— Преставился младенец, — прошептала та. — Владыка всезнающий Велес-зверь заберёт его в своё подземное царство и даст

другую жизнь.

Дура! Я оттолкнула повитуху и склонилась над крошечным ребёночком, измазанным в крови. Его даже не обтёрли. Девочка, маленькая, сморщенная, с тоненькими, как веточки, ручками и ножками. Я обняла ладонями воздух над ней, надавила, чувствуя кожей, как он уплотняется, как звенит и дрожит, зажигая органы младенца зелёным. Блёклым, в серый, но зелёным! Лёгкие не дышат, шея пульсирует красным, сердечко размером с абрикос бьётся редко, слишком редко. Но мозг не пострадал, ещё пока не пострадал. Пуповина не обрезана, на другом конце послед. Надо спасти малышку!

Пальцами я разгладила два сморщенных комочка — вверх, вниз, вправо, влево. Распрямляйтесь же! Коснулась шейки, провела по трахее, которая светилась светлым оливковым всполохом, и та вдруг вспыхнула ярко и весело. Сердце. Нажала, ещё раз нажала. Погладила. Ткнула чуть сильнее. Ну же, давай! Живи, девочка! Дыши! Ты должна дышать! Нет ничего, что тебе мешает теперь, я всё поправила, всё отремонтировала!

— Ведьма, — с тайным страхом шепнула повитуха. — Возьми отцову рубаху, заверни младенчика.

— Зачем? — спросила сквозь зубы.

— Родовая сила в отцовой рубахе.

— Оботри хоть, — я с сомнением бросила взгляд на стиранную-перестиранную вышитую по подолу и рукавам длинную мужскую рубашку. — Кровь смой.

— Опосля! Сейчас пусть силы наберётся. Глянь, оживила ж. Ведьма и есть ведьма.

Я досадливо поморщилась. Поверь мне, бабуса, я не выбирала свой дар. Никто не спросил меня: эй, детка, не хочешь ли немного волшебства в твоей жизни? Ладно, пусть шепчутся, пусть ненавидят меня от страха, сейчас для меня главное — спасти княжью дочь.

Льняная ткань обволокла девочку, укутала, как будто материнское чрево, я осторожно прижала малышку к себе, баюкая. Она дышала часто, плохо, но дышала. Повернувшись к князю, я улыбнулась призывно:

— Посмотри на свою дочь, светлый князь. Она жива. Дай ей имя.

Он взглянул на меня, на умирающую жену. Глаза князя почернели, он глухо сказал:

— Займитесь княгиней.

И вышел из горницы. Нет, его можно понять, но в чём виновата девочка? Я отогнула уголок рубахи, погладила новорождённую по щёчке и сказала ей тихонечко:

— Твой папа обязательно полюбит тебя, кроха. Пусть твоё имя будет Отрада. Вот вырастешь и будешь солнышком для всех!

Повитуха толкнула под локоть:

— Помоги покойницу обмыть, ведьма.

Я бросила взгляд на роженицу. Та дышала тяжело, с натугой, словно всё больше и больше погружалась в пучину смерти. Но дышала. А её уже покойницей называли...

— Кормилицу найди для девочки, — велела повитухе. — Да поскорее. Да чтоб чадо только родилось, надо хорошего молока!

— Уж найду, найду, — заворчала, обидевшись старуха, приняла младенца из моих рук. Я только плечами пожала. Мне до её обидок как до Луны.

Я присела рядом с умирающей, взяла её за руку. Прости меня, княгиня Слада, я ничего не могу для тебя сделать. Только быть с тобой до самой смерти. Облегчить твою боль. Травы мои ни к чему, нет там таких сильных обезболивающих. И опухоль тоже не убрать.

Вздыхнув, я погладила пальцем её ладонь. Женщина мелко дрожала всем телом, несмотря на духоту в комнате. Холодно ей. Я развязала завязки её рубахи и бросила сидевшей в углу прислужнице:

— Помоги переодеть её.

— Велес-батюшка, да уж ей всё одно. — та отложила штопанье и тяжело поднялась. — Пушай уйдёт с миром в подземное царство!

— Не перечь мне! Помоги лучше.

Вдвоём мы переодели умирающую, перестелили простыни, и я накрыла женщину тёплым одеялом, подбитым мехом. Каждый миг я чувствовала её боль, прожигавшую внутренности, и сердце сжималось от жалости. Эх, будь что будет, не могу видеть, как она мучится!

Положила руки на живот, всё ещё растянутый и дряблый после родов, очертила круг, пытаюсь поймать средоточие боли. Опухоль была в желудке. Как только выносила ребёнка? Ведь есть не могла нормально, наверное, всю еду возвращала. Я погладила опухоль,

представила, будто она противное и злобное животное, сказала ей про себя: «Оставь её, не боли, дай умереть спокойно, ты уже добила своего». И гладила это маленькое чудовище, пока оно рычало в глубине тела, пока не успокоилось и не отступило, не уснуло. Боль стихла, прекратив терзать измученную роженицу, и та вдруг открыла глаза. невидящие, они уставились в потолок, женщина с трудом облизала потрескавшиеся, искусанные губы и прохрипела:

— Где... ребёнок...

— Здесь, княгиня, не беспокойся о ней, — тихо сказала я.

— О ней. Это девочка. — упавшим голосом ответила Слада. — Как жалко.

— Хорошая, здоровая девочка, слава Макоши! — улыбнулась я, пытаюсь подбодрить умирающую мать. — Она вырастет и станет красавицей, как ты.

— Жалко. Не дала сына князю, — женщина глянула на меня влажными от слёз глазами и спросила: — Как назвала?

— Отрадой.

— Хорошее имя.

— Хочешь поддержать её?

— Нет. Не надо. Пусть так, пусть совсем меня не помнит.

Она сжала мою руку, вцепилась в неё так, что стало больно. Я стиснула зубы, чтобы ничем не выдать этого. Слада шепнула из последних сил:

— Позаботься о ней, ведьма. Я тебе её доверяю.

Усилие далось ей нелегко, и княгиня прикрыла глаза. Грудь её поднималась всё реже и реже, смерть душила, не давала дышать. Я молча прогнала вставшие в глазах слёзы. Ещё никогда на моих руках никто не умирал. А в меде говорили, что первую смерть не забываешь. Конечно, такое не забудешь.

Княгиня угасла в один миг. Просто вдохнула с натужным хрипом и больше не выдохнула.

Я разжала её пальцы, вытянув свою руку, встала. Подумав, накрыла ей лицо одеялом, вытерла слёзы. Где там этот Велес, когда придёт за ней? Опаздывает. И усмехнулась. Я же не верю в этих богов! Я ни в каких богов не верю. Ни рая, ни ада нет. И женщина в кровати — теперь уже просто мёртвое тело. А я свою работу сделала, мне пора возвращаться в лес.

Повитуха баюкала обмытую и спелёнатую девочку на руках, и я, взявшись за саквояж, сказала старухе резко и весомо:

— Отвечаешь за неё головой. Проверю!

И вышла из комнаты.

Поскорее на свежий воздух! Поскорее надышаться осенним лесом и прелой листвой, запах которой высвобождается при каждом шаге! Поскорее вернуться в свой новый дом, к которому я уже худо-бедно привыкла... Там сухо, тепло, аромат свечи мешается с ароматом зверобоя, ромашки и мяты, подвешенных в пучках под потолком. Там моя кружка чая.

Но, когда я запуталась в переходах и, под испуганные взгляды челяди, покинула терем с парадного, высокого и богато украшенного резными фигурками, крыльца, увидела стоявшего над перилами князя. Он опирался ладонями на балясины и просто смотрел вдаль, на уходящее зарево заката. Горизонт над лесом горел пожаром, и я подумала: завтра будет ветер. Хотела уже пройти мимо, но не смогла. Приблизилась, встала рядом, избегая касаться рукавом рукава. Мне не нужно было его касаться, уже этой близости хватало.

— Умерла?

Вопрос прозвучал неожиданно, и я кивнула, потом спохватилась, ответила:

— Да.

Он молчал, как будто ему нужно было время, чтобы осознать, поэтому добавила мягко:

— Она отмучилась.

— Почему она умерла?

— Княгиня болела. У неё была смертельная болезнь. Никакие силы этого мира не смогли бы спасти её на этой стадии.

— А раньше? Ты смогла бы, травница?

Я покачала головой:

— Не здесь, не травами. Там, откуда я родом, такие болезни лечат, но не всегда успешно. Княгиня хотела дать тебе ребёнка, поэтому жила. Но сегодня болезнь убила её.

— Ты должна была спасти её, — гневно бросил он и отвернулся так, что я не видела его лица. Князь, мой князь. Я не всемогуща.

— У тебя осталась дочь, люби её.

— Мне нужен сын! Мне нужна была жена, чтобы родить сына! Я позвал тебя, потому что ты спасла меня! Ты должна была спасти и её тоже!

— Прости меня, светлый князь, — покаялась неизвестно отчего. Мне показалось, что сейчас ему нужно только это — только знать, что виноват кто-то другой. Пусть это буду я. Пусть .

Уходи, ведьма!

Он выплюнул эти слова почти с ненавистью. Моё сердце отозвалось болью. Он никогда не полюбит меня... Никогда не посмотрит с нежностью, никогда не возьмёт за руку. Никогда не поймёт, как сильно я люблю его!

— Прости, — пробормотала ещё раз и отошла.

Спустившись по ступенькам, двинулась в сторону ворот. Слезы застилали глаза, и я шла, нащупывая дорогу ногами. Как всё обернулось! Зачем я попала сюда, зачем? Все меня ненавидят и боятся, ни друга, ни подруги, даже пожаловаться некому, даже поплакаться на чьём-то плече не могу! Проклятый мир! Проклятое время, где нельзя спасти умирающую женщину.

В ладонь ткнулось что-то мокрое. Я вскрикнула от неожиданности и, вытерев глаза, опустила взгляд.

Бурый пёс смотрел неотрывно круглыми карими глазами. Я невольно улыбнулась:

— Привет, Буран. Давно не виделись.

— Давно, — согласился он, как всегда, без слов. — Провожу.

— Да я сама дойду, не впервой!

— Провожу, — упрямо повторил пёс. — Ночь.

— Ну пошли тогда, — усмехнулась, проходя в отворенные передо мной ворота. — Но я не буду с тобой говорить, прости, мне нужно помолчать.

— Молчи, — с лёгкостью согласился Буран. — И я молчу.

Ступив на дорогу, ведущую к лесу, я вздохнула. Что ж всё так плохо-то? Сегодня тот самый день, когда просто нужно напиться, чтобы забыть хоть на одну ночь. А когда нечем напиваться, это не жизнь, а смех один. Чем я заслужила это попадалово?

Глава 2. Реальное попадалово одной хорошей девочки

Июнь 20 число

Когда я была маленькой, мы с мамой однажды шли по улице и к нам пристала цыганка. Я помню всё так ясно, как будто это случилось вчера. У цыганки были чёрные, как ночь, глаза, и они заглянули мне прямо в душу. Мама хотела оттащить меня, закричала, принялась совать цыганке деньги, но та презрительно плюнула в её сторону. Я не могла сдвинуться с места и, как замороженная, смотрела на эту странную Бабу Ягу в цветастых юбках. На груди женщины лежали, чуть позвякивая при каждом движении, бусы и золотые монетки на ниточке. Потом уже я узнала, что это называется монисто, а тогда просто смотрела на них и не могла оторвать взгляд.

Грубая кожа заскорузлой ладони коснулась моей щеки, цыганка пошевелила губами и сказала таким тоном, как будто доктор говорил с пациенткой:

— Сними крестик! И золото сними, не носить тебе золота! Серебро надень.

— Прочь иди, убери руки от моего ребёнка! — крикнула мама в отчаянье. — Диана, пойдём! Пойдём отсюда!

— Как дочь назвала, тьфу! И крестик надела! — цыганка прищурила красивые глаза и добавила тише, уже мне: — Р_уда, Р^да твоё имя, запомни. И никому не говори его. Только тому, кто будет тебе ближе всех.

Я кивнула, глядя в черноту ночи под длинными ресницами, но в этот момент мама с силой дёрнула меня за руку:

— Да иди же ты сюда! Не слушай её!

Наваждение спало, и я уже испуганно прижалась к маме, готовая заплакать. А та повела меня прочь, то и дело оглядываясь на цыганку и возмущённо бормоча:

— Куда только полиция смотрит?! Сильно испугалась, Дианочка?

Да, тогда я испугалась. До дрожи в коленках! И помнила этот страх ещё очень долго. Все встречные цыганки вызывали во мне

неприятное чувство беспомощности. А потом я научилась справляться с этим и почти забыла о происшествии.

А вспомнила сейчас.

Когда старая цыганка на привокзальной площади, поцокав языком, крикнула:

— Крестикними! И золотоними!

— Ага, и тебе отдать?! — фыркнула я, волоча тяжёлую сумку.

— Сними, говорю! Хочешь, отдай, хочешь, выбрось... — она пожала плечами и сунула в рот мундштук трубки, которой дымила, как старый шкипер.

— Сдурела, да?

Я остановилась, с любопытством оглядев старуху. Она вытащила трубку и усмехнулась, показав чёрные зубы:

— К бабке в деревню едешь? Не доедешь. Сними крестик, отдай мне, а я тебе кое-что взамен дам.

— Ага, щаз! Два раза, — съязвила, но в ответ услышала:

— Не играй с тем, что сильнее тебя, Руда.

Опять это странное имя! И всё так же с ударением на первый слог — Р^да. Что оно означает, и почему все цыганки упёрлись меня им называть?

— Меня зовут Диана, — возразила я и глянула на часы. Электричка через десять минут, надо поспешить. Цыганка отмахнулась:

— Забудь! Дай мне крестик. Дай, не пожалеешь!

Чем можно объяснить то, что я послушно сняла цепочку с шеи и протянула старухе? Только наваждением. Но золото ручейком перетекло в морщинистую ладонь, цыганка проворно сжала кулак и вдруг шагнула ближе, почти вплотную,дохнула жжёным табаком в лицо и прошептала, словно ветер в кронах прошелестел:

— Возьми взамен то, что затерялось, что нашлось, что пригодится и что нельзя другим отдать...

— И что это? — таким же таинственным шёпотом спросила я. Цыганка прищурилась, сунула мне в руку камушек и отошла подальше:

— Иди, иди, а то на встречу с судьбой опоздаешь.

— С судьбой не знаю, а вот на электричку точно опоздаю, — пробурчала я. — Зачем только крестик отдала.

— Не жалея, Руда, — усмехнулась старуха. — Никогда и ни о чём.

Отмахнувшись от неё, я подхватила сумку и побежала на перрон пригородных поездов. Очнувшись только в электричке — пить страшно захотелось. Такой сушняк взял, что аж в горле запершило. Достала из кармашка сумки бутылку воды, хотела пробку скрутить и обнаружила зажатый в кулаке камушек.

Сразу забылась жажда и даже цыганка отошла в памяти на второй план. Я обменивала золотой крестик и золотую цепочку на маленький голубой камешек, прозрачный, как слеза, и тяжёлый, как голыш. Он опоясан тонким серебряным колечком, а в него продет простой шнурок, да так хитро, что можно камушек развернуть любой стороной. А с другой стороны он матово-белый, как интересно!

Занятная вещица, но она всяко не стоит золота.

Интересно, почему цыганки отговаривали меня носить золото? Ведь я Лев по гороскопу, это мой металл! Пожав плечами, я надела кулон на шею и всё-таки открыла бутылку воды. Электричка мерно стучала колёсами по стыкам рельс, сиденья скрипели, двери хлопали. Ехать почти час, может, попробовать выспаться? Учёба на втором курсе института и сон

— понятия практически несовместимые. Сессию сдала, теперь можно отдохнуть у бабушки на даче. Но учебники я с собой взяла — анатомия и гистология всегда со мной, никогда меня не покинут, будут даже под подушкой ночевать.

Прикрыв глаза, я размечталась о том, как лягу на скрипучую кровать в маленькой комнатке, кулаком взобью тяжёлую подушку, которая видела ещё расцвет СССР, натяну на плечи одеяло, заправленное в хрустящий от крахмала пододеяльник с ромбиком в центре, и провалюсь в сон до утра, пока меня не разбудит петух с лужёной глоткой. И тогда я встану, потягиваясь, погреюсь немножечко у чуть тёплой печи, перебирая босыми ногами на холодном полу, пойду на кухню. Там, под полотенечком, найдутся горячие оладьи, в банке — сметана от тётки Вали, что живёт через два дома, в узком носатом кофейнике на печке будет греться кофе, а к нему — кусок сахара и домашние сливки, которые бабушка обычно никогда не покупает, только когда я приезжаю.

Скрежет и вой гнущегося металла ворвался в мои мечты, разрушив их до основания. Меня потрянуло так, что я ударились

головой, полетела куда-то в проход, а потом завертело, стукнуло, и всё замерло.

Я тоже замерла, а может, потеряла сознание на несколько секунд. Очнулась от того, что было неудобно лежать — рука упиралась во что-то твёрдое. Села, осмотрелась. Было темно, где-то мигали лампочки, а может провода искрили... Пахло гарью, чем-то сладким и ещё — раскалённым железом. Наощупь я выбралась из прохода, встала на ноги. Оказалось — подо мной стекло, которое треснуло и сейчас рассыпалось на осколки. Паники почему-то не было, я отметила этот факт дальней частью сознания, а вот необходимость вылезти из опрокинувшегося вагона стала срочной! Надо выбираться наружу! Где моя сумка? А, чёрт с ней!

Я пробралась в край вагона, стараясь не думать о том, что это за мягкое у меня под ногами

— упавший чемодан или чьё-то тело, — и полезла наверх, карабкаясь по сиденьям. К счастью, автоматические двери не заклинило, а может, машинист открыл их после аварии. Последний рывок — и я на свежем воздухе, на свободе. Даже голова закружилась в первый момент, но потом снова потянуло гарью. Поскорее на землю! Наверное, МЧС уже в пути. Сейчас всех спасут. А я в порядке, мне помощь не нужна. Да и мы уже близко от дачного посёлка, я знаю эти места, пешком дойду.

Не знаю, откуда пришло это решение, но я, отчаянно работая руками и ногами, как заправская обезьяна, соскользнула на щебень железнодорожного полотна. Где-то вдалеке были сирены. Совсем рядом кто-то причитал. Я огляделась — женщина баюкала руку, сидя на поваленном дереве у путей. Подошла к ней, тронула за плечо:

— С вами всё в порядке?

Она подняла на меня глаза и пожаловалась:

— Кажется, руку сломала.

— Ничего, сейчас спасатели будут на месте. Главное, не двигайте рукой.

Больше никого в окрестностях поваленной электрички не было, и я с чистым сердцем потопала в сторону посёлка. Через лес, да. Я бесстрашная девочка, я в меде учусь, в призраков и леших не верю. Больше всего меня напрягала потеря сумки. Но, как евреи говорят, спасибо, что взял деньгами.

В лесу между деревьев лежал туман. И это было странно. Сразу я и не поняла, что мне не нравится, но потом осознала — туман обычно бывает на открытых местах! А тут он клубился над травой, скрывая её местами, клочковатый, невнятный, холодный туман. Но, осознав, я сразу же забыла о погодных коллизиях и ускорила шаг. Здесь должна быть тропинка. Найти бы её поскорее, нащупать бы подошвами, а то только мох пружинит под ногами, и кажется, что я сейчас провалюсь в болотную жижу.

О, вот старый дуб! Теперь налево. И тут должна быть тропинка! Где же она? Ничего не разглядишь с этим дурацким туманом! Я оперлась рукой о шершавую кору в трещинах и разрезах, удивилась — тёплая! Даже ощупала дерево ещё раз, провела ладонью вверх-вниз. И отдернула руку — кора нагрелась так сильно, что обожгла кожу. Я вскрикнула, отшатнувшись от дерева, зацепилась волосами за ветку, дернулась в другую сторону и.

Земля ушла из-под ног в буквальном смысле слова! Я взмахнула руками и с воплем покатила кубарем вниз.

.. Когда я вынырнула из темноты, вокруг звенело птичьими голосами утро. Я валялась на травке у подножия обрыва, с которого наверхнулась. Протерла глаза и смерила его взглядом. Как только шею не свернула? Куда это меня угораздило? С каких пор овраги возле дачных посёлков? Ох, всё тело болит.

Я встала, кряхтя, как столетняя старуха, и огляделась. Лужайка. Перелесок, а за ним блестит вода. Пить охота. Пойду напьюсь, а там и посмотрю, как выбираться отсюда. Оглянувшись ещё раз на неприступный склон оврага, я пошла к воде. Точнее, поковыляла, потому что в правой ноге обжигающей иглой разлилась боль. Вот угораздило! Теперь все каникулы проваляюсь с растяжением! Если не с переломом.

Пить из реки было стрёмно. Но, перекрестившись, я всё же зачерпнула и напилась из горсти. От жажды, наверное, речная вода показалась мне самой вкусной в мире. Потом я умылась, удивившись, что с лица смывалось чёрное. Сажа, что ли? От электрички? Так вроде не горела. Ладно, разберёмся. Дойду до посёлка, возьму бабушкин смартфон и посмотрю новости.

Осталось только выяснить, в какой стороне посёлок.

Лента реки вилась между деревьев, исчезая с обеих сторон за поворотами в глубинах леса. И это оказалось очень странно, потому что на пятьдесят километров вокруг посёлка воды не было. Даже для полива огородов у каждого была колонка от артезианской скважины. Не могла же я улететь на пятьдесят километров в овраг? Куда идти? Налево или направо? И как идти? Нога болит ужасно. Телефона нет, даже позвонить МЧС нельзя.

Машинально я взялась за крестик и ощутила под пальцами гладкий камушек. Чёрт! Я же выменяла свой крестик на эту ерундовину. А цыганка вся такая важная сказала. Что она там сказала? Что-то про потерялось, нашлось, другому не отдать. Не помню. Эх, надо бы костыль соорудить, ногу обмотать чем-нибудь потуже. А нечем. Не кофточку же рвать на полосы!

Я огляделась по сторонам в поисках длинных широких листьев и обалдела. Вся трава, все листочки на деревьях внезапно засветились красным. Не целиком, а контуры — как будто их обвели ярким флуоресцентным маркером. Я протерла глаза кулаками, снова открыла, но ничего не изменилось. Каждая часть окружающей меня флоры мерцала красным. Более того — я видела и корешки. Не знаю, как именно, но видела. И они тоже были красными.

— О господи. — только и пробормотала, но это не помогло. Мерцание начинало раздражать. Что за странная реакция? Может, у меня в мозге что-то повредилось после крушения? Гематома образовалась и давит на зрительный нерв? Волшебненько! Только этого мне и не хватало. В больницу надо, МРТ делать, а я тут застряла.

Обозлившись на чёртову электричку, я заковыляла по берегу, то и дело ойкая, когда нога попадала в ямку. Красное свечение уже бесило, давило изнутри. И я рывкнула неизвестно кому:

— Пропади, сгинь! Не хочу больше видеть это кровавое буйство!

И даже удивилась, когда красные контуры всего на свете притухли, померкли, светясь лишь чуть-чуть и ненавязчиво. Так жить уже можно, так легче. Неужели оно может загораться и гаснуть по желанию? Ладно, проверять не буду, а то ещё голова заболит. Мне и ноги хватает. Чем же её забинтовать?

— Ёшкин кот! — вскрикнула, когда прямо на моём пути целые заросли какой-то неизвестной мне травы зажглись ярким зелёным по

контурам. Потом в голове чуть уменьшили яркость, но травинки не погасли, в красный не окрасились. — Красный свет

— дороги нет. А зелёный...

Я замолчала, потому что забыла слова, и подняла брови. Зелёный, значит, разрешается. Этой травкой можно забинтовать ногу? Господи, глупости какие. Но вот эти листочки лопуха, или похожие на лопух, сойдут за бинт. Они тоже вроде как зелёные. Во всяком случае, хуже не будет.

Присев под дерево на кочку, я нарвала листьев «лопуха» и пучков травы, обмотала ногу, постаравшись зафиксировать так туго, как только могла. И ремень вытянула из джинсов, тоже затянула поверх. Встала, попробовала — идти уже не так больно. Ладно, поковыляли дальше.

Река вилась налево и направо, а я следовала её течению — медленно, но верно. Высматривала по сторонам, нет ли признаков жилья, выслушивала, нет ли звуков города. Всё тщетно, как сказал бы папа своим любимым пафосным тоном. Полный пиздец, как сказала бы мама, хмуря брови. А бабушка сказала бы: ой, не нойте и шагайте. Вот я и шагала.

Пока навстречу мне из зарослей кустарника не выскочил огромный лохматый рыжий пёс.

С собаками я никогда дел не имела, лимит — боялась их. Поэтому замерла на месте и вытянула руку вперёд. Промелькнула мысль, что я совсем не знаю, как поступить в такой ситуации. Но вроде бы нужно разговаривать низким успокаивающим голосом. Вроде бы.

— Хорошая собачка. Хорошая. Иди своей дорогой, а я пойду своей, договорились?

Собака открыла пасть, а я подумала было, что сейчас молвит человеческим голосом: не прогоняй меня, Дианка, я тебе ещё пригожусь! Боги, глупость какая. И сделала шаг назад. Ой нет, вроде бы этого делать нельзя! Надо стоять на месте и притворяться деревом. Может, тогда пёс пробежит мимо?

Вывалив длинный розовый язык, собака смотрела на меня как будто выжидающе, а я смотрела на неё, старательно скрывая свой страх. И мандраж взял — а вдруг мы тут будем играть в «кто кого пересидит»? А вдруг это животное упрямее, чем я?

Пёс моргнул и неожиданно гавкнул.

Я присела.

Он отряхнулся.

Я отпрянула.

Он повернулся и побежал обратно в заросли. Оглянулся, посмотрев на меня.

Как будто приглашал следовать за ним.

Да-да, раньше я такое видела только в фильмах! А теперь пришлось и наяву увидеть... Это чудовище приглашало меня за собой в кусты.

Икнув, я ласково спросила:

— Ты хочешь, чтобы я пошла туда?

— Да!

Я снова икнула. Со мной такое бывает в минуты волнения. А тут волноваться сам бог велел! Собака разговаривает! Не как в мультиках, конечно, брылями не двигает по-человечьи, а просто думает вслух.

А вот сейчас самое время проснуться!

— Быстрее, — услышала я.

Ущипнула себя за мякоть руки. Ойкнула от боли. Пёс закрыл пасть и склонил голову набок с удивлённым выражением морды. Потом снова отряхнулся, словно хотел сказать: теряем время! Он явно спешил, а мне стало страшно и смешно одновременно. Страшно оттого, что всё это так похоже на реальность, а смешно оттого, что такие сны мне ещё не снились. До того всё натуральное, что даже синяк останется на руке.

Но за псом я пошла. Мы нырнули в заросли непонятных кустов, которые, как и все остальные растения, уже не светились никакими цветными контурами. Спутник мне попался не слишком умный, потому что ломился туда, где человеку не пройти. Приходилось с силой ломать ветки и шуметь что твой медведь. Кусты пахли сильно и непривычно, и этот запах тоже не был мне знаком. Голова закружилась, но мы с собакой, к счастью, выбрались на свежий воздух.

С другой стороны зарослей тоже была прогалина. Восходящее солнце освещало её, превращая вид обычной лужайки в сказочное королевство, где жили маленькие феи и умильные зайчатки. Тьфу, что это со мной? Никаких фей тут нет, зайчатки попрятались по норкам, а на поляне пасётся лошадь под седлом. Хм, интересно, чья

это лошадь? И разве их не отпускают на выпас без седла? Хотя. О чём я думаю? Это сон, а во сне может быть всё, что угодно.

Даже всадник, кулём валяющийся на опушке.

Всадник?

— О господи!

Я бросилась к неподвижному телу, упала на колени перед ним, чуть не порезавшись о меч. Меч? Пофиг, всё это потом! Неужели человек мёртв?

Пальцы сами нашли жилку на шее под короткой бородкой, пульс толкнулся пару раз — слишком медленно, слишком устало. Жив! Но, похоже, ненадолго. Что с ним случилось?

Распахнув на его груди плащ, я ощупала грудь, живот, чтобы найти рану. И нашла — слева из грудной клетки торчала короткая оперённая стрела.

Глава 3. Светлый князь

Июнь 20 число

— Ой, мамочки... — пробормотала я, отдёргнув руки. Вот если бы я училась курсе на четвёртом... Я смогла бы помочь мужчине. Но у нас не было практики! Конечно, кое-какие познания я могу припомнить. Ни в коем случае не вытаскивать стрелу из раны. Где я об этом слышала? Или читала? Нет, нож нельзя вытаскивать! А стрелу всё равно придётся. Паника охватила меня. Аж руки затряслись. Грудь, как и живот, это почти смертельно в таких условиях! Там же сердце, лёгкие! Если не умрёт от дырки в сердце, то пневмоторакс его точно убьёт!

В любом случае мужчина умрёт.

Но сделать что-то всё равно надо, иначе я себе этого никогда не прощу — вдруг могла бы спасти? Чтобы успокоить дрожавшие руки, принялась зачем-то ощупывать грудь вокруг стрелы, одновременно вспоминая анатомию. В нескольких сантиметрах от входного отверстия уже был старый шрам: узкий и тонкий. Видимо, ножевое. Проведя по грубой коллоидной полоске пальцем, я ахнула, не удержавшись. Зелёные всполохи словно открыли мне направление удара и задетые органы. Зарубцевавшаяся дыра в лёгком. А сердце не задето просто потому, что оно не чуть слева, а чуть справа!

Вот везунчик!

Куда же попала стрела? Ни на что не надеясь, я пальцами направила всполохи зелёного света вокруг неё, и мне открылись трахея с пищеводом, сосуды, артерии, мышцы, рёбра.

С восторгом ребёнка я рассматривала это чудное чудо. Какой здоровский сон! Вот бы с таким «рентгеном» изучать анатомию! Стрела прошла каким-то чудом между всего на свете, пронзив только мягкие ткани. Даже лёгкое не задето. Сон, чисто сон, потому что в реальной жизни так не везёт.

Я оглянулась на собаку. Та лежала рядом, открыв пасть и вывалив язык, тяжело дышала, глядя на нас карими глазами. Я спросила на всякий случай:

— А вдруг он умрёт?
— Лечи, — ответил пёс.

Ну ладно. Раз так безапелляционно. Буду лечить. В какой книге я читала про то, как вынимали стрелу? Не помню, но это и не важно! Нужен нож, желательно острый. Я распахнула плащ на мужчине. Если есть меч, то должен быть и какой-нибудь кинжал на поясе, потому что мечом пилить стрелу будет весьма неудобно. Весьма.

Кинжал на поясе нашёлся. Он висел в декоративных ножнах, украшенных камешками, и я с осторожностью вытащила его. Кинжал оказался искусно, витиевато зазубренным и с рукояткой в виде прыгающего зверя с оскаленной пастью. Если это не фикция, то красивый кинжал. Я опробовала его на стреле, и лезвие обрезало тонкую деревяшку в два счёта. Видимо, от толчка в рану мужчина захрипел, дёрнулся, схватил меня за руку. Я вскрикнула и попыталась освободиться:

— Эй, ты чего? Лежи спокойно! Сейчас всё пройдёт!

Склонившись над ним, глянула в открывшиеся глаза — тёмно-синие, будто космос, а он сморщился от боли, глядя сквозь меня, застонал:

— Руби... Руби их!

— Руби кого? — не поняла, оглянулась. Потом сообразила — бредит. Погладила его по щеке, успокаивая: — Спокойно, всех порублю. А пока надо тебя вылечить. Сейчас будет немного больно.

Чёрт, он же может и загнуться от болевого шока!

— Боги этого сна, пошлите мне хоть какое-нибудь обезболивающее! Опиум.

Каннабис. Какие там ещё травки бывают? — сказала с отчаяньем, ни к кому не обращаясь. Впрочем, меня услышали. Уж не знаю, боги или демоны, но неподалёку вспыхнул зелёным и весело засветился по контурам кустик с меленькими круглыми листочками. Он был мне незнаком. Но сиял очень уверенно. Что делать? Поверить травке? Я глянула на собаку. Та лежала, вывалив язык, и смотрела на меня. Молча. Ждать от неё совета не стоит.

Ладно, была не была! Всё равно выбора у меня нет!

Я вскочила на ноги и побежала к кустику. Рвать листочки? Да — они вспыхнули сильнее и ярче, так и маня. Оборвав с десятков, сунула к носу, понюхала. Что-то знакомое, но вспомнить не могу. Машинально

помяла в ладонях, покатила. Листочки выпустили сок, окрасив кожу в бледно-серый цвет. И чувствительность пригасла. Я даже ущипнула себя за ладонь — нет, не больно!

Хорошо. Хорошо, верю.

Вернувшись к раненому, я решительно разорвала рубаху на его груди, развязала завязки плаща и сбросила его. С трудом перевернула мужчину на бок, увидела наконечник стрелы. Слава богу, не придётся резать и доставать! Так, теперь надо одновременно тянуть с одной стороны и толкать в рану листочки с другой. Если повезёт, то и крови не будет много.

Мне не повезло. Стрелу я вытянула довольно легко, но из выходящего отверстия струилась кровь. Входящее я заткнула, обезболив. Если я спрошу у природы, ответит ли она мне?

Постеснявшись собаки, спросила про себя. Чем остановить кровь? И огляделась вокруг, боясь пропустить знак. Выпрямилась: лошадь щипала высокие длинные стебли с резными листьями и головой потряхивала. Именно эти листья светились зелёным, а те, что рядом, похожие, — красным. Вот незадача!

Я встала и аккуратно приблизилась к коню. Если показывать, что боишься, животное почувствует это. Ещё больше, чем собак, я боялась лошадей. Начиталась того, что это большие и сильные животные, что они кусаются и бьют копытами. Но я должна помочь своему раненому, кстати, хозяину этой зверюги! Поэтому вежливо попросила коня:

— Извини, мне нужно нарвать этих листьев. Отойди, пожалуйста!

Тот покосился на меня, отступил на два шага и буркнул:

Пожалуйста.

Ну конечно, раз собака говорит, почему бы и лошади не иметь голос?

Дурдом!

Оборвав все светящиеся листочки на кустике, я бегом вернулась к раненому. Во мне отчего-то крепло убеждение, что я не сплю. Нога-то болит! Хотя уже почти и не болит...

И вывих был, что я вывих не узнаю, что ли? Во сне же никогда не болит. И ветерок на щеках не чувствуется во сне.

Снова опустившись на колени перед мужчиной, я начала соображать, как залепить листочками раны. Как только пыталась приложить к коже, они резко меняли цвет на красный. Я уж и мяла их,

и складывала вдвое-втрое, и стопочкой. Ничего не получалось. В отчаянии сунула эту дрянь в рот и пожевала. Мало ли. Оказалось — правильно сделала. Горькие листочки, просто ужас. Заткнув пережёванными листьями рану мужчины, я разорвала его рубашку и кинжалом нарезала плотную льняную ткань на полосы. Получились бинты. Кровь перестала сочиться, бандаж получился практически профессиональным (преподаватели бы за меня порадовались!), и я села на траву перевести дух.

Собака подобралась ближе и тщательно обнюхала хозяина со всех сторон, полизала ему щёки и обернулась ко мне:

— Живой?

— Пока живой, — я пожала плечами. — Но всё может измениться.

— Я должен обнюхать.

— Нюхай.

— Тебя.

— А меня-то зачем? — удивилась я.

— Чтобы знать, — загадочно ответил пёс.

Я подняла брови и руки. Пусть нюхает, если ему в кайф. Он приблизился осторожно, вытянув шею, обнюхал моё лицо. Мне вдруг стало жарко. Вдруг вцепится? Кто его знает, может, это какой-то сумасшедший пёс.

От моего нового товарища пахло псиной. И ещё гарью. Пахло мужчиной, которого я лечила. Пахло конюшней и сеном. Наверное, именно в этот самый момент я и поняла, что фигушки это сон. Никакой не сон. Самая настоящая реальная реальность. Во сне невозможно почувствовать запах. Можно понимать, что пахнет хорошо, плохо, вкусно, ароматно, но не чувствовать.

Я попала в какое-то другое измерение?

Воспитанная на добротных фантастических романах и немного на Гарри Поттере, содрогнулась. Ничего хорошего жизнь попаданки не предвещает. Это только в любовных романчиках девушка из России становится герцогиней, загребает сокровища и сердце самого видного кавалера, желательно короля или на худой конец принца. Сама я не читала (но осуждаю три ха-ха), подруги рассказывали. На самом же деле меня могут убить из-за любой мелочи: не так посмотрела, не так поклонилась, не на том языке заговорила...

Эпоха?

Сопоставив вышитые мотивы на рубахе, плащ, подбитый мехом, меч, добавив некое неуловимое ощущение, которое я вряд ли смогла бы передать словами, я решила, что это дохристианская Русь. Новгород какой-нибудь или Киев. История меня никогда не увлекала, я терпеть не могла заучивать даты и события, поэтому всё, что касается этой части школьной программы, у меня выветрилось из головы сразу после ЕГЭ. Дохристианская Русь представлялась мне смесью войн, убийств и бесчисленного количества богов.

А ещё появилось непреодолимое желание немедленно вернуться к тому оврагу, с которого я свалилась в этот мир. Или в это время.

— Ну что, обнюхал? — поинтересовалась невежливо у собаки. Та села напротив:

— Да.

— Вердикт?

— Ты не из золотых хазар.

— Золотые хазары? — переспросила я. — Это ещё кто?

— Как хазары, но с золотыми перьями на шлемах, — объяснил пёс. — Напали. Мы защищались. Я убил двоих. Князь четверых. Остальные остались там.

— Вы попали в засаду? — догадалась я.

— Они вышли из-за грани. Ты тоже из-за грани, но не из них. Пахнешь по-другому.

Я наморщила лоб, пытаюсь выгresti из завалов памяти словосочетание «золотые хазары». Там вертелся только вещий Олег со своей лошадью, которую покусала змея, и фразой про то, как он собирался отмстить неразумным хазарам. Больше ничего.

— Я точно не сплю? — спросила на всякий случай и получила обстоятельный ответ:

— Нет. Спят с закрытыми глазами, а у тебя глаза открыты.

— Разумно, — согласилась, бросив взгляд на князя. — Слушай, а где у вас ближайшая больница?

Задала глупый вопрос и сразу поняла это. По глазам собаки. Пёс смотрел с вежливой опаской, как на сумасшедшую. Поправилась:

— Ну, домой его надо отвезти что ли.

— Город уже недалеко, — словно с облегчением отозвался пёс. — До заката солнца доберёмся.

— Фигасе недалеко! — присвистнула я. — У меня, между прочим, нога болит!

И осеклась. Пошевелила лодыжкой. Нога не болела. Она не одеревенела, двигалась нормально, просто не болела, как будто я её и не подворачивала. Так. Та-ак... Что всё это значит, я пока не знаю. Но разберусь. Потом. Сначала надо.

— Ты можешь подогнать лошадь? — спросила я у собаки. Та встала, отряхнулась с головы до хвоста и ответила, будто плечами пожала:

— Попроси, и она придёт.

— Думаешь?

— Уверен.

— А. Как её зовут?

— Резвый, — буркнул пёс и снова лёг. Лентяй. Всё самой придётся, всё самой.

Я сделала несколько шагов в сторону лошади и спросила осторожно:

— Скажи, Резвый, можно тебя попросить подойти?

— Попроси, — рассеянно ответила лошадь, продолжая щипать траву. Нет, серьёзно? Так всегда говорил папа, когда я задавала подобный вопрос. А на моё возмущение улыбался: «Ты спрашиваешь разрешения попросить или всё же сделать что-то?» Вспомнив папу, я со вздохом поправилась:

— Резвый, подойди, пожалуйста, поближе к хозяину.

Покосившись на меня большим тёмным глазом, Резвый послушно потопал к лежавшему раненому. Мой план был таков: взгромоздить князя на коня и потихонечку отвезти в цивилизацию. В относительную цивилизацию. Потому что на врачебную помощь тут рассчитывать не приходится.

Если князь не помрёт по дороге, если не скопытится от инфекции.

Возможно, меня даже наградят.

Возможно, даже не посмертно.

Конь лёг, подогнув ноги под себя, рядом с князем. Я кое-как взгромоздила совсем не лёгкого мужчину животом на седло и, перекинув руку, примотала её ремешком к подпруге. Для верности ещё и ногу закрепила с другой стороны седла, а потом перекинула повод со спины лошади к морде и спросила:

— А ты знаешь, куда везти?

Конь кивнул большой головой, фыркнул, как мне показалось, презрительно и сказал, жуя уздечку:

— Знаю, сам довезу.

— Сам он довезёт, — гавкнул пёс. — Пошли потихоньку.

Я только пожала плечами и скомандовала:

— Н-но!

— «Но»! — заржал Резвый. — Нет, ну посмотрите на неё! «Но» упряжным кричат, а я подседельный! Я боевой жеребец! А она мне: «Но»!

— Прости, — с улыбкой ответила я. — Никогда раньше не имела дела с лошадьми.

— Пешком-то далеко не находишься, — посочувствовал Резвый, а пёс поддакнул:

— Лошадь надо иметь каждому.

— Мне не надо, спасибо, — отказалась. Проверила пальцами, не намокли ли бинты на груди раненого от крови. Посмотрела на собаку: — А тебя как зовут?

— Буран.

— В метель родился? — усмехнулась. Пёс озадачился и ответил:

— Нет, это потому что бурый. А тебя каким именем можно звать?

— Диана, — ответила машинально. Станный он, этот Буран. То говорит односложно, то вычурно выражается... Как будто можно звать несколькими именами!

Перед глазами вдруг всплыл образ старой цыганки. Она вытащила изо рта мундштук трубки и криво усмехнулась: «К бабке едешь? Не доедешь». Чёрт! А ведь и правда — не доехала! Откуда старая ведьма знала? Что же она там ещё говорила, одурманивая мою голову? Нет, не вспомнить. Только это издевательское «не доедешь» и осталось. И имя. Руда. А та молодая цыганка в детстве утверждала, что это моё имя и нельзя его говорить никому, кроме того, кто станет ближе всех. Я говорила маме, конечно, но та злилась и ругалась. А потом я забыла.

Поправив чуть съехавшего с седла князя, я спросила:

— Буран, а сколько должно быть имён у человека?

— Сколько хочешь, — философски ответил пёс, оторвавшись от обнюхивания травы. Мы шли небыстрым шагом по лугу, приближаясь к перелеску. Где-то вдалеке кто-то фыркал, а ещё похрустывали ветки,

но я здраво рассудила, что со мной рядом большая собака, которая унюхает хищника на расстоянии и предупредит, а то и защитит. Сколько хочешь имён. Ну, наверное, он имеет в виду клички?

Клички, что ли?

— А как тебя кличет мать? Как подружки зовут? Как волхв нарёк?

— Э-э-э... У нас нет волхвов. Священники есть, но имя мне выбрала мама.

— Что оно означает? — поинтересовался Буран, вглядываясь в перелесок. Я подала плечами:

— Это имя богини охотницы, а так оно значит «посланница здоровья и благодеяния».

— А-а-а, так ты знахарка! Травница, — заключил пёс. — Я так и думал.

Думал он! Хм, знахарка. Да, будущий врач, но не заговорами лечащий, а по науке, лекарствами! Знахарка, пф!

Однако в голове всё вертелось и вертелось имя Руда. Поему так? Рудый это рыжий. Да, у меня волосы цвета меди, но отчего-то казалось, что у этого имени есть и другие значения. Не может же всё сводиться только к цвету волос?

Не знаю, сколько времени мы шли. Не было с собой мобильного, чтобы посмотреть, а часов я не носила. Только посматривала на солнце постоянно — как оно смещается по небу. Ноги начали тяжелеть. Князь держался. Дышал прерывисто, но дышал. Я про себя говорила ему: держись, держись, не умирай! И вытирала бисеринки пота с его высокого лба.

Наконец Буран поднял голову, нюхая воздух, и сказал:

— Город близко.

— Ура, — устало отозвалась я. — Мне холодно, и жрать хочу, блин!

— Тебе в город лучше не ходить, — бросил пёс и убежал вперёд. Как это не ходить? Чего это мне не ходить? Я оглядела себя и кивнула. Ну да, в джинсах, наверное, лучше не ходить туда, где все в сарафанах и холщовых «вышиванках». Но где достать одежду?

Город и правда оказался недалеко. Примерно минут через десять перелесок закончился, мы оказались на опушке, и у меня захватило дыхание. Город был огромным. Не таким, конечно, как наши города, а с Москвой и вовсе не сравнить, но гораздо больше тех, которые я

видела на картинах художников и представляла, читая книги о древней Руси.

За высоченным частоколом стояли деревянные терема. Их маковки возвышались над городом, сверкая золочёными шпилями в свете закатного солнца. Фигурки диковинных зверей, вырезанные из дерева, украшали крыши, а на фасадах темнели крупно нарисованные символы крестов и солнц. Там и сям между маленьких окошек смотрели на меня строгие лица вытянутые и узкие, в рогатых шлемах и с длинными, свисающими до бороды усами. А в центре стоял самый высокий терем — с солнечным диском на маковке, венчающем весь город. Небось, княжий дом.

Буран вернулся с высунутым языком и сказал довольноно:

— Пускай Резвого, пусть везёт князя в город.

— А мне куда, интересно? — обиделась я. Ведь я спасла ихнего князя, а меня теперь могут и не пустить!

Собака встряхнулась и села. Сказала нерешительно:

— Как ты есть травница... Пойдём, отведу тебя.

— Куда?

— Есть одно местечко.

Загадочный ответ удовлетворил меня чуть больше, чем наполовину. Местечко, ишь! Я голодная, как волк, смогла бы сейчас съесть половину столовки нашего меда, а он мне — местечко. Ну, если меня там накормят, то ладно.

Устроив повод на шее коня, я похлопала его по шее и сказала:

— Вези князя в город, Резвый, пожалуйста.

— Хорошо, отвезу, — покладисто согласился тот и почал медленным шагом на дорогу, ведущую к высоким воротам в город. А Буран тронул носом мою руку:

— Нам обратно в лес, Диана.

Я с волнением посмотрела вслед лошади. Только бы ремешки не отвязались, только бы князь не упал. Только бы довели. И пошла за собакой вглубь леса.

Чавкающий под ногами влажный мох поглощал звуки моих шагов. Перелесок давно сменился еловым бором с редкими вкраплениями лиственных деревьев. Сумрак уже царил здесь, тогда как на равнине было ещё светло от заходящего солнца. Я шла на ощупь, едва различая в темноте серую шерсть на задугу Бурана. Тот

бежал быстро, возвращался, поджидая меня, потом снова скрывался между деревьями. Сердце ёкало, предчувствуя какую-нибудь вселенскую хуету, которая обязательно сейчас выскочит из-за ёлки и сожрёт меня без соли и специй!

И вдруг еловые лапы расступились, я шагнула на маленькую полянку — в десяток шагов туда и обратно, и увидела избушку. За многие года она втопилась в мягкую землю, и предыдущим обитателям пришлось углублять вход, чтобы дверь могла открыться. Над крышей торчала печная труба, но она была мёртвой — дым не шёл. И свет в крошечных окошках не горел. Избушка казалась заброшенной.

Я оглянулась на притихшего Бурана. Он сложил уши назад и сказал осторожно:

— Вот здесь никто не живёт уже давно.

— А кто жил?

— Ведунья-травница.

— Ха! — ответила я, снова окидывая взглядом врытый в землю и поросший мхом домишко. Поёжилась. Атмосферненько, конечно, но как-то. не по себе. Мне тут жить?

Да фигу вам! Я в этом сарайчике, а некоторые в высоких теремах! Совсем уже какая-то вселенская несправедливость...

— Ты со мной? — спросила у собаки, выходя на полянку. Буран попятился:

— Не, мне туда нельзя. Там место такое. как раз для тебя. А я в город, там мой хозяин.

И он, поджав хвост, убежал обратно в лес.

Тоже мне, друг человека. Я фыркнула задорно, чтобы подбодрить саму себя. Да ладно!

Я ничего не боюсь. Я девочка просвещённая, умная, я в нечисть и всяких богов не верю. Вот подойду, толкну дверь и войду.

Покосившаяся дверь поддалась не сразу. Я толкнула посильнее, глянувшись на молчаливый лес, толкнула ещё раз и ввалилась в избушку. Пахнуло затхлостью и травами

— таким убойным коктейлем из трав, что чуть дурно не стало. Оставив дверь открытой, я окинула взглядом своё временное жилище. И едва не отдала душу тому богу, в которого не верила.

На топчане у закопченной печки лежал, заботливо укрытый покрывалом из множества цветастых кусочков, скелет с длинными седыми волосами.

Глава 4. Все ведьмы рыжие

Июнь 20 число

— Твою мать, — только и смогла сказать я, когда обрела способность говорить. Вот повезло так повезло! Попала в какую-то дыру миров, мило поболтала с лошадкой и собачкой, спасла человека и вот теперь мне придётся жить в пряничном домике с умершей неизвестно когда ведьмой.

Счастья привалило, Дианочка!

Так. Спокойно. В морге я уже была. Трупы видела. Трупы страшнее скелета. Чего мне бояться-то? Ведь не бросится на меня и не укусит! Надо взять себя в руки и осмотреться. Ночевать в лесу мне очень не хочется, в избушке со скелетом всяко безопаснее.

Прикрыв дверь, я сделала несколько шагов внутрь. Низкий потолок нависал над маленькой комнаткой, у противоположной от входа стены стояла печь — обычная, как в деревне, но поменьше. Топчан был единственной кроватью и был, к сожалению, занят. А на столе, на стенах и под потолком лежали и висели пучки трав. Сухие, свежие, перевязанные бечёвками или заботливо укутанные в тряпочки. Столько трав, что голова кружится от их запаха и в носу свербит. Ни одной книги. Ни одной бумаги с записями. Зато у окошка ещё один столик, а на нём склянки и горшочки. Я подошла к ним, заглянула в одну — какой-то серый порошок. В другой оказались кусочки чего-то коричневого и непонятного. В третьей. Я отскочила и зажала рот рукой — в баночке лежали склизкие маленькие глазки!

Фу! Даже думать не хочу, чьи они и как их собирали!

— Гадость какая. — пробормотала, сев на край топчана. Ноги гудели, как неродные. Спать тоже хотелось. А тут скелет. Чёрт. Надо, наверное, озаботиться похоронами.

Завернуть прямо в это покрывалко и отнести в лес, вырыть ямку... Яму. Сколько там надо по правилам? Метр или два? Я не смогу физически выкопать два метра земли.

— Я. ещё. не. померла.

Цепкая хватка за запястье заставила меня подскочить и заорать от ужаса. Меня держала рука скелета! Не кости, а рука, обтянутая кожей, пусть даже сухой и похожей на пергамент. Хватая ртом воздух, я пригляделась. Скелет вовсе ещё не скелет! Что-то среднее между трупом и мумией. Глаза открыты, полностью белёсые, вместо радужки — бельма. Губы шевелятся, старуха — а я отчего-то была уверена, что это женщина — силится что-то сказать. Мамочки. Живой труп, зомби!

Не кричала я только потому, что горло сдавило спазмом. Думала, удавлюсь на месте! А старуха прошептала:

— Давно. жду. Наклонись.

— Я бы предпочла отказаться. — прохрипела, пытаюсь вырвать руку, но живой скелет выдохнула:

— Наклонись, сил нет.

С детства меня учили, прямо в голову вдалбливали, что старым, пожилым и людям старше себя нельзя перечить. Поэтому, преодолевая себя, я наклонилась пониже. Старуха широко распахнула невидящие глаза и сказала:

— Во имя Мокоши и Мары, Лады и Лели, Берегини и Живы, отдаю тебе то, что служило мне и людям, что нельзя потерять и другому отдать, только на погребальном костре. Живи с миром, Руда.

— Что? Что вы сказали?

Мне показалось, что я где-то уже это слышала, но думать сейчас и вспоминать было как-то не с руки. Что за белиберду она бормочет? Мокошь какая-то. Богиня, что ли? При чём тут славянский пантеон? И опять Рудой меня назвала. И эта цыганка, ведьма, наверное, они меня преследуют прямо!

— Всё, теперь можно и помирать, — мумия растянула губы в последней улыбке, а мне стало жутко. Я вежливо ответила:

— Ну, может, ещё поживёте.

Старуха выдохнула, прошептала:

— Погребальный костёр.

И закрыла глаза.

Я подождала немного, но она больше не шевелилась, грудь не вздымалась и не опускалась. Полагаю, признаки смерти проверять тут бесполезно, разве что глазное яблоко сдавить. Да и то. Нет, нет, это полное фу! Господи, за что мне всё это?

Костлявая рука отпустила моё запястье. Я отдёрнула руку и потёрла его. Кажется, мне нужно бухнуть, срочно. Вот прямо щас, стопарик чего-нибудь сосудорасширяющего... У ведьмы точно должно быть, пусть даже настоящее на глазках.

При мысли о глазках мне снова стало дурновато, и я поспешно встала, обмахиваясь ладонью. Хорошо, всё хорошо. Спокойно. Скелет помер, а перед этим сказал какие-то бессмысленные слова. Впрочем, всё, что произошло со мной после крушения электрички, уже бессмысленно само по себе, так что ведьма не дополнила ничего особенного. Однако надо продолжать жить. Помереть, как она, я всегда успею. А тут становится холодно.

Похоже, сегодня я лягу спать не скоро.

Мне нужен план. План — это последовательность, это организация, это хоть какой-то порядок. Я люблю порядок и планы. Итак, первое — найти спички и дрова. Второе — зажечь огонь в печи. Третье — похоронить скелетоподобную ведьму. Четвёртое — найти что-нибудь пожевать. Вот, уже легче. Теперь можно приступать.

Спички в древней Руси это я, конечно, загнула. В голове возник образ огнива. Впрочем, как оно выглядит, я всё равно не знала, но знала — огниво должно быть. Кресало какое-то. А к нему камень. В общем, что-то для высекания искр. Оглядев печку, всё, что возле печки, под печкой и на печке, я нашла массу разных предметов. Но что из них служило для разведения огня — не была уверена. А может.

Травки-то зажигались зелёным от моих вопросов — озвученных или мысленных. Вдруг и огниво так смогу найти? Я встала напротив печки и спросила вполголоса:

— Чем зажечь огонь?

Почти не удивилась, когда два предмета легонечко засветились зелёным. Даже как-то слишком легко. Подозрительно легко.

Я взяла в одну руку камешек с ребристыми краями, в другую — железку в форме бычьих рогов. Надо одной штукой бить по другой, от этого появятся искры. Это пирит. Откуда я это знаю? Наверное, когда-то видео смотрела по ютьюбу. Память странная вещь. Вытаскивает какие-то знания, которые, думала, никогда не пригодятся. А вот и пригодилось!

Так, печь. Немного другая, чем привычные нам сложенные из кирпича. Эта была слеплена из глины и была в форме пузатого

кувшина с широким горлом. Туда я положила несколько полешек, которые ждали своего часа у стены. Потом обложила их соломой, найденной в том же углу. Занесла своё огниво, или по-русски кресало, и вдарила несколько раз. Сноп искр осветил внутренности печи, и больше ничего не случилось. Я озадачилась. Из глубин ютюбо-памяти всплыло новое предположение: надо раздуть.

Ну, надо, значит, раздуем. Я вытащила пучок соломы и положила его на край горла, высекла ещё один сноп искр и, как только они упали на сухую траву, принялась дуть изо всех сил. Сейчас гипервентиляцию как заработаю.

Тлеющие стебли задымили. С торжествующим видом я подбросила пучок к остальным в печь и продолжила дуть. Нет, теперь хватит. Поправила соломку, чтобы и другие стебли вспыхнули. Через пару минут в печи уже весело трещал огонь.

Я победила! Ура!

Сунув кресало и камень в карман, приложила ладони к теплеющему глиняному боку и закрыла глаза. Русский человек нигде не пропадёт! Но как же тяжело-то... Я ничего не просила, ничего! Никакой особенной силы. Не хочу быть здесь, не хочу жить в этой глуши и лечить травами, я не травница, я врач. Я хочу домой. Хочу к бабушке! Пусть она топит печку, пусть печёт в ней пирожки и сырники, ой, ещё драники! И картошечку хрустящую. Жрать охота! Я же не обедала, думала: к бабушке приеду и наемся вкусняшек, а тут апокалипсис. А в этой избушке разве что травы пожевать можно.

Блин!

Я открыла глаза. Надо же ведьму похоронить! Но как? В темноте копать могилу? Это я до утра копать буду. Нет, стоп. Я вспомнила последние слова старухи: «Погребальный костёр». Правильно, раньше же не закапывали в землю, а жгли! Как я могла забыть? Откуда я могла знать? Да и мороки с костром не меньше. Дрова надо найти, сложить, место выбрать.

Может, в лес? В лес. Конечно, надо идти в лес, там всё должно быть готово. А куда идти? А, ну да, там тропиночка есть. Она меня и приведёт.

Что за хрень? Откуда бы мне это знать? Я же пришла с другой стороны! Глянула на тело ведьмы и усмехнулась. Ну конечно. Как бы дико это не выглядело, но это она мне посылает такие мысли. Я

никогда не верила в телепатию, в жизнь после смерти, во всякие мистические вещи, но. Оказалась тут. А тут поверишь, даже если ты конченный материалист. Ладно, тропиночка так тропиночка. Поехали.

Стрёмно шо пипец! Это же надо её, старуху умершую, в руки брать, нести куда-то. Бывать в морге это одно. А манипулировать покойников — совсем другое. Я прижалась спиной к печке, пытаюсь набраться смелости и сделать шаг вперёд. Давай, Диана. Ты же будущий врач. Давай.

Я шагнула к топчану, быстро обвернула тело покрывалом, закрыв его полностью, даже волосы внутрь убрала. Подняла его на руки. Тело оказалось лёгким, будто новорождённого младенца взяла. Вышла из избушки и огляделась. Тропиночка была, была она! О как! На лес опустилась темнота, и я почти сразу перестала видеть. Куриная слепота какая-то случилась. Но, как по волшебству, я знала, куда идти. Ни светлячков, ни огоньков.

Поёжившись, собралась с духом и зашагала по тропинке, которую не видела, но словно ощущала всей кожей. А тут коряга, надо переступить. Ветка торчит, надо нагнуться. Как будто меня вели за ручку и подсказывали. Ну, ведьма! Как она так умеет? Значит ли это, что и я так сумею?

Хочется ли мне так уметь?

Шум воды я слышала издалека. И прохладный ветер, и туман. Река. Мы идём к реке. И такое спокойствие на душе появилось, будто все мои проблемы уже решились. Наверное, опять ведьма воздействует. Ладно, а теперь-то куда?

Я вышла на берег и сразу поняла, куда. На волне качалась лодка. Обычная плоскодонка, а внутри дровишки и солома. Ведьму надо положить в лодку, поджечь и пустить по воде. Откуда я знаю? А, пофиг! Надо — сделаем.

Тело, закутанное в покрывало, легло на дрова, я подоткнула солому под цветастую ткань и пожалела — эх, хорошее покрывало, чем мне потом укрываться? И снова мысль пришла: там же другое есть, в сундуке! Я усмехнулась. Спасибо, добрая женщина, хоть и втянула ты меня в историю, спасибо за заботу. Всё сделаю, как надо. Раз так надо.

На этот раз солома загорелась с первого раза. Я, присев на корточки возле лодки и боясь соскользнуть в воду, раздула огонь, и он

охватил сухую траву в один момент. Подождала, пока займётся кора на полешках, и оттолкнула лодку от берега, отвязав верёвку. Отражение огня в воде, эти всполохи красного и жёлтого завораживали, и я села прямо на траву, провожая лодку взглядом. Что мне теперь делать? Ведьма! Скажи, объясни! Но мыслей больше не было. Я видела, как горит покрывало, и понимала — она ушла, её больше нет. Подсказать больше некому. Я одна в этом чужом мире, совсем одна без помощи и советов.

Вокруг лодки вдруг закружились водоворотики, всплеск воды, и я увидела вынырнувшую молодую женщину. А потом ещё одну, и ещё, и ещё... Длинные волосы — светлые, тёмные, рыжие — мокрыми тряпками липли к щекам, а тонкие длинные руки ухватились за борта лодки. Я замерла, боясь пошевелиться. А девушки вдруг запели — тоскливо, протяжно — какую-то песню, слова которой я едва понимала. Но чётко поняла: это погребальная песня, и они провожают близкого человека.

Что за команда синхронного плавания?

Я встала, чтобы разглядеть пловчих получше, но они, заметив меня, пронзительно закричали, как неизвестные науке большие птицы, и разом нырнули. Чёрт, я их напугала. О господи, да это же русалки! Я видела туеву хучу русалок! Мамочки.

Снова плюхнулась на травку, чувствуя ночную росу на жоке джинсов. Да куда же я попала-то? Это фэнтезийный мир? Я всегда презирала эти фантазии, предпочитая фантастику. В принципе, я могла принять путешествие во времени, если считать таковым моё приключение. Время не линейно. Оно может разветвляться, заикливаться, как писали фантасты. А вот русалки — это уже из области бреда. Я брежу?

Вполне возможно. Я и с собакой разговаривала, и с лошастью. Галлюцинации? Да, но тогда надо признать, что это очень качественный глюк — в цвете, в звуках, в запахах. Я не пила, не ширялась, не нюхала. Значит, или какая-нибудь опухоль, или нервное расстройство. Может быть, посттравматическое. После крушения электрички. Да, скорее всего.

Но почему? Почему русалки, мёртвая ведьма, говорящие животные? Я никогда не читала фэнтези, даже фильмы не смотрела и Толкиена не боготворила. Значит.

Я встала. Да ничего это не значит. Кто знает, какие монстры таятся в человеческом мозгу. Ладно, сидеть тут не стоит, надо возвращаться в избушку. Мало ли, вдруг дикие звери? Бросив последний взгляд на пылающую лодку, которая медленно плыла вниз по течению, я развернулась и пошла обратно по тропинке.

Тёмный лес угнетал. И есть хотелось страшно. Магазинов, полагаю, тут нет и не предвидится ещё долгое время. Ведьма что-нибудь выращивала? Картошку какую-нибудь... Чёрт, нет, картошку привёз кто-то из царей! Пётр Первый, что ли? Хрен с ним. Главное, что картошки на этом континенте пока ещё нет. А что есть? Репка, редька и тот же хрен? Господи, что же мне есть придётся? И пить! Из реки, что ли? Нет, я всегда могу прокипятить воду в котелке.

Я сдохну.

Я умру от дизентерии, от аппендицита, если он вдруг случится, от банального воспаления лёгких, если простужусь!

Я домой хочу!

Споткнувшись, упала на колени. Чёртова коряга! И подсказать некому! Что же мне здесь делать одной?! Уткнулась лбом в землю, закрыв лицо руками. Слезы сами полились из глаз, как будто лишнее напряжение стравила. И сразу стало легче — поплакалась, выпустила пар, пора дальше жить.

Как?

А как получится.

В избушке было тепло. Когда я открыла дверь, на меня дохнуло простым уютным теплом, пахнущим сладким дымом и терпкой древесиной. Захотелось расслабиться, прислониться к печке и посидеть так, чтобы слышать только треск коры в объятиях огня и собственный пульс в венах на висках. Но расслабляться было рано. Оглядев небольшую комнатку, я заметила сундук. Это как раз то, что мне надо, чтобы развеяться. Откинула крышку, разогнав ладонью взметнувшуюся пыль, и вытянула серое тяжёлое покрывало. Ого, да это, похоже, козья шерсть! У нас такое покрывалко стоило бы полпочки.

Его надо вытрясти снаружи. Отложила в сторону, с любопытством взялась за следующую тряпку.

Выложив всё, что лежало в сундуке, осмотрелась. Три длинные холщовые рубахи очень простого покроя, все с тонкой красной

вышивкой по вороту, подолу и запястьям. Две типа юбки — длинное полотнище плотной ткани, сшитое из трёх кусков, с завязками по поясу. Две накидки — не сшитые по бокам с круглым разрезом для головы. Пояса в количестве семи штук, все разные, расшитые бисером или нитками, плетёные тесьмой, с кисточками и без, с висюльками, с кольцами. Чёрный плащ, подбитый потёртым серым мехом — на первый взгляд беличьим. Серый плащ с тесьмой по подолу и с капюшоном. Маленькая круглая шапочка из той же белки. Пуховый платок, вязаный платок, белый платок, десяток серых платков и один, видимо, парадный — покрытый вязью вышивки и с бахромой. Десять длинных и широких плотных тканевых лент, сложенных попарно. Кожаные сапожки без подошвы размера Дюймовочки. Кожаные подошвы с трёхметровыми кожаными же шнурами — две пары. Десяток холщовых полотнищ, назначения которых я не уловила. Возможно, простыни. Или просто ткань про запас.

Ещё в сундуке лежали шкурки с хвостиками, бесчисленное количество длинных и коротких бус из разных камешков и стекляшек, какие-то вычурные серьги из бляшек и колечек, тяжёлые броши, отлитые из металла, пряжки с изображением непонятных зверей и много камней — маленьких полудрагоценных голышей россыпью. Богатое приданое, ничего не скажешь...

Весь сундук пропах полынью. Мешочки с этой сухой травой служили, вероятно, против насекомых. Перебрав вещи, я оставила себе одну рубашку и одну тунику, две пары лент, которые сочла онучами, и подошвы. С сожалением глянула на джинсы. Ох ты ж! Совсем забыла, что у меня на щиколотке завязаны ремнём листья лопуха! Развязав, пошевелила ногой, восстанавливая кровоток. Не болело. Совсем ничутьючки не болело! Какие лопухи классные! Надо запомнить. И надо научиться доверять красно-зелёному сиянию контуров. Уж не этот ли дар мне отдала старая ведьма?

Нет, не сходится. Князя я лечила до ведьмы и уже видела его насквозь. Ха-ха, это единственный мужчина, о котором я могу сказать, что знаю его внутренний мир! Тогда кто? Цыганка с вокзала? Я ей отдала свой крестик, а взамен получила возможность лечить и видеть органы через кожу? Откуда у неё-то такая способность?

В общем, сплошные вопросы и ни одного ответа. В голове круговерть, ноги гудят. Как там говорится? Утро вечера мудренее. Я

разделась, даже почти не думая, что кто-то может подглядеть в окошко, натянула пахнущую горькой полынью рубаху, дивясь её мягкости, после надела через голову тунику и подвязала одним из поясов — красно-синим с ненавязчивым орнаментом. Ногам стало холодно, и я решительно взялась за ленту ткани. Вон, в армии портянки наматывают, а я что, рыжая?

Чёрт, вообще-то да, рыжая, неправильно выразилась. Ладно, тогда так: я что, лысая? И я смогу. С тренировкой, со сноровкой. Как знать, на сколько я тут задержусь.

Пыхтя, отдуваясь, ругаясь тем матом, который я знала, бинтовала ногу портянкой, как могла. На пятый раз получилось сносно — плотненько, но не слишком, и без складок. Кожаные подошвы с маленькой зацепкой на носке приладились сами, а я обвернула голень шнурком, как на модных в одно время греческих сандалиях. Мне даже понравилось. Тепло и мягко. Свои вещи я сложила в самый низ сундука, прикрыв их остальными тряпками, а потом решила пошариться в поисках еды. Но ни еды, ни воды в избушке не оказалось.

Ну и ладно.

Я приготовила себе постель — на топчане разровняла соломенный матрас, застелила неопознанной простынёй из запасов ведьмы и даже подушку кое-как сформировала из подручных средств. Потом легла и завернулась в козье одеяло.

Утро вечера мудренее.

Завтра сориентируюсь — как жить, что есть и на что надеяться.

Глава 5. Пособие для начинающей травницы

Июль 5 число

Две недели. Две недели я уже торчала здесь, в этой глухомани, в сыром лесу, в крохотной избушке, где надо было каждый день топить печку и за водой топать до ключа за тысячу шагов. Я всё пыталась высчитать, сколько километров составляли тысяча шагов, но каждый раз у меня получалось разное число. В конце концов плюнула и применила шаги.

Две недели... Это так много! Я жутко скучала по дому, по родным, по всему! Иногда такая тоска накатывала, что не хотелось даже вылезать из-под одеяла. В такие моменты я хныкала от жалости к себе, скорчившись на топчане, а потом всё же вставала, потому что нельзя всё время ныть. Да и постель моя оказалась твёрдой и неудобной. Матрасов нормальных в этом мире ещё не изобрели, как и электричество, водопровод и канализацию. Можно было бы набить матрас сеном, но я не имела ни малейшего понятия, где взять сено. А косить я не умела.

Две недели — это так мало, когда ты в совершенно неизвестном мире, да ещё и с даром, который не мог не восхищать. Чтобы скрасить одиночество и унять жгучий недостаток информации, я упражнялась. Надо было разобрать базар старой ведьмы. Я решила, что нечестно будет делать это в одиночку, и привлекла к работе свой новоприобретённый дар. Поначалу это было непросто, но я приспособилась.

Открыв дверь избушки, я потянулась и глянула на небо. Солнце уже встало и готовилось подняться над деревьями. А пока оно только пыталось просветить сквозь плотный покров листьев. Поёжилась. Сыровато с утра. А корзинка уже на месте. Интересно, они каждый день будут мне приносить еду?

Сунув ноги, обёрнутые онучами, в деревянные башмаки, которые я нашла в углу избушки, я взобралась по просевшим ступенькам на траву поляны и неспешно пошла к плоскому камню, стоявшему на

трёх вертикальных. Там рано поутру всегда появлялась прелестная корзинка, плетёная из ивовых прутьев. В первое утро, когда я проснулась и не сразу поняла, кто я и где, пошла обследовать окрестности и наткнулась на подношение. Под льняной тряпицей лежали куриные яйца, полбуханки домашнего душистого, чуть почерствевшего хлеба и стоял кувшинчик молока. Помню, я обрадовалась этой находке, как ребёнок, обнаруживший под новогодней ёлкой долгожданного щенка. Голодная была, как волк, поэтому слопала сразу половину хлеба и выпила почти всё молоко. Потом уже стала экономить.

Сегодня к обычному набору мне положили большой чёрный корнеплод, которого я никогда в глаза не видела, пару белых и несколько морковок с ботвой. Правда, морковки были белыми и фиолетовыми, но ботва пахла именно так, как настоящая морковная. Вот радость-то какая! Праздник, небось, вот и подарочки.

Подняв корзинку, я понесла её в избушку. Кто ж это мне такие подношения делает? Горожане? Прознали, что новая ведьма поселилась в избушке, и пытаются задобрить? А, да хоть бы кто. Всё равно. Пока мне не приходится беспокоиться о пропитании, пусть бы даже и сам чёрт лысый!

Толкнула неприкрытую дверь и вошла, поставила корзинку у печки. Глянула на стол и заорала от неожиданности.

На столе сидела и баюкала правую ручонку маленькая тощенькая женщина, похожая на ребёнка. Лицо у неё было серым с зелёным отливом, а из одежды на теле — что-то вроде рыболовной сети, обмотанной в несколько раз вокруг груди и бёдер. Впрочем, ни грудью, ни бёдрами там и не пахло. Женщина была худющей, остроносой и лохматой. На макушке у неё гордо сидел грязный и порванный, но когда-то очень красивый кокошник.

— Т-ты кт-то? — запинаясь, спросила я. Правильно, что ещё оставалось делать? Не бить же её корзинкой!

Гостья уставилась на меня испуганными глазищами, каждый размером с пять рублей, и пропищала мультяшным голоском:

— Сама-то ты кто?

— Я травница, — ответила осторожно. Гостья энергично замотала головой:

— Травницу я знаю! Ты не она!

— Она умерла, а я за неё, — буркнула, отвернувшись к корзинке. Тоже мне, следствие ведут знатоки... Припёрлась тут, возражает! Ну, как пришла, так и уйдёт, если не буду обращать на неё внимания.

— Как это? Умерла?! Ох, Морена-мать. Как так-то? — запричитала гостья, но я резко оборвала её надрывные стоны:

— Чего надо?

— Травку бы мне. матушка, — робко ответила та. — Оказия со мной приключилась.

Я шагнула к ней, сама не понимая, зачем мне это надо, и увидела застрявший в мякоти предплечья рыбацкий крючок. Застрял он весьма красиво — насквозь! Из ранки сочилась густая зелёная кровь, и меня чуть не стошнило, стоило только подумать о том, как это похоже на сопли. Пришлось взять себя в руки и дышать ртом, чтобы не блевануть. Когда желудок успокоился, я взяла тоненькую ручонку в пальцы и принялась рассматривать уже с врачебным интересом. Жало огромного острого крючка прошило руку и вышло с обратной стороны. Тут только обрезать надо! А чем? Пассатижи тут изобрели? Может, у ведьмы и был какой инструмент, но я его не нашла.

— И как же это случилось? — спросила с искренним любопытством.

— На болоте напоролась, — пожаловалась гостья. — Выбрасывают куда попало, там же и рыбачить-то не на кого.

— Ладно, сиди спокойно, сейчас вытащу. Продезинфицировать надо.

— Чево-о-о? — подозрительно вытаращилась на меня гостья. Я пояснила, копаясь в нагромождении всяких мелочей под столом:

— Спирт надо. Крепкий алкоголь. Водка, коньяк. О господи! Откуда тут водка!

— Бражка в углу, в ларе, — горячо шепнула гостья. Я бросила на неё заинтересованный взгляд и сунулась к пыльному ларю. До него руки ещё не добрались, а теперь нашла сокровище. Целая батарея узких кувшинов, заткнутых марлевыми пробками! Открыв первую, понюхала и сморщилась — яблочный уксус! Зато в другой оказалась брага, и в третьей тоже. Самый настоящий домашний самогон из яблок и мёда!

— Живём! — весело сказала я, возвращаясь к гостье. — Так, а ты вообще кто? И откуда знаешь про бражку?

— Кикимора я тутошняя, — ответила та с достоинством и даже выпрямилась. — Иногда в гости приходила к ведьме. Теперь к тебе буду приходить.

— Счастья привалило... — пробормотала я, смачивая кусочек чистой тряпки брагой. — Ты ко мне не приходи просто так. Только в крайнем случае.

— Злая ты, — надулась кикимора. — Старая травница была добрее.

— Ну извини, — буркнула. — Не двигайся, сейчас будет больно.

Она всхлипнула. Я протёрла место вокруг крючка для дезинфекции и осторожно коснулась пальцами зеленоватой, покрытой соплями кожи кикиморы. Красным всполохом засветился раневой канал. Хорошо одно — кости не задеты. Но чем откусить жало крючка? Пока я стояла, зависнув над раной и раздумывая, кикимора терпеливо ждала, чуть ёрзая на столе. А если попробовать его так вытащить? Дать ей обезболивающего внутрь. Обезболивающего вон три кувшина! Нет, я так не смогу. Надо попробовать как-то отщипнуть этот острый кусок. Я вон лечить могу, почему бы и с крючком не получилось бы?

Взявшись за жало, надавила двумя пальцами. Крошись, зараза! Отпади! Сломайся! Расплавься, наконец!

И вдруг почувствовала, как жало нагревается. Может, это ложное ощущение? Ну, знаете, как бывает: когда держишь предмет, думаешь, что он становится теплее, а на самом деле просто от температуры тела. Я ойкнула и выпустила крючок — он раскалился добела! Нет, это точно не от температуры тела! Металл и правда нагрелся, будто я его газовой горелкой обработала. Так, удивляться буду потом, а пока надо убрать жало.

— Ай! Ай! Горит-пекёт! — заныла кикимора, и я быстро схватилась за кончик крючка тряпицей, обломала его и поправила получившийся обломок так, чтобы он вышел безо всякого сопротивления. И тут же вытянула его, пользуясь тем, что раненая ныла. Так хоть больно будет один раз.

— Вот и всё, — радостно объявила кикиморе. — Сейчас обработаю, чтобы не загноилось.

— Ох, и правда всё, — выдохнула она. Будто болото зашелестело. Я сходила за одной из простыней, найденных в сундуке, оторвала от

неё длинную полосу ткани и, хорошенько промокнув места проколов, профессионально забинтовала руку кикиморы.

— Не мочить, не снимать, завтра придёшь на перевязку, — проинформировала пациентку.

— Как же не мочить-то, ежели я в болоте живу?

— Ну как-нибудь исхитрись, — я пожала плечами. — У подружки поживи несколько дней.

— У меня только одна подружка. была. — пригорюнилась кикимора, свесив руки между колен. Вся её поза маленькой обиженной девочки была направлена на умиление и ожалостлиwienie меня, но я не поддалась:

— Давай, давай, не задерживай! Мне надо разобрать эти авгиевы конюшни!

— Чьи конюшни? — наострила уши лесная пакость. Я отмахнулась:

Ты не поймёшь.

— А, тут это... — кикимора спрыгнула со стола и шмыгнула к двери: — К русалкам зайди. У них путокос.

— Что у них?

— Путокос. Ну, болезнь такая. Да сама увидишь!

— А где мне найти русалок?

— На Ведьмином камне, — хихикнула кикимора и юркнула за дверь.

Вот ещё загадки. Где мне теперь искать этот Ведьмин камень? И что за болезнь такая, под названием путокос? Какие такие пути косит? Или путы?

Повертев в руке крючок, я бросила его в каменную чашу, которая обнаружилась среди склянок и горшочков на маленьком столике. Она была словно сделана для всяких мелочей. Теперь буду складывать сюда свои трофеи. Бугага. Лечебные.

Так. Ведьмин камень. Там, где я видела русалок в последний раз, на реке, был ли какой-нибудь камень? Логично было бы подумать, что ведьма решила похоронить себя в важном для себя месте. Ладно, не вопрос, я схожу. Прогуляюсь хоть, разведу места, а то сижу сиднем на этой поляне и в этой избушке.

Лес выглядел как на картинке для обоев для рабочего стола. Тропинка вилась между зелени кустов и папоротников, сверху аркой

тянулись ветви деревьев — толстые, длинные, поросшие мхом, свисающим к земле. Пахло корой, прелыми листьями, сырой землёй. Пахло так, что я снова ощутила, как кружится голова. За две недели ещё не привыкла к местному воздуху. Сочный и густой, вкусный, свежий. Можно было бы его запаивать в банки и продавать в нашем загазованном мире!

Вовремя вспомнив про корягу, я переступила её и вышла на берег реки. На меня пахнуло запахом воды, ила, рыбьей чешуи. Ведьмин камень я увидела практически сразу. Как раньше не заметила? Он стоял на берегу чуть поодаль от причала. А на камне — тоже плоском, но побольше того, что на моей полянке — сидели русалки.

— Твою мать. — только и смогла сказать, увидев это чудо. Девушки, как одна, повернули головы ко мне и зашлись в бульканьях.

Я бы и сама булькнула, но у меня пропал голос. Их было восемь. Восемь голых девиц, у которых на коже проступала кое-где рыбья чешуя (вот чем пахло-то!) и длинные тёмные или светлые волосы, путаясь, липли к телам. Ладно. Кикимору же я как-то пережила — переживу и русалок!

— Привет, девочки, — улыбнулась как можно приветливее, подходя поближе. Бульканье затихло. «Девочки» смотрели на меня блёклыми рыбьими глазами и молчали. Я сделала ещё один шаг: — Я пришла полечить вас. Что там приключилось с путами? Или с косами?

— Путы? — протянула ближайшая ко мне девушка замогильным голосом. — Косы?

— Ну, пutoкос какой-то. Кикимора сказала.

— Ах это... — девушка встала и показала мне свои волосы, приподняв их ладонью: — Смотри, косы спутались. Гребень не берёт! А как нам расчёсывать их? Как петь при луне, если наши волосы не расчёсаны?

— Опупеть, — пробормотала я. — Мне бы ваши проблемы. Можно?

Я протянула руку к пряди её волос, русалка попятилась было, но пересилила себя и кивнула. Я взяла волосы, преодолев естественное отвращение к запаху, и попыталась их разделить на прядки пятернёй. Волосы и правда путались. Будто помыла дешёвым шампунем и забыла ополаскиватель и кондиционер. Точно! Надо им сделать кондиционер! Помнится, с подружкой баловались этим в ранней

юности. Собирали мать-и-мачеху, резали, сушили и варили отвар для ополаскивания волос. Но тут, похоже, отваром не обойдёшься. Надо какое-нибудь масло. Например, репейное. Потому что арганового тут не найти — не растёт в наших широтах.

— Хорошо, я постараюсь найти для вас средство по уходу за волосами, — пообещала. Русалки переглянулись и снова забулькали, на этот раз возмущённо. Самая смелая, которая общалась со мной, перевела:

— Нам нужно снадобье против болезни, а не уход!

— Это и есть снадобье, — схитрила. — Только его не пить надо, а втирать в волосы.

— Травница нам готовила зелье.

— А у меня свои методы, — ответила я. Не соврёшь — не проживёшь. Путокос этот их. Да он у каждой женщины случается после жёсткой воды, если коммунальщики чуть больше хлорки добавят.

— А мы проверим твои методы, — булькнула русалка. — Приноси своё снадобье завтра!

Принесу, принесу. Масла только надо раздобыть где-то. Наверное, придётся в город идти.

Страшно.

В город я всё-таки пошла. Вернувшись в избушку, встала перед рядом уже разобранных склянок и развешанных по цвету пучков сухой травы, задумалась. Пока вроде всё шло по плану, мы с даром притирались друг к другу, взаимообучаясь. Однако я ещё ни разу не пробовала найти растение по названию из моего мира.

Теперь пришло время.

— Репейник, — сказала негромко. В первый момент ничего не произошло, а потом сразу три баночки вспыхнули зелёным светом по контурам. Сгрузив их на стол, открыла. Так, тут корень, измельчённый в стружку, тут сушёные листья, а тут целые колючие соцветия. Отлично! Репейник есть. Осталось найти масло. У ведьмы его не было. Даже в ларе. А масло мне очень нужно.

Выудив из памяти примерный рецепт репейного масла, я решила, что подойдёт любое растительное, чтобы разбавить отвар. Что у нас на Руси отжимали? Лён, коноплю? Подсолнухи тут есть? Оливы, наверное, южнее растут.

Денег у ведьмы не было. Точнее, я не нашла ничего, что могло бы считаться деньгами. Ни кругляшей, ни камушков... Значит, бартер. Что я могу дать взамен на масло? Травки, отвары, настойки.

Собрав в холщовую сумку-мешок с длинными завязками несколько склянок по запросу «раны, боль, зубы», я отправилась в путь. Тропинка вывела меня из леса на опушку, через поля некошенные прямо к городу. Он стоял величаво и грозно — чтоб сразу было видно: никакие хазары, никакая нечисть не пройдёт. Трёхметровый частокол не пропустит.

А вот пропустят ли меня?

Одета я вроде как надо. Платок, правда, на голову не повязала, так и пошла с распущенными волосами. Хотя на мне накидка с капюшоном, лучше его натянуть на шевелюру. Чтобы рыжиной не светить. Так и сделала на подходе к воротам. Они как раз были открыты, пропуская телегу, запряжённую понурой рыжей лошадкой. В телеге было навалено сено, а на передке сидел мужичок в лёгком армяке и в шапке с меховыми отворотами. И это летом, в жару! Нет, правильно я всё-таки макушку прикрыла. Тут все так ходят, кроме, наверное, детишек.

Я поспешила к воротам, пока телега не проехала, и попыталась под шумок проскочить следом за ней. Меня остановил усатый парень моих лет, хотя бородка делала его намного старше. Он был одет в лёгкий распахной кафтан с короткими рукавами, из-под которых торчали связанные между собой кольцами металлические пластинки. Кольчуга. Интересно, почему князь без неё по полям скакал? Вроде умный мужик должен быть, раз княжеством управляет. Дружинник, кажется так это называлось в старые времена, перегородил мне дорогу мечом и спросил, оглядев с ног до головы:

— Кто такая будешь?

Сглотнув от страха, внезапно пробившего через весь позвоночник, я ответила дрожащим голосом:

— Я это. в лесу живу.

Он грозно сдвинул брови и приподнял свой меч. Чёрт побери. Мальчик мой, да я такое видела, что тебе и не снилось, а ты тут мне будешь угрожать? Я же ведьма, я могу руками лечить! Да я вообще много чего могу, чего сама ещё не знаю, так что.

Постаравшись бросить на него сердитый взгляд, сказала твёрже:

— Травница я. Из леса пришла. За маслом.

Он неожиданно отступил и меч убрал с дороги. Мотнув головой в сторону города, буркнул:

— Так бы и сказала сразу.

Запахнув полу плаща, я с достоинством прошествовала мимо него и его сотоварища, ступив на дощатую мостовую. Подняла голову, оглядывая вблизи терема, которые до того видела только из-за частокола. Ожидаемо они были поменьше и пожиже на окраине, повышаясь к центру. Дерево было повсюду — дома, заборчики, сарай и сараюшки, даже шагала я по дереву. Широкие улицы поразили. Я всегда думала, что в древнерусских поселениях были узенькие улочки, где с трудом могли разминуться два всадника, а в теремах максимум два этажа и то, первый нежилой. А тут... Терема пожиже в три этажа, с большими окнами, с витражами, с резными стилизованными статуэтками, креплёнными по стенам там и сям, а уж про терема пожирнее и говорить не приходится. Интересно, как они это строят? Как поднимают на такую высоту брёвна и всякие стропила?

Из улочки справа выскочила здоровенная свинья — не толстая, а именно большая, на высоких ногах и поджарая — и бросилась по улице мимо меня. За ней ринулся вихрастый босоногий мальчишка лет десяти с прутом в руках:

— Ах ты, гадина! А ну вертайся назад!

На гадине я изумилась — неужели мне? На взду успокоилась — свинье. А потом схватила пацана за рукав холщовой рубахи, тормознув на полном ходу:

— Стой!

— Чего тебе?! Пусти, ведьма!

— Какая я тебе ведьма? — разозлилась. — Я травница!

— Пусти, сказал, — фыркнул он, делая хмурое лицо. — Кабанчика догнать нать!

— Скажи мне, где можно купить масло? У вас тут рынок есть?

— Какое ещё масло?

— Любое растительное. Ну такое, жидкое.

Пацан рванул было, но от меня далеко не убежишь. Поэтому он скорчил гримасу и мотнул головой назад:

— Это тебе в княжьи хоромы нать! У ключницы тамошней всё есть!

— А как.

Мальчишка рванулся в сторону и оставил у меня в руке заплатку с рукава, а я увидела только босые пятки, улепётывающие в ту сторону, куда убежал кабанчик. Отбросив тряпицу, я хмыкнула и пошла дальше по улице. Язык до Киева доведёт. В моём случае — до княжьих хором.

Когда я спрашивала дорогу, прохожие тётки и дядьки смотрели диковатыми глазами, но неизменно кивали на самый высокий терем в конце улицы, уходящей вверх. Ну, туда так туда. И не надо на меня так смотреть, травница я начинающая. Надо побольше висюлек и побрякушек на себя нацепить в следующий раз.

Парадную лестницу терема охраняли два дружинника, одетые чуть побогаче, чем тот, на воротах. Покосившись на их кинжалы у пояса и мечи в руках, я вежливо спросила:

— Где бы мне найти ключницу?

— Туда ходи, — правый дружинник ткнул в пристройку к терему.
— Там ключницу и найдёшь.

— Спасибо, — ответила и пошла в указанном направлении.

В пристройке было сумрачно и прохладно. Там стояли лари и сундуки и не было ни души. Пожав плечами, я пересекла помещение и открыла следующую дверь. Ещё одна кладовая... И дальше тоже. Но с третьей дверью мне несказанно повезло. Я попала в самую настоящую древнерусскую кухню. Там было жарко, душно, ароматы запечённого мяса и густого супа наполняли воздух — такой плотный и вкусный, что у меня в животе заурчало. Печь в этой кухне стояла просто огромная. Какая-то помесь между настоящей русской и средневековой иностранной — с очагом, вертелом, с шестком и чугунками. Как раз на вертеле и запекался толстый поросёнок, а чумакая девчонка, то и дело шмыгая и вытирая нос, крутила ручку. С другой стороны толстая баба в красном сарафане и с обвязанной платком головой вынимала из горла печи румяные караваи длинной деревянной лопатой. В углу костлявая как смерть тётка рубила топориком на чурбаке головы отчаянно квохчущим курам.

Я попала в самую середину этой поварской вакханалии и с отчаяньем в голосе спросила:

— Ключницу не видали?

Глава 6. Пациент скорее жив, чем мёртв

Июль 5 число

— Ключницу-то? — баба с караваями сгрузила их на широченный стол и вытерла лоб рукой. — Так в кладовой она, а тебе зашто?

— Масло хочу купить, растительное.

— Масло-о, — протянула баба. — Ишь, самим не хватает, пришлым не дадим!

— Разберёмся, — буркнула я. — Где кладовая?

— Тама, — мотнула головой баба. Да что у них за манеры такие — можно же рукой показать?

Я прошла в угол к маленькой неприметной дверке и толкнула её. Кладовая оказалась не слишком просторной, но зато набитой до отказа всякими горшками, горшочками, бочками и мешками. У одного из больших мешков стояла дородная молодая женщина в сером длинном балахоне, с белым платком на голове и с тяжёлой связкой ключей на пояском кольце. Услышав шаги, она откликнулась, не оборачиваясь:

— Голуба, нать бы чернобыльника нарвать. Мыши от романника уже не бегут. Глянь, всё зерно попортили!

— Кота вам надо, — негромко ответила я.

Ключница резко повернулась и прищурила красивые, чуть раскосые глаза:

Ты кто?

— Травница. Я к вам за маслом.

— Зашто тебе масло?

— Ну я же не спрашиваю, почему у вас нет кота, — улыбнулась. Женщина мне понравилась — глаза умные, морщинки на переносице как у нашей куратора в универе, от постоянных забот и беспокойства. Она нахмурилась:

— Что за кот такой и где его найти?

— Как это? У вас ещё кошек не приручили? — воскликнула я и похолодела. Чёрт! Я же так выдам себя! — В смысле, в городе нет ни одной кошки?

— Нет, — ключница пожала плечами и завязала верёвку на горловине мешка. — Что за масло взамен дашь?

— Травки, — я потрясла своей сумкой. Ключница поморщилась:

— Будто у нас своих нет...

— Лечить могу, — сказала я с запинкой. И подумала — а вдруг у них это какое-нибудь табу? Вдруг меня схватят и на костёр. Хотя вроде на Руси ведьм не жгли. И это, конечно, счастье!

— Лечить?

Она двинулась на меня, отвязывая ключи от пояса, и мне показалось на миг, что сейчас этими ключами получу по башке. Но мы просто выскочили из кладовой, и ключница заперла дверь, а потом махнула мне рукой:

— Ну пошли, посмотрим, как ты лечить умеешь.

Пока мы поднимались по бесконечным лестницам, шагали по бесчисленным коридорам и открывали двери ключами, я лихорадочно соображала — а хватает ли у меня опыта, чтобы лечить? Нет, с кикиморой прокатило, но она не человек. С князем тоже, но там у меня не было выбора. А теперь. Если я не смогу, если опозорюсь? Тогда мне вход в город будет закрыт. И масла я не получу, а русалки останутся с запутанными космами. Жить мне не дадут. Злые бабы хуже банды гопников.

Ключница остановилась перед дверью и повернулась ко мне:

— Лечить будешь знатного человека. Не оплошай, травница.

Похолодев, я ступила за ней в светлицу. Жарко, душно, темно. Свечи горят, чадят. Дым от благовоний сразу защекотал нос, и я чихнула. Ёж твою медь, да как тут здоровому можно выжить? Про больных и говорить не стоит, это не комната, а газовая камера!

Ключница остановилась у постели, поправила тяжёлое одеяло, подбитое натуральным мехом (с ума сойти!), и сказала:

Давай, начинай.

Я огляделась. Печь натоплена, пышет теплом. Сгорбленная старушка возится в уголке, что-то толчёт в ступке, ворчит неразборчиво. Я приблизилась к кровати, признаться, с опаской. Очень боялась увидеть там ещё одну старуху, которая того и гляди умрёт естественной смертью, а обвинят в этом меня.

Но увидела я в подушках светлого князя. Когда оставила его в прошлый раз, он выглядел гораздо лучше. Что они тут с ним

сотворили? Чем лечили? Да он жаром пышет не хуже печки! На груди можно яичницу жарить... Рану перевязали хоть и не профессионально, но добротнo, кровавых следов нет. Зато плотный тканевый бинт пропитан чем-то жёлтым. Ух ты ж ёлки-мotalки! Загноилось! В рану попала инфекция, и скоро больному наступит пиздец.

Дайте мне антибиотики, и я переверну весь мир!

А пока их нет, надо лечить тем, что есть.

— Мне нужны чистая вода и чистые бинты.

Ключница толкнула старушку, та с кряхтением поднялась и потащилась за печку. Я принялась аккуратно разматывать ткань, которой перевязали князя. Гноя оказалось немного, но это не успокаивало. Организм инфицирован, значит, гной попросту не выходит, а скапливается внутри. Если не убрать его, разовьётся сепсис, а это верная смерть.

Обнажив грудь князя, я покачала головой. Рана от стрелы выглядела очень некрасиво. Раздутые, воспалённые края, а уж пахнет — мама не горюй! Всё это надо убирать, чистить, проверять внутри.

— Помогите мне перевернуть его, — попросила ключницу. Та с готовностью взялась за плечо раненого, и мы с усилием перевернули тяжёлое тело на бок. Выходное отверстие ничем не отличалось от входного. Я вздохнула. Ладно, поехали.

Бинтами убрала гной и верхний слой незаживающей раны. Далось мне это нелегко — я и видела то такое всего пару раз в жизни, а уже делала вообще впервые. Приложила ладонь к груди. Зелёные очертания органов успокоили меня. Значит, инфекция пока ещё не ушла в организм. Зато между лёгким и рёбрами пульсировал красный шар, уже пускающий щупальца в разные стороны. Находился он как раз на линии прокола стрелой. Ох, это, наверное, я виновата. Насовала ему листьев в тело.

Так, ладно, не время предаваться самобичеванию! Мне нужно очистить рану и убрать этот огненный шар, который грозит убить князя.

Только как?

Я попробовала приложить ладонь и выдавить шар, но тот упрямо сопротивлялся.

Больному явно становилось хуже. Он стонал, бормотал что-то, пытаясь сбросить мою руку. А я безуспешно боролась и с ним, и с

инфекцией. Не получится. Ох, ничего не выйдет! Он умрёт по моей вине.

Хорошая из меня травница получилась, ничего не скажешь!

Так, Диана, спокойно. Надо успокоиться и подумать. Но быстро: времени мало. Если я не могу повлиять на инфекцию снаружи, я должна сделать это изнутри. Другими словами — операция. Только тут есть маленькая проблемка! Вот уж не думаю, что ключница допустит меня с ножом к князю... Свистнет, прибегут дружинники и заколют меня на месте.

А как по-другому?

Прищурившись, я прикинула приблизительно толщину грудной клетки мужчины и длину своих пальцев. Если попробовать с двух сторон. Если достану до инфекции. Можно просто вытянуть её наружу. Отчего-то я была уверена, что смогу, стоит только коснуться красного шара!

Решившись, обратилась к ключнице:

— Помоги мне. Надо его держать на боку.

— Ты знаешь, как лечить лихорадку? — недоверчиво спросила женщина. Я кивнула, с усилием перевернув больного снова на бок. Ключница придержала, навалившись на плечо, а я несколько раз выдохнула, как перед прыжком в воду. Смогу ли сделать то, что задумала? Эх, не попробую — не узнаю! Да и без антибиотиков князь всё равно умрёт.

— Я очень сильно постараюсь, — ответила ключнице и погрузила указательный палец в едва затянувшуюся рану. Благодаря магическому рентгену увидела, как коснулась очага инфекции. Отлично! Теперь с другой стороны. Палец прошёл в выходное отверстие, словно в горячий податливый фарш, и меня передёрнуло от отвращения. Но делать было нечего. Надо спасать человека! И вот я уже касаюсь обжигающего шара с двух сторон. Уничтожить инфекцию! Убить бактерии, убрать красное, пусть всё станет зелёным!

Я кровожадно желала смерти инфекции!

Боже, я стала средневековой знахаркой! С ума сойти. Нет, надо мыслить по-врачебному. Я будущий врач, а не шептунья какая-нибудь! Так, надо представить, что мой палец — это отсасыватель. Я введу его в сгусток инфекции и просто вытащу через себя. Как гнойник удалить — проще простого. А куда дену? Разберёмся. Слышала же, что ведьмы

силу могут заключить в камень или в ветку. Думая так, я сосредоточилась на шаре, пылающем внутри тела князя. Сосредоточилась, как хирург над операционным полем. Сестра! Отсос!

— Что там? — тревожно спросила ключница. — Эй, ведьма! Что ты делаешь?!

— Ничего, — сквозь зубы процедила я, изо всех сил борясь с упрямой инфекцией.

Видимо, на лице моём было написано всё страдание еврейского народа, потому что ключница совсем испугалась:

— Матушки-батюшки, да ты ж убьёшь его!

— Это ещё бабушка надвое сказала, — ответила и даже кончик языка высунула, помогая себе. — Молчи и держи крепче!

Раненый принялся снова вырываться, и я чуть было не потеряла шар, но мне всё же удалось подцепить его и выжать до самого конца. Теперь надо аккуратно вытащить пальцы. Забинтовать рану и уповать на лучшее.

С противным чмокнувшим звуком палец покинул тело князя. Я вытерла его о бинт, оглядела рану. Вроде бы выглядит уже здоровее.

— Нужно обмыть раны чистой водой и забинтовать, — распорядилась я. Старушка с кряхтением подала мне плошку воды и тряпицу. Правильно, кто сделает это лучше меня? Только сама, всё сама. Этим дикарям доверять нельзя.

Когда с перевязкой было закончено, я покрыла мужчину до пояса меховым одеялом и сказала:

— Окно надо открыть.

— Как же? Ведь светлый князь болен! — возразила ключница.

— Не спорь со мной. Ему нужен свежий воздух! И печь не топите сильно.

— Может, и чем кормить князя скажешь? — поддела меня женщина, вздёрнув нос. Я покачала головой. Скажу, а толку? Они всё равно меня не послушают. Куриный бульон, ничего острого, жирного и солёного...

— Корми хорошо, но не слишком много.

Я бросила последний взгляд на князя, который уже перестал метаться и вернулся к нормальному цвету лица. Надо надеяться, что теперь всё будет хорошо. Подняв мешок с пола, я кивнула ключнице:

— Масла-то дашь?

— Дам, — и она посмотрела на раненого. Видимо, его состояние удовлетворило её, и ключница велела старухе: — Отвори окошко маленько, пущай воздух освежает.

— Застудится князюшка-то, — проскрипела та.

— А ты укрой потеплее, — и ключница вышла из светлицы, а я за ней. Мы снова спустились в кухню, и любопытные взгляды кухарок заставили меня поёжиться. Они словно спрашивали: ну, вылечила нашего больного или убила? Ох, не спрашивайте, сама надеюсь, что всё-таки первое, а не последнее.

Ключница открыла дверь в кладовую и сказала:

— Выбирай, травница.

— Мне масла любого надо. Растительного.

— Льняное есть, а есть конопляное.

— Мне бы литров. — я задумалась. Прикинув длину волос русалок, помножила на восемь и вздохнула: — Литра три для начала.

— Это сколько в бочках-то? — наморщила лоб ключница. Я испугалась:

— Куда мне бочку? Мне бы баночку... кувшинчик... вот такой, — и отмерила руками объём трёхлитровой банки. Ключница посмотрела на меня с прищуром и кликнула:

— Голуба! Подь сюда!

Прибежала баба с караваями, вытирая красные натруженные тестом руки:

— Чего тебе, Забавушка?

Тут, признаться, я даже фыркнула от сдерживаемого смеха. Забава? Вот эта толстенная монашка с постным лицом? Хоть бы имена давали нейтральные, чтоб людей не веселить! Забава-ключница покосилась на меня и велела Голубе:

— Налей маслица льняного в добрый кувшин да поднеси травнице!

— Сделаю, сделаю, Забавушка, — кухарка подобострастно поклонилась и зыркнула на меня странно. Ключница повернулась ко мне и сказала:

— Ежели князю хуже станет, пришло за тобой. Молись Макоши, чтобы он поправился.

Так и захотелось спросить: а не то что? Но я этого не сделала. Сама знаю, что. Дразнить ключницу не стоит, она важный человек в тереме, сразу видно, хоть и молода.

Принимая кувшин с маслом, заботливо обмотанный по горлышку чистой тряпицей и обвязанный верёвкой, ответила с достоинством:

— Благодарю! Присылай, я всегда дома.

Ага, куда мне ещё ходить. Разве что русалок лечить.

Я уже почти выбралась из города, когда услышала снизу, у своей ноги глухой голос:

— Что же ты, Диана, совсем не узнаёшь?

Вздвогнув, опустила взгляд и увидела Бурого. Плюнула, выругавшись про себя, и сказала:

— Напугал, лохматый. Чего за хозяином плохо смотрел?

— Мы не обучены лекарскому делу, — буркнул пёс, вывалив язык набок. — А ты обучена, вот и лечи.

— Я и лечу! А вот ты присмотри за ним!

— Как это? — подозрительно посмотрел на меня пёс. Я пожалала плечами:

— Смотри, чтобы гной не появился снова. Не давай его кутать. Окно не давай закрывать!

— Это я могу, — солидно ответил Буран. — Это я с радостью. Буду страшно рычать!

— Рычи, — усмехнулась я. — Ну, я пошла. Пока!

— Проводить?

— Ты ж мне не ухажёр, чтобы провожать, — фыркнула и покосилась на дружинников у ворот. Один из них спросил меня:

— Выходишь, что ль? Отворять?

— Отворяй, — кивнула. Створка закрипела петлями, и я скользнула с деревянной мостовой на пыль дороги, бережно прижимая к груди кувшин. Голова начала кружиться, и я очень боялась не успеть добраться до дома. Похоже, высосанная из тела князя инфекция теперь действует на меня. Сейчас свалюсь на дорогу и буду валяться в лихорадке, и никто меня не вылечит...

Почти бегом я догалопировала до избышки и влетела в неё, закрыв за собой дверь и навалившись на неё спиной, словно за мной гналась вся дружина князя. В голове гудел набат пульса, я чувствовала каждый кровеносный сосуд, каждый удар сердца отдельно и все вместе.

Парацетамольчику мне! Аспиринчику! Полцарства за обезболивающее!

Поставив кувшин на стол, я без сил свалилась на топчан, схватившись за голову. Ох, ещё и температура. Не меньше тридцати девяти, даже рука уже не ощущает жара! Подняв взгляд на склянки и горшочки, пробормотала без особой надежды:

— Лихорадка.

Травы стали вспыхивать зелёным в каком-то, одном им известном порядке, но запомнить его и дотянуться до ингредиентов я уже не могла. Сдохну. Вот сейчас точно сдохну. Помру, стану скелетом. Кто меня похоронит? Разве что кикимора, если озаботится.

Жар душил, и я рванула воротник рубашки, чтобы освободить горло. Пальцы нащупали камушек, который дала старая цыганка, и сжали его машинально. Был бы крестик, я бы его сжала и молилась бы. А тут. Что мне сделать, чтобы прекратилась эта боль, чтобы лихорадка ушла? Как делали эти ведьмы, как лечили сами себя? Скосив глаза на голубой камушек, я с досадой подумала: толку с него, как с козла молока! Но зачем-то же мне его дали?

— Сделай же что-нибудь, — простионала, обращаясь к кулону, и закрыла глаза.

Сколько времени я так пролежала, стиснув в ладони камушек и мучась от головной боли, не знаю. Но, когда очнулась от полусна и с трудом открыла тяжёлые, как свинец, веки, в избушке уже поселились сумерки. Печка потухла, свечей я не зажигала. Надо встать. Надо попробовать встать.

Ноги и руки слушались. Я села на топчане, прислушалась к своим ощущениям. Ни жара, ни озноба. Головная боль утихла. Поднявшись так осторожно, будто боялась расплескаться, я снова прислушалась к внутреннему состоянию. Похоже, выздоровела. Даже странно. Да, говорят, во сне люди выздоравливают. Но не так быстро же! И не от жара в тридцать девять! Кулон. Я сжимала кулон в руке! Скосив глаза, удивилась: кулон был молочно-белого цвета, весь!

Значит, вот так вот.

Вот и отдала болезнь в камень. Правильно говорят умные люди: на практике теория учится лучше. Ещё один опыт в мою копилочку. Что ж, теперь можно дальше жить, зная, что я умею немного больше.

Хоть бы князю помогло.

Отвар корня и цветов репейника я приготовила быстро. У старой ведьмы было всё необходимое: железная перекладина, которую можно было вставить в дырочки в боках печи, крюк и подвесные котелки разных размеров. Для восьми русалок я взяла самый большой котелок. У меня вышло почти три литра масла, которое я слегка поварила на огне и поставила остужаться на порог. По-хорошему надо было настоять сутки, но я хотела уже сегодня отнести снадобье русалкам и покончить с этим.

Уже стемнело, когда я процедила масло через самую редкую ткань, которую нашла в сундуке ведьмы, перелила его в кувшин и понесла к реке.

— Привет, девочки! — бодренько бросила голым девицам, которые булькали на своём рыбьем языке, пытаюсь расчесать гребнями непослушные космы длинных волос. Одна из русалок указала пальцем на мой кувшин:

— Снадобье принесла?

— А как же! Давайте, кто первая?

— Я, — поколебавшись, заявила русалка. — Это надо выпить?

— Нет. Макни свой гребень в кувшин и начинай чесать волосы с концов, — объяснила я ей. Русалка смотрела на меня с таким недоверием, что я фыркнула: — Дай, я покажу как!

Она быстро спрятала костяную расчёску за спину:

— Не дам! А то заставишь для тебя петь или полы мести в твоей избушке!

— Не надо мне петь, господи! А полы я и сама могу подмести, дай, говорю!

— Точно не обманешь?

Её рыбы глаза смотрели с подозрением. Я подняла руку и положила её на горлышко кувшина, как на библию, сказала торжественно:

— Клянусь, что никогда ни одной из вас не сделаю ничего плохого!

Под тревожное бульканье подруг русалка протянула мне гребень. Обмакнув его в масло, я взяла одну из длинных светлых прядей и принялась чесать, распутывая. Дело пошло легко, и мне стало приятно, что нашла верное средство. Вот такая профессиональная гордость проснулась.

— Как дивно-о, — протянула своим скучным голосом русалка. — И впрямь чешет, как будто без усилия! Дай-ка я теперь.

— Идите, девочки, не бойтесь, — сказала я остальным. — Всё не расходуите, масла немного надо. Но первое время каждый день используйте. А там ещё приготовлю!

— Неужели мы снова сможем петь при луне, как раньше?

А смывать это масло надо?

Чем оно так пахнет?

— Стой, не махай так глубоко, нам не хватит!

— Спокойно, девочки, хватит всем! Смывать не надо, пусть впитывается, а пахнет репейником и льняным маслом.

Полубовавшись немного на хлопочущих со своими гребнями русалок, я с улыбкой повернула на тропинку к дому.

У меня появились первые постоянные клиентки.

Глава 7. Ведьмина рутина

Ноябрь 9 число

Дождь барабанил по крыше избушки. Я лежала с закрытыми глазами, кутаясь в одеяло, и вяло думала — как хорошо, что я убрала в кладовку засушенные грибы. Не промокнут. Буду суп варить из них зимой. Нава-аристый, вкусный... Как дома... Надо проверить, когда дождь закончится, как там мои клубни, моя псевдо-картошка. Поздно уже, конечно, выкапывать, но одну можно, на пробу.

Повернувшись на бок, подсунула край одеялка под щеку. По-хорошему надо бы встать, растопить печь, выпить чаю, но всё тело отказывалось следовать этому правильному плану. Хотелось поныть, похандрить, поплакаться. А некому.

Я всё ещё надеялась, что в один прекрасный день на моей полянке откроется портал, в котором я увижу небоскрёбы и машины. Я всё ещё надеялась, что смогу попасть домой, увидеть и обнять маму с папой, бабушку, потискать кошку. Я так хотела помыться в душе — просто отвернуть кран и встать под горячую воду. Так хотела зайти в МакДональдс и взять меню БестОф с большой Колой и большой картошкой фри, сначала нюхать это всё, а потом съесть, давась от удовольствия!

На картошке фри я не выдержала. Рот наполнился слюной, и пришлось встать. Хватит страдать и валяться! Печь, чай, типа-картошка и. И надо сходить в город, навестить малышку. А потом вернуться и растоплю баньку. Жалко, что нет никакого алкоголя. И нагнать как, я не знаю.

Через полчаса я вышла из избушки. Накинув на голову капюшон чёрного плаща, посмотрела на небо. Дождь уже не лил, он моросил тихонечко. Серые низкие облака. Верхушки елей скребут эту мокрую губку. Холодно. Я закуталась в плащ и пошла к опушке, но через несколько шагов остановилась как вкопанная.

На опушке стояла женщина.

Я сразу узнала её. Это была прислужница покойной княгини — дородная тётка в сарафане и рогатой кике. Чёрт, я должна была к ней

заглянуть тогда и забыла. А она не гордая, сама пришла. Видать, очень нужно зелье. И корзинку принесла. Вот откуда мне припасы несут, из города! Из княжьего терема!

Усмехнувшись, спрятала улыбку и направилась к прислужнице. Та дёрнулась было, но взяла себя в руки и поклонилась в пол, чуть не коснувшись земли пальцами. Сказала торопливо:

— Травница, прими подношение как знак искренности и уважения. Вот, видишь, пришла я... Зельица бы мне...

— Какого тебе зелья, женщина? — я спросила строго, играя свою роль проклятой ведьмы. Все мы здесь играем свои роли, и отступать от них нельзя.

Прислужница огляделась воровато и шепнула тихо:

— Так приворотного!

— Для тебя, что ли? — удивилась я. Ей лет сорок, если не больше, а туда же!

Приворотное зелье захотела!

— Да для дочки моей, — махнула рукой женщина. — Полюбила она княжьего брата, а он. Эх!

— А сколько твоей дочке лет?

— Так шестнадцать уж миновало, а она всё ждёт да рыдает, женихов видеть не хочет, только молодого князя ей подавай!

— Так поговорила б с ним, может, он на ней женится? Зачем приворотное-то?

Я покачала головой. Боже ж ты мой. Шестнадцать! Ну как так-то? Какой замуж в таком возрасте? Мне самой недавно было столько, в голове одни мальчики и фильмы с Фассбендером! Да что там говорить, даже в двадцать рано замуж. Но в этом мире всё быстрее идёт. И женщина, которой не больше сорока, уже глубокая старуха. А девчонка в шестнадцать — невеста.

Покойной княгине было семнадцать.

— Ну-у, какое поговорить, — горестно вздохнула прислужница. — Князь ить, куда нам до них.

— Ладно, я сама поговорю, — решила. Поставила корзинку с провиантом на плоский камень, который был определён горожанами как священный, и кивнула: — Пошли, проведёшь меня в город. Как там маленькая Отрада? Кормилицу нашли?

Прислужница замялась. От этой паузы мне снова стало не по себе. Что опять случилось?

— Искали мы. И баб уговаривали, а они ни в какую! Я б на их месте тоже отказалась бы, конечно, только. Жалко чадо.

— Почему они отказываются? — возмутилась я. — Неужели князь не может заплатить побольше?

Что ты! Что ты! Да любая б рада была! А только.

— Да говори уже! — прикрикнула на мнущуюся прислужницу. Та вздохнула и поведала громким шёпотом:

— Бают, княгиню нашу черви изнутри сожрали особые! Лихо подхватила да и померла, а ребёночек... — она совсем понизила голос и доверительно сообщила: — Бают, он и есть из тех червей, что нутро жрут!

Сначала я не поверила своим ушам. Потом, когда всё же поверила, мне захотелось ударить эту старую дуру. Надо же такое выдумать! Я смотрела с открытым ртом, а прислужница, видно, решила, что меня пришибла эта новость, потому что с жаром продолжила:

— Да, да, а ещё бают, что ежели кормить ребёночка этого, он через титьку и кормилицу сожрёт! А помирать-то кому охота, даже ежели и за княжью дочь!

— Да ты издеваешься! Бабы дуры, а ты? Повторяешь всякую ерунду, стыд потеряла так о своей хозяйке говорить! — взорвалась я. — Болезнь её убила, а не черви какие-то! Она больна была уже давно, должны были заметить! А Отрада, дочка её, здорова!

— А ты, матушка, откуда знаешь? — подозрительно спросила женщина.

— Видела! — рявкнула и замолчала. Мы уже подошли к городу, в частоколе открылись ворота, и из них выехал князь на Резвом. Прислужница поспешно отвесила поклон, правда, поясной, как я отметила. И мне надо бы, но я не привыкла кланяться. А положение у меня такое. непонятное. И не буду кланяться, я не прислуга!

Князь проехал мимо, удостоив меня странным взглядом, за ним дружинники. А я только нос вздёрнула повыше, чтобы разглядеть получше того, чьи глаза сняты мне по ночам. Синие, острые, глубокие.

И смотрела так, пока они ехали мимо, провожала взглядом. Князь вдруг обернулся — всего на миг, но я заметила, как дрогнули уголки его глаз.

Он улыбнулся?

Нет, скорее всего просто поморщился. С чего бы ему улыбаться? Уж точно не от радости, что меня увидел. Прищурившись вслед князю, я мысленно вздохнула от тоски. Вот так люби человека, а он морщится при виде тебя!

— Что ж ты, не боишься ни чуточки? — любопытно шепнула мне прислужница.

— Кого?

— Светлого князя. Бают, заговорённый он — ни нож, ни стрела не берут!

— Опять бабские досужие сплетни, — теперь уже поморщилась я. — Ты мне лучше скажи, чем девочку кормили эти три дня?

Так этим. Молоком козьим.

— Господи... А его детям вообще можно давать? — пробормотала, напряжённо вспоминая, как действует козье молоко на желудочно-кишечный тракт. Не вспомнила. Приготовилась к худшему.

Прислужница провела меня снова чёрным ходом на второй этаж терема, но в этот раз в маленькую светличку с одним окошком. Там стоял ткацкий стан, занимающий почти всё помещение, а в уголке — сундук. Рядом с сундуком висела простенькая деревянная люлька с низом из мешковины, прикрытая сверху цветастой тряпкой. Девочка лет тринадцати в красном сарафане и с длинными светлыми косами ходила по метру свободного пола туда-сюда и качала в руках туго завёрнутого в пелёнки младенца.

Когда мы вошли, нянька испуганно глянула на меня и отвернула тело, руки, ребёнка, будто хотела защитить его от меня. Но прислужница махнула ей:

— Не бойсь, Вранка, дай чадушко травнице!

Малышка хныкала, кряхтела, корчила губки. Я взяла её и улыбнулась с жалостью. Такая кроха, а уже сирота. И родилась наверняка недели на две, а то и три раньше срока. Ладно, не поддаваться сантиментам, надо осмотреть сначала.

Я положила девочку на застеленный одеялом сундук, принялась разматывать свивальник, а потом — выковыривать её из туго замотанных пелёнок. Ворчала:

— Ну зачем так пеленать? Кошмар какой-то. Пока достанешь. Пока. Господи, как это размотать-то?!

— Дай, — буркнула Вранка и ловко нашла край пелёнки, в несколько движений полностью раскрыла худенькое тельце новорождённой.

— Спасибо, — ответила я сухо, склонившись над Отрадой. Какая же она маленькая! На три кило не потянет. Скорее два с половиной, может, меньше. Ей бы сейчас материнского молока каждые два часа понемножку.

— Я её перевивала недавно, — с опаской предупредила Вранка. — А она не спит.

— Надо свободнее пеленать. Сколько раз в день она ест?

— Так ить как заплачет, так и даю, — пожала плечами девочка и показала мне рожок из бересты с тканевой затычкой. Уфти, кошмар какой! Наверное, ткань эту и не меняли ни разу. А молоко.

— Молоко кипятили? Развели с водой? Оно же жирное, козьё!

Поскольку малая смотрела на меня удивлённо, я повернулась к старой:

— Кипятили?

— Чтой-то? — не поняла она. Я вздохнула безнадёжно, потом разозлилась:

— Иди искать кормилицу! Немедленно! Сули всё, что хочешь, но чтобы нашла сей же час!

Ох ты горе горькое... — попыталась было пожаловаться прислужница, но я рявкнула:

— Сейчас!

— Это. Дарушка... — робко сказала Вранка. — Там у болота Мыська родила ж! Аккурат на Вырий!

— Та куда ту Мыську, шо ты. — отмахнулась Дара. — Мы не в избе на выселках — в княжьем тереме!

— Стоп, — прервала её я. — Эта Мыська согласится?

— Так чего ж ей не согласиться, — пожала плечами Вранка. — На год переселиться в терема — это не на болоте жить!

— Иди за этой Мыской, — распорядилась я. — Сама её проверю, чтоб больная не оказалась.

— Да как же, — растерялась Дара. — Как же с болота, беднячку? Что светлый князь скажет?

— Ты лучше спроси себя, что скажет светлый князь, если ты угробишь его дочь!

Девочка вдруг расхныкалась, завозилась, почувствовав прохладу, и я склонилась над ней. Посмотрим, посмотрим, что у нас там. Потёрла ладони друг о друга, чтобы согреть, и положила их Отраде на животик. Погладила, сосредоточилась. Ну, маленькая, покажи мне, что у тебя болит.

И почти не удивилась, увидев весь желудочно-кишечный тракт, мерцающий оранжевым. Угробят мне ребёнка своим козьим молоком! А это что такое, что за красное колечко у самого желудка? Я наклонилась, чтобы сообразить, и сообразила. Спросила у Вранки:

— Она часто срыгивает?

— Чегой-то? — не поняла девчонка. Я показала жестами. Она кивнула: — Агась, и часто, и много, уж всю постельку обмочила, не успеваю стирать!

Ясно. В сочетании с пищеводом, которому явно плохо, это рефлюкс. Я не смогла спасти её мать, но Отраду вылечу.

Красное колечко под моими пальцами задрожало, когда я принялась разглаживать его и сдавливать. Чудо чудное, но сфинктер пищевода поддавался, как мягкое масло. А я боялась промазать — ведь тело совсем маленькое, всё внутри маленькое! В какой-то момент даже хотела раздвинуть пальцы, чтобы приблизить, как в смартфоне, но вовремя остановилась. Тьфу! Ещё бы повредила что-нибудь. А теперь надо посмотреть, как реагирует сфинктер. Только бы снова не растянулся! И травку найти против ожога пищевода.

Но это потом. Сейчас стоило бы сменить пелёнку, потому что прекрасная княжья дочь Отрада напрудила целую лужу. Пеленать я не умела, поэтому убрала руки от девочки и кивнула Вранке:

— Твоя очередь!

Она бросила на меня злой взгляд и потянулась за чистыми пелёнками. Я обернулась и увидела Дару, которая всё ещё стояла у нас за спинами. Подняла брови в удивлении:

— Ты ещё здесь?

— Мне бы светлому князю в ноженьки повалиться да позволения испросить, — нерешительно ответила прислужница. Я сделала шаг к ней:

— Мне что — самой сходить на болото?!

— Ох ты жизнь моя тяжкая, — со вздохом она бочком выбралась из светлицы, и шаги её заскрипели по половицам этажа. Поцокав

языком в качестве разочаровательной реакции, я повернулась к Вранке:

— Ну куда затягиваешь?! Говорю же, свободнее пеленай, чтобы она могла ручками и ножками двигать!

— Как учили, так и пеленаю, — буркнула девочка, ослабив натяг пелёнки.

— А ты тут... кто? — спросила, хотя мне это знание нафиг не сдалось.

— Рабыня, дочь рабыни, — ответила она, заправляя край пелёнки за складку.

— С ума сойти. Здесь есть рабство?

Мой вопрос был риторическим, и Вранка на него ответа не дала. Зато взяла на руки Отраду, закачала.

— Головку держи, — вполголоса сказала я.

— Теперича-то да, а раньше само держалось.

Мне показалось, что девочка меня ненавидит. Интересно, за что? Вроде ничего я ей не сделала.

— Ты как покормишь Отраду, столбиком её поддержи, — сказала, чтобы что-то сказать.

— Эт как это?

Я показала. Головка малышки на моём плече, щёчка к шее, моя ладонь на её затылке, обмотанном пелёнкой.

— Травница! Тут травница?

Молоденькая служанка в сарафане и с длиннющей косой сунулась в светлицу, увидела меня и низко поклонилась, залилась краской и с запинкой сказала:

— Тебя светлый князь требует!

— Зачем я ему понадобилась? — удивлённо спросила.

— Нешто ж мне сказали! — хихикнула девица, теребя косу. — Проводить велено.

— Иду.

Я аккуратно передала малышку Вранке и взяла свой мешок с травками:

— Веди, чего уж там.

Узкими коридорами служанка провела меня до маленькой дверцы в стене. Там стала в стороночку и указала на расписную филенку:

— Тебе туда, травница.

— А ты что?

— А нам туда нету входа, — опять хихикнула и убежала вниз по лестнице, подхватив рукой подол сарафана.

Мужская половина, догадалась я. Наслышана уже, ага. Женщины туда обычно не ходят, а из мужчин на женскую половину можно только князю и мальчишкам, не достигшим возраста жениховства. Что же получается — я не женщина, раз мне можно?

Помедлив, я всё же открыла дверь, толкнув её, и оказалась в другом коридоре. Тут было шире и темнее, потолки выше, горницы просторнее. Я шла наугад, потому что с этой стороны меня никто не встретил и потому что наверняка вход на женскую половину был неподалёку от княжьих покоев. В одной из комнат сидели мальчики лет десяти и под присмотром старика с длинными седыми усами натирали клинки тряпицами. Я к ним не обратилась, и они только проводили меня удивлёнными взглядами. Ещё пару дверей, и я оказалась в комнате, где было душно от свечей. Мебели там было мало — кровать под пологом, стол и стул. За столом сидел светлый князь и что-то писал.

Я вежливо постучалась в косяк. Князь поднял голову и невидящим взглядом посмотрел на меня. Потом глаза его прояснились. Он откинулся на высокую спинку стула, смерил меня с ног до головы и сказал:

— Травница.

Будто плюнул. Вот язва! Как будто он меня ненавидит... А за что? Я его, гада, спасла от верной смерти! Я ему ребёнка с того света вернула! А он смотрит на меня, будто я наоборот всю его семью завалила.

Прищурилась, ответила с достоинством почти в тон:

— Князь.

Он хмыкнул:

— И что же, совсем не боишься, да?

Кого?

— Меня.

— А зачем?

Он снова подался вперёд, наклонил голову вбок, сказал задумчиво:

— Ты совсем не похожа на травницу. Откуда ты взялась?

— Он тебя раскусил, Диана.

Я вздрогнула и бросила взгляд к печи. Там на полу лежал, развалившись, Буран и сосредоточенно вылизывал лапу.

— Здравствуй, Буран, — машинально сказала и спохватилась. Глянула на князя. Он поднял брови:

— Ты здоровья моей собаке пожелала? А мне, значит, нет?

— Здравствуй и ты, князь. Зачем позвал?

Он нахмурился. Встал. Прошёлся передо мной к окну, выглянул туда зачем-то. Теперь я видела его затылок — волосы коротко стриженные, наверное, даже бритые, гладкое ухо, чуть заостренное, как у эльфа. Прямая спина заставляет невольно выпрямиться. Какая стать! Какой рост! А ведь я читала, что наши предки были гораздо меньше нас! Да нифига подобного! Высоченный, плечи широкие, не богатырь, конечно, но ой как хорош! Сердце ёкает, когда смотрю на него...

Резко обернувшись, он поймал мой взгляд, шагнул ближе. Сказал с лёгким неудовольствием в голосе:

— Женщины должны опускать глаза, когда со мной в одной комнате стоят.

— Пусть себе опускают, — согласилась я, глядя в его синие, тёмные, глубокие очи. Я тонула в них, меня в них засасывало, словно в водоворот. А князь с усмешкой шагнул ещё ближе, ухватил ладонью мой затылок и притянул к себе, да так метко, что его губы коснулись моих губ.

И тут я растерялась. Был бы на его месте другой парень, например, из моего мира, я бы уже обняла его и ответила на поцелуй с огромным удовольствием. А с князем растерялась, как девственница. Просто застыла, не отрываясь взглядом от его глаз.

А целоваться-то он и не умеет! Стоит, губами кусает. Я словно очнулась, машинально сделала движение назад. Что он хочет? Для этого меня позвал? Жёну только-только похоронил и сразу в койку с незнакомой девушкой!

— Куда ты? — процедил сквозь зубы князь. — Не люб я тебе?

— Даже если и люб! — ответила я, упираясь ладонями ему в грудь. — Это не повод сразу целоваться!

— Странная ты, травница! И глупая.

Он наступал, я пятилась, пятилась и допятилась. До кровати.

В принципе, я была к этому готова. Морально. Я понимала, что рано или поздно в этом мире без Конвенции прав человека, а особенно

прав женщины, кто-то попытается меня изнасиловать. Или убить. У старой ведьмы оказался неплохой ножик — не княжий кинжал, конечно, но очень милый, маленький и острый. Я носила его с собой всегда: то грибы срезать, то покромсать репу для супа. Вот и теперь нащупала маленькие ножны на поясе, вытащила нож и аккуратненько приставила к боку князя.

Он вздрогнул. Оторвался от меня, посмотрел с удивлением. Я прищурилась и потребовала:

— Отпусти.

— А если не отпущу, ты меня заколешь? — усмехнулся князь. Рукой достал до ножа, сжал лезвие в ладони и резко вырвал. Посмотрел, хмыкнул и отбросил в угол, вытер окровавленную ладонь о рубаху... У меня сердце ухнуло в пятки, а внутри всё сжалось и замерло. Нет, со мной не может такого произойти! Только не это, только не он!

На миг мелькнула мысль о Буране, но я отбросила идею позвать собаку на помощь. Пёс славный, но против хозяина не пойдёт. Орать тоже смысла нет. Подчиниться? Расслабиться и получить удовольствие? А как жить потом и знать, что я не вырывалась, не пробовала?

Что ж, я попробовала.

Царапалась, кусалась, пинаясь! А он, поганец, только смеялся! Повалил на кровать, прижал своим телом и руки над головой зафиксировал. Осталось только коленом по яйцам, но я не успела — ноги мне раздвинули и всё!

— Отпусти, хуже будет! — из последних сил бросила я, глядя ему в глаза. Как можно было влюбиться без памяти в насильника?! Чёрт. Неужели никак не выбраться отсюда? Хочу домой! Хочу оказаться дома!

— А что ты мне сделаешь? — буркнул он, выдержав мой взгляд.

И правда, что я могу сделать?

— Тогда насилуй, гад! — выкрикнула. — Бери, что хочешь! Светлый князь, тьфу!

Поденок ты, вот ты кто!

— Да я тебя. — процедил он сквозь зубы, занеся руку для удара, и я зажмурилась.

Глава 8. Близость солнца

Ноябрь 9 число

Однако удара не последовало. Я осторожно приоткрыла один глаз и удивилась. Светлый князь смотрел на меня уже не зло, а странно — пристально, внимательно, даже растерянно. Заметив мой взгляд, отвернулся, отпустил запястья, встал.

И что это было? Неужто я его пристыдила? Это чем же, интересно знать... Спросить, что ли? Так сказать, на будущее.

Князь отошёл к столу, упал на стул, принялся разглядывать пораненную ладонь. Я села. Что, правда — всё? Поправив платье на груди, осторожно поднялась. Спрятала лодыжки под рубашкой и подолом, наклонилась в поисках ножика. Вон он, лежит у сундука, как миленький! Подняла, обтёрла о бедро и вложила в ножны. Потом взглянула на князя.

Чудной он какой-то. Зыркает грозно, руками машет, а как до дела дошло — слился, тормознул. Может, на самом деле хороший? Может, просто нервный? Шутка ли, княжеством командовать! Почти как президент. Травку бы ему заварить особенную, я недавно экспериментировала для зелья — одной женщине давала, у которой муж умер, для успокоения и от рыданий. Ой, да и хрен бы с ней, с травкой! Жалко мужика, сам не знает, чего хочет! И вообще.

Любовь зла.

А ладонь надо перевязать. Загноится ещё.

Я подошла, присела на корточки перед ним. Он поднял на меня взгляд синих глаз, и в них не было ни злости, ни растерянности. Как будто князь отгородился от всего мира и от меня особенно. Ничего во взгляде. Совсем ничего. Пустота и ветер гонит перекасти-поле.

Ой как нехорошо! Это уже психическое, а с психиатрией я знакома чуть больше, чем никак. Биполярное расстройство? Или вообще шиза? Я взяла его руку в свои ладони, с трудом разжала кулак. Порез был неглубоким, но кровил сильно. Провела пальцем по краям, сводя их вместе, будто паяльником по пластиковому пакету. Странно, что не задымилось! Но кровь перестала течь практически сразу. Я

провела ещё раз, мысленно прося порез закрыться. И он закрылся. Какой послушный! Подолом я вытерла кровь, а потом коснулась губами ладони. Могильный холод. Как будто князь уже умер. Но он же не умер! Он жив!

Подняла на него глаза. Ох! А вот и эмоции появились. Боже ж ты мой! Я не брежу? У него в глазах страх и изумление?

— Травница. — пробормотал он.

— Меня зовут Диана, — ответила я, чувствуя, как редко бьётся сердце. Тук! Его пальцы скользят по моей щеке. Тук! Зарылись в волосы, в самую глубь. Тук! Он тянет меня вверх, а сам наклоняется ниже. Тук! Я ловлю губами его губы и закрываю глаза.

— Зови меня Ратмир, — выдохнул он. — Ты зачем пришла?

— Сам же позвал! — удивилась я.

— Да? — князь прикрыл глаза и покачал головой. — Не звал я тебя.

— Ну, ребята, вы тут разберитесь сами, кто кого куда звал или не звал.

Мне стало обидно. Но только на секунду. Потом я подумала, что шизофрению травками не вылечить, и испугалась. А ведь похоже, блин. Раздвоение личности! Одна сущность добрая и милая, а вторая. Мистер Хайд!

А мне всё это за что? В наказание за какие грехи?

Вскочила, шагнула назад. Мало ли, как с ним нужно обращаться, вдруг он опять станет буйным...

— Нет, стой! Я вспомнил! Ты мне нужна.

Ратмир схватил меня за руку, и сердце снова ухнуло в пятки, а потом вернулось на место и застучало в ритме фламенко. Аритмию, что ли, схватила? Или просто с ума схожу от этого мужчины?

— Зачем? — спросила тихо. Он снова поцеловал, лаская губами мой рот, выдохнул:

— Помощь мне нужна.

О, так он знает о своих проблемах с головой! А травок у меня нет. Подобрать бы. Я подумаю об этом после. А пока.

— Я помогу тебе, — сказала, прислонившись к нему — легонько, словно проверяла, что он сделает. Он обнял, руки скользнули по спине, прижимая, захватывая в плен. Губы пробежались по шее, нашли покой в ложбинке у плеча. И в эту ложбинку князь сказал:

— Мне нужно жениться. Нужен наследник.

— Это правильно, — с замиранием сердца ответила я, представляя себя в роли княгини, а он спросил:

— Станешь моей, травница?

— Меня зовут Диана.

— Нет, не твоё это имя.

— Другого не завезли, — фыркнула от нежности.

— Станешь?

— Стану.

«Будь моей женой!» — «Буду!»

Он отнёс меня на кровать, положил на соболье покрывало — ишь, буржуй, сколько зверюшек перевёл для такого роскошного покрывала! — и сбросил с себя штаны. Я фыркнула, маскируя смех под кашель. Не от размеров, нет! Просто выглядел Ратмир комично в длинной рубахе до середины бедра.

— Смеёшься? — спросил он на выдохе, снимая через голову рубаху, и я замерла. Такой сексуальный жест, такое мускулистое тело — ни грамма жира! И шрам. Свежий, едва заросший. От стрелы.

И больше у меня не было ни времени, ни возможности любоваться князем. Он задрал на мне платье и пристроился между ног. Тут уж пришлось возмутиться:

— Ратмир! А где прелюдии!

— Кто? — насторожился он и даже оглянулся. Я мягко толкнула его в грудь, уложив на соболей, встала на колени и сняла одним махом всю одежду. Как удобно, когда нет пуговиц, застёжек, вообще ничего, только туники одна на другую натянутые... Как хорошо, когда рядом мужчина, которого любишь до потери самой себя, и он перед тобой голый и готовый ко всему!

И я даже объясню ему, что такое прелюдии. На практике покажу! А потом вылечу ото всех болезней — физических и психических.

— Травница, что ты задумала? — подозрительно спросил князь. Я собрала в ладонь волосы и откинула их назад, оседлав ноги Ратмира. Он приподнялся на локтях, наверное, собираясь протестовать, но я не дала ему ни единого шанса, овладев его членом. Зажала в ладони и пропустила через кулак по всей длине. По всей длинной. длине! Где-то в животе томительно заныло. Оказывается, древние славяне во многом отличаются от нынешних! И сами выше, и члены у них больше!

— Травница. — простонал Ратмир, откинувшись на подушку.

— Что, светлый князь? — откликнулась я, огладив бархатную головку. Внутри меня уже горел пожар, тлевший уже четыре месяца. Теперь желание вспыхнуло с новой силой, я наклонилась к Ратмиру и поймала губами его рот. Язык встретился с языком, а мои глаза

— с его удивлённым взглядом. Князь оттолкнул меня, спросил с возмущением:

— Что ты творишь, ведьма?!

— Я тебя целую, — выдохнула, снова приныкая к нему, сказала, едва отрывая губы от его губ: — Это и есть прелюдия.

— Где ты только этому научилась.

Его руки скользнули по моей спине, обжигая прикосновением, притянули к себе. А я, ликуя, снова потянулась рукой к твёрдому напряжённому члену, направила его внутрь своего тела, только сейчас понимая, как хочу этого мужчину.

— Там, где научилась, меня больше нет.

— А теперь что? — спросил он, запуская пальцы мне в волосы.

— А теперь прелюдии закончились, — ответила, опускаясь на его член, принимая в себя на всю длину.

Мы двигались так слаженно, что мне показалось — мы давние любовники и каждый день занимаемся сексом. Мои волосы падали ему на лицо, и Ратмир купался в них, отряхиваясь по-собачьи. Время от времени он ловил пальцами мои соски, сжимая их, и я стонала от его нежной грубости. Именно так я и представляла наш первый раз вместе, но уже не надеялась, что это произойдёт. Однако вот я — на нём верхом, как наездница, и это единственный конь, на которого я согласна карабкаться в этом мире!

Но Ратмир не дал мне полностью насладиться этой позой. Прижав к себе и не вытаскивая орудия из меня, просто перевернул на спину, прижал к прохладному соболиному меху и улыбнулся, как хищник, настигший добычу:

— Ну, что ты теперь сделаешь?

— Продолжай, — простонала я, закрыв глаза. — Не останавливайся!

С коротким смешком торжества Ратмир продолжил. Не остановился, а участил ритм, входя полностью, сминая меня под собой — так яростно и страстно, что я даже испугалась на миг: а вдруг

сломает мне что-нибудь, вдруг разорвёт. Но лишь на миг, потом я отдалась его страсти с удовольствием желанной женщины, следуя движениям и слаженно двигаясь вместе с ним. На седьмое небо, унеси меня на седьмое небо, князь! Заставь кричать от восторга...

Впрочем, светлый князь показал себя не с лучшей стороны. Я предполагала что-то подобное, но надеялась, что мы кончим вместе. А вот фигу тебе, Дианочка! Слабенькие прелюдии, никакого оргазма, хотя сам он удовлетворился и в последнем усилии даже зарычал, как зверь, а потом просто и буднично слез с меня, оставил изнемогать на идиотских соболях от ускользнувшей волны.

— Так нечестно. — застонала я, ударив кулаком по постели. Ратмир встал, потянулся за штанами, потряхивая членом, чтобы смахнуть капельки спермы, и бросил мне:

— Одевайся, травница.

— Это всё? — ещё не веря, спросила я. Он натянул рубаху и портки, сунул ноги в сапоги, взял кувшин, стоявший на столе. Разочарованная, я смотрела, как он пьёт — жадно, большими глотками, и его кадык ходит вверх-вниз по шее. Надеялась, что вернётся ко мне. Но нет. Не вернулся. Только зыркнул глазищами и повторил:

— Одевайся.

Ах так? Попользовался и иди нафиг? А вот хрен тебе, светлый князь, а не моя помощь! Обойдётся! Сам, всё сам.

Неспешно, чтобы досадить нетерпеливому мужчине, я надела рубашку, платье, чулки, натянула сапожки. Встала, зачесав растрепавшиеся волосы назад. Сказала с достоинством:

— Ладно, пойду. Прощай, князь.

— Стой! — он шагнул ко мне, схватил за локоть. — Обещала помочь.

— Помоги себе сам. А мне домой пора.

— Травница, только ты можешь мне помочь! Сегодня я послал гонцов по всему княжеству и к соседям, чтобы собрать всех невест, годных для замужества.

— Что? — я даже растерялась. Но ведь он говорил. А что он говорил? «Стань моей». Ни разу не было речи о «стань моей женой». Это не он козёл, это я дура! Ошалела от любви, как мартовская кошка, отдалась и жду чего-то. Ой кретинка! Ой идиотка! Всё, теперь только

сбежать со стыда и закрыться в избушке, чтобы никого не видеть и не вспоминать о своём позоре!

— Зачем я-то тебе нужна при таком раскладе? — спросила слабым голосом, сокрушаясь про себя о собственной дурости.

— Ты ведьма, ты отличишь больную от здоровой, — жёстко сказал Ратмир. — Найдёшь ту, которая родит мне сыновей и не умрёт — ни от болезней, ни в родах.

Придурок. Самый настоящий придурок, мачо и козёл! Невесту я ему буду выбирать! Здоровенькую тёлочку для здоровенького потомства! Нет, серьёзно?

Я выдохнула. Князь воспринял это как согласие и обрадовался:

— Вот и хорошо! Вот и славно, травница.

— Я подумаю, — процедила сквозь зубы.

— Не о чем думать. Я ведь могу тебя и прогнать со своих земель!

— А я могу насрать на твой город белый мор! — окрысилась на него. — Чуму насрать могу! Воду отравить!

И захрипела. Он схватил меня за горло, сдавил легонько. Зараза!

— Ну? Что же не испепелишь меня?! — спросил издевательски. Я широко распахнула глаза в надежде, что молния ударит в него, в это чудовище, и услышала ворчание Бурана:

— Велесова мощь... Хозяин, оставь её в покое! Травница хорошая, не обижай её!

Полагаю, князь слов собаки не разобрал — только рычание, и обернулся к Бурану, удивлённо спросил:

— Ты что, Буранушка?

Но шею мою отпустил. Даже покосился странно на меня. А я, бросив собаке благодарный взгляд, сказала сипло:

— Никогда больше не прикасайся ко мне, князь. Иначе. черви сожрут тебя изнутри, уж это я тебе обещаю!

— Ведьма, — бросил он осторожно, но зло. Отступил на два шага.

Никакая я не ведьма. Я просто попаданка из другого мира. И у нас такие разные миры! По-хорошему, это мне надо подстраиваться. Но как, как подстроиться под полное неуважение женщины как человека?! Если он будет меня хватать за всякие места, то мне придётся вести себя тише воды ниже травы, а это буду уже не я. Не Диана, студентка второго курса меда, случайно попавшая в Древнюю Русь, а покорная и послушная безлика местная дева.

— Помогать я тебе не буду, — сказала негромко, подобрав свой мешок. — Если кто заболеет — приду. А вот невест твоих ощупывать не стану.

— А если силком приволоку? — спросил он глухо. — Пришла же... К княгине.

— Пришла. И к дочери твоей приду. А к невестам — хоть за волосы тащи, хоть убей.

Я была внешне спокойна, но внутри кипела. Он не козёл, конечно. Он просто мачо и мужик. А вот я дура. Во-первых, что влюбилась в такого. Во-вторых, что переспала с ним. И ведь ничему жизнь меня не учит. Уже так было, и вдруг опять.

— Зачем к дочери? — насторожился Ратмир. — Жива ж, здорова.

— А чтобы случайно не подхватила ту же болезнь, что и её мать.

Соврала и глазом не моргнула! А что, надо учиться жить с этими людьми. Вон как червей испугался! В этом мире только я себе дороже всех, больше никто. Пока. А князь и правда сбледнул с лица:

— Они и её могут сожрать? И нас всех?

— Могут, — снова соврала. — А дочери твоей нужна кормилица. Приструни своих баб, чтобы меня слушались!

И развернулась, чтобы выйти. Ратмир фыркнул сзади:

— Сама не можешь?! Ты же ведьма!

— А ты князь, и это твой гарем! — не оборачиваясь, ответила и вышла. Кипение внутри уже унялось, и я шла обратным путём, гордо подняв голову. Не буду думать о князе. Не буду, хоть ты тресни! Я лучше вернусь к маленькой Отраде и буду ждать, когда тётка Дара приведёт с болота Мыську. Мыська. Что за имя такое? Мышка, что ли, с каким-то шепелявым акцентом?

В правильности своего предположения я убедилась на женской половине. В коридоре столкнулась с Дарой, из-за которой робко выглядывало существо, закутанное в какие-то бесконечные платки. Росточком оно было чуть пониже плеча прислужницы, зато глаза светили на пол-лица. Дара выставила будущую кормилицу из-за спины, хотя девушка и упиралась, сказала:

— Ну, вот. Мыська.

Я подняла брови:

— А побольше ничего не было?

Дара поджала губы и, развернувшись на сто восемьдесят, уплыла по коридору прочь. А я, последний раз смерив Мыську взглядом с ног до головы, кивнула на дверь:

— Ну пошли, раз не было. Будем брать, что дают.

Она крепче прижала к себе закутанный в тряпки свёрток и шагнула в светлицу маленькой княжны.

Отрада спала в своей люльке, а Вранка ткала, сосредоточенно толкая челнок туда-сюда между нитей, с усилием нажимая ногой на педаль и иногда потряхивая колыбельку, чтобы та качалась вверх-вниз. Я указала Мыське на сундук и велела:

— Разматывайся. Да положи ребёнка уже.

Девушка спешно оставила свой кулёк поперёк сундука. Вранка оставила свой челнок и спросила:

— Чёж, пришла?

— Пришла, — с лёгким вызовом ответила Мыська, снимая последний платок. Под ним обнаружили светлые, почти льняные волосы, остриженные по плечи. Странно, все женщины здесь носят косы — одну или две, в зависимости от того, девица это или мужняя жена. А эта — стриженная...

— Ну, коль пришла, сама и нянькай, — буркнула девчонка, снова принимаясь за ткачество.

— Куда ей самой с двумя? — осадил я Вранку. — Будешь помогать. А ты, — обратилась к Мыське, — раздевайся.

— Как так? — испугалась она.

— А вот так, — передразнила я. — Проверять буду, может, ты больная!

— Не больная я! — отказалась девушка, стиснув руками полы накидки под подбородком.

— Вот я и проверю.

Пришлось посмотреть грозно. Хотя мне её было жалко до слёз. Вон, принялась раздеваться, а смотреть на неё — обнять и плакать! Маленькая, худенькая. В чём душа держится? Как она вообще выносить ребёнка смогла?

— Тебе сколько лет-то? — спросила, разглядывая её тело, спрятанное в застиранной рубахе до пят. Мыська пожала плечами:

— Не помню я.

— А родители есть?

— Сирота я.

— Муж?

— Помер он, аккурат на Яблочник.

Яблочник? Яблочный спас, что ли? Это в августе, а у нас сейчас ноябрь на дворе. Три месяца одна, и рожала уже одна. Бедная. Я поднесла руки к её голове, не касаясь, сосредоточилась, спросила мысленно: «Есть ли какие-нибудь болезни?»

Мозг светился зелёненьким, глаза, горло, кровеносная система — всё было в порядке. Я прошла с инспекцией по всему телу, отметив оранжевый желудок и чуть желтоватую матку. Ну, ест мало, голодная, наверное, это не болезнь. А вот по-женски проблемка. Впрочем, кормить младенцев это ей не мешает. Ладно, будем считать, что всё норм. А матку потом посмотрим...

— Одевайся, — велела я Мыське. — Давно ела?

— Сегодня, — она вспыхнула румянцем, и стало ясно — соврала.

— Чем на жизнь зарабатываешь?

— Осоку режу на болоте, плету из неё половички и подлапотники.

Она спрятала руки — изрезанные и красные. Я тяжело вздохнула. Вышла в коридор и рявкнула:

— Дара-а!

Прислужница появилась через несколько секунд — упёрла руки в боки и спросила с вызовом:

— Ну чё?

— Через плечо, — буркнула и развила мысль: — Принеси кормилице еды. Побольше и погуще! И хорошего качества, поняла? Чтоб то же самое, что и к княжескому столу!

— Пожирнее? — осведомилась Дара с некоторым подозрением. Я ответила чётко и раздельно:

— Побольше и получше. И чтоб каждый день трижды. Я проверю!

Проводив её, вздыхающую, взглядом, вернулась к Мыське и сказала ей:

— Если вдруг молока не хватит, если вдруг что-то случится, сразу говори Даре, чтоб меня звала. Никаких сомнений, никаких отговорок — просто позвать травницу. Поняла?

Девушка кивнула с серьёзным видом. А я подумала, что фиг она скажет. Надо их навещать в первое время хотя бы раз в два дня.

Глава 9. Неприятные ожидания

Ноябрь 16 число

Всю неделю лес мок от затяжных дождей. А в субботу я выглянула в окно поутру и увидела, как трава и деревья поседели от инея. Заморозки.

У моих русалок после излечения путокоса началась рыба́я болезнь. Вкратце и чтобы не вдаваться в мерзопакостные подробности — гнойные язвочки на тех местах тела, которые были покрыты чешуёй. Когда справились с этой дрянью — русалки подхватили речных блох. Их я выгнала притирками из чернобыльника, а попросту полыни. Теперь, когда природа засыпала перед долгой зимой, русалки впали в спячку. Все, кроме одной. Я назвала её Леной. Вообще, я всем русалкам дала имена, чтобы не путаться в девах. Девы булькали, но на имена согласились. Так вот, Лена тосковала, маялась и пела жутким сопрано ночи напролёт. Днём она торчала или в реке, или на Ведьмином камне, остервенело вычёсывая изрядно поредевшие чёрные, как смоль, волосы.

Как лечить сезонную бессонницу, я не знала. Успокоительные на Лену не действовали. То есть, действовали, конечно, но странновато. Она начинала бродить по лесу с полужакрытыми глазами и вытянутыми руками — чисто лунатик. Поэтому мы подумали и отказались от успокоительных. Я навещала одинокую русалку раз в день и пыталась топорно её психанализировать. Ну отчего-то ж ей не спится? Надо было найти причину, а не то мне придётся всю зиму таскаться на реку...

Вот и сегодня я собралась провести Лену и уже даже оделась потеплее — повязала вокруг головы пуховый платок и напялила на себя плащ, подбитый белкой, как вдруг в окошко стукнули.

— Пришли гости глодать кости, — проворчала я и сунулась к мутному стеклу, чтобы разглядеть, кого ко мне принесло. За окном подпрыгивала на тоненьких лапках замотанная в рыба́чью сеть кикимора. Что у неё опять случилось?

Я вздохнула тяжело и вышла в предморозное утро. Пахло зимой. Знаете, такой запах, который вроде и не пахнет ничем, а сразу ясно — скоро зима и снег. Пожухлая трава переливалась в свете дня мириадами радужных бриллиантиков, и я пожалела, что нет с собой фотоаппарата. Как это красиво, слов нет! Но перед носом тут же возникла сморщенная старушечья мордочка кикиморы. Я отшатнулась, а та запищала:

— Беги бегом на болото!

— Что случилось?

— Беги-беги! Там зверь! Незнакомый, не местный! Утопнет!

— Какой ещё зверь, — буркнула я. — Какое мне дело до каких-то там зверей.

Но ноги сами уже несли меня по тропинке в лес. Кикимора то пропадала, то возникала невдалеке, чтобы указать мне дорогу. Как у неё это получалось, я не понимала, да и понимать не было времени. Как настоящий врач, я спешила на помощь. Правда, не людям, а незнакомому зверю. Что за зверь такой?

Тяжёлые башмаки скрипели по инею, а потом вдруг начали чавкать. Значит, болото рядом. А куда меня ведёт эта дурочка? Я же сама утопну, пока до зверя доберусь!

— Кикимора! — окликнула нечисть, потому что та куда-то пропала. Огляделась. Чёрт! А если она меня завела в самую трясику, и я теперь здесь сгину? Повторила тише, дрожащим голосом: — Кикимора-а?

— Тут я! — откликнулась та из-под куста. — Чего застыла?

— Я слишком тяжёлая, я завязну!

— Не завязнешь, травница, поверь мне! Бежим же, утопнет зверь!

— Утопнет, утопнет... — проворчала я, осторожно нащупывая ногой твёрдую кочку в полужидкой траве. — Что мне делать-то? Да и вообще.

Что «вообще», я не сказала вслух. Мало ли, что там за зверь. Вдруг хищник? Как эта поганка болотная думает, я буду его вытаскивать? За задние лапы, что ли?

Станный звук заставил меня вздрогнуть и замереть. То ли крик, то ли рёв, то ли клёкот огромной птицы. По спине пробежал предательский холодок, и я позвала осипшим голосом:

— Кики. мора! Что это? Эй! Ты где?

Но на этот раз она не откликнулась. Да и источник звука был совсем рядом. Слишком близко! Какой хищник может так кричать? Или это выпь? Про неё говорят, что орёт дурным голосом, смеётся и плачет.

Но стоять на месте нельзя. Ноги сразу стали погружаться в жижу, и я рисковала потерять не только башмаки, но и себя. Поэтому, собрав всю свою храбрость в кулак, двинулась дальше.

С трудом пробравшись через топи, я оказалась на маленьком островке. Почти круглой формы, он был окружён зелёными полями ряски, от которых поднимался пар. В одном месте ряска была потревожена, разошлась, обнажив чёрную воду, в которой бултыхался задними ногами верблюд в полном ездовом снаряжении.

Верблюд?

— Твою мать, я брежу! — в восхищении протянула я. — На болоте настоящий верблюд!

Он был мохнатый, как мамонт, огромный, с длинной шеей, которую вытягивал в отчаянье, с длинными губами, которые складывались в трубочку. Верблюд поднапрягся, выбросив передние ноги чуть дальше на землю, попытался подтянуть тело, но не смог. И тут раздался тот самый звук, который напугал меня. Зверь стонал и звал на помощь.

Настоящий верблюд, с ума сойти!

— Как же ты сюда попал, милый мой? — озадаченно спросила я сама себя и ничуть не удивилась, когда услышала жалобное:

— Я не милый, я милая! Самка я!

— Ну ясен пень, собака и лошадь со мной болтают, почему бы и верблюду не поговорить,

— буркнула, разглядывая необычное седло, покрытое коврами и металлическими арабесками. Да и узда у верблюда была зачётной — золото покрывало красивой вязью кожу поводов и головных ремней. А взяться страшно — потяну, а она и порвётся. И вообще. Как это чудо вытаскивать из болота — ума не приложу!

— Ты меня понимаешь! Хвала небесам! Вытащи же меня, молю!

— Я попробую. А пока прекрати двигаться. Ты только провалишься ещё глубже!

Верблюдица затихла, глядя на меня преданными жалостливыми глазами. А мне стало страшно. Я представить не могу, с какого бока

взяться за верблюда... Ох, нелегкая это работа — тащить из болота. ну все помнят, да?

На ум пришли верёвки, из которых можно сделать блок. Но его не за что зацепить, тут даже деревца нет, один сплошные кусты и кустики! Помнится, когда-то мы застряли на машине в непролазной грязюке посреди чистого поля, когда возвращались с дачи после осенних дождей. Папа тогда вытащил наш Опель с помощью двух ломиков и лебёдки. Но вот беда — у меня ни ломиков, ни троса нет! Только руки и ноги.

Я горестно вздохнула. Наверное, надо веток наломать, чтобы бросать под ноги верблудице и потихоньку тянуть её на твёрдую землю. Но это надо возвращаться с риском самой заблудиться и утонуть. Кикимора-то тю-тю! Вот тоже зараза, конечно. Где она спряталась? Тут подмога нужна, какие-нибудь рыбки или что там живёт в болоте.

Нечисть!

Я сразу взбодрилась духом. Надо попросить помощи у местной нечисти. Травнице должны помочь. Мне же их лечить, как вон русалок.

— Кикимора-а! — крикнула, слушая, как мой голос затихает в кустах. Верблудица с перепугу снова забилась задними ногами, баламуча воду, и заскрипела странным голосом:

— Я проваливаюсь!

— Прекрати бултыхаться! — в отчаянье бросила я ей и снова заорала дурным голосом: — Кикимора! Выйди на свет, или я тебя найду и ручонки переломаяю!

— Тебе ж лечить потом, — пробурчала нечисть, появляясь где-то в стороне.

— Я сломаю, я и вылечу, — фыркнула. — Кто из твоих на болоте живёт? Помощь нужна. Кикимора отодвинулась от меня ещё дальше и пискнула:

— Это к Батюшке надо обращаться!

— Так обратись! Или скажи, где его найти!

— Виданное ли дело — Хозяина Болотного беспокоить по пустяку, — скорчила гримаску на и так сморщенном личике кикимора, но я двинулась в её сторону и грозно сказала:

— Виданное ли дело было беспокоить меня с каким-то крючком в руке?!

— Смерти моей хочешь, — буркнула нечисть и сгнула. Ну вот что за маленькая дрянь?! Как ей доверять после этого? Я плюнула и с досады воззвала сама к мифическому Хозяину Болот:

— Батюшка Болотный Царь! — слова пришли сами собой, и я удивилась: с чего царь-то и какой он мне батюшка? Но продолжила: — Помоги мне, как я помогаю твоим детям! Кикиморе, русалкам. Хотя русалки, наверное, тебе племянницы. Бог с ним! Не дай умереть этому гордому животному, которое ничем не заслужило такую страшную смерть!

Сия пафосная речь не возымела никакого результата. Я с досадой хлопнула руками по ляжкам и осторожно приблизилась к верблюдице. Ноги сразу стали тонуть в жиже, и я отступила. Сказала с сожалением:

— Мне к тебе не подобраться. Ты подожди, ладно? Нам обязательно помогут!

— Кто? — печально вздохнула верблюдица. — Тут нет никого. Я уж звала, звала...

— Ты, главное, успокойся. Как тебя зовут?

— Асель. А тебя, человек?

— Диана я.

— Когда я утону, вспоминай обо мне хоть иногда, — верблюдица положила голову на переднюю ногу, и я чуть не расплакалась от жалости. Ну как так? Я здесь, рядом с ней, но никак не могу помочь!

— Мне так жаль. — пробормотала, вытирая намокшие глаза, и тут сбоку раздался странный чавкающий голос, будто старик говорил во время еды:

— Кто тревожит мой сон? Кто вызывает к помощи?

Резко обернувшись, я увидела покрытое тиной существо, напоминавшее одновременно и человека, и рыбу. У существа были длинные седые волосы, в которых запуталась ряска и трава, маленькие глазки не разобрать какого цвета, и большие уши — тонкие, кожистые и зеленовато-серые. Сверху это был старец, а снизу рыба с длинным сильным хвостом. Как зачарованная, я пялилась на него и думала: «Как он по суше передвигается?» Болотный Хозяин тут же продемонстрировал своё искусство, скользя на хвосте по островку. Он приблизился, разглядывая Асель, и проворчал, жуя слова:

— Взбаламутили, понимаешь, всё болото. Чего надо-то?

— Прости нас, — повинилась невиноватая я. — Это Асель, она тонет. А я не могу её вытащить.

— Ты-то кто такая? Ведь человек, не дриада!

— Я травница, меня зовут Диана.

Он оглядел меня с ног до головы и потряс седыми космами:

— Ясно тогда всё. Слушай, вытащить твоего зверя я не могу. Что в болото попало — то навсегда его добыча.

— Но. Кикимора. Она позвала меня, чтобы помочь верблюдице!

— Кика? Ну ежели Кика. — Болотный Царь махнул рукой, между пальцев которой я заметила перепонки, и задумался. Асель боялась дышать, чтобы не провалиться глубже в трясину, а я кусала губы. А вдруг этот дедок поможет? Я ведь лечила его Кику!

— Вот что, травница. Твоя странная лошадь не утонет. А вытянуть. Зови Хозяина Леса.

- Ещё одного хозяина? — удивилась я.

- А как же! Звери — его вотчина. Я только болотными заведу. А это точно не болотный зверь, — и он указал пальцем с длинным зелёным когтем на Асель.

- Хорошо, — сказала я, подняв брови. Как позвать-то этого Лесного? Кто это, леший, что ли?

- Так зови, чего стала, как бессловесная? — хмыкнул Болотный Хозяин. — А я пока...

Он скользнул ближе к трясине, и ни одна травинка не шелохнулась под весом его тела. Погрузив руку в чёрную воду, он поболтал ею, пошлёпал. И я увидела почти в ту же самую секунду, как из болота появляются страшенькие заострённые кверху рыбы головы. Впрочем, ещё больше они были похожи на чужих, как их любят изображать в фильмах. Зубастые рты их хищно ощерились, а выпученные глазки заблестели злобно. Похоже, нам с Аселью пришёл конец.

- Мама, - прошептала я. - Кто это?

- Это? - обернулся ко мне Болотный Царь. - Так шуликуны мои! Сейчас-то, зимой, им делать нечего, так хоть подержат твою животину, чтоб не утопла!

Шуликуны, как один, разом повернулись к Асели. А та застонала тихонечко от ужаса -словно само болото заплакало. Существа

скрылись под водой. Я взволнованно спросила:

- А они не навредят верблюдице?

- Не навредят. Пока я не велю, - ухмыльнулся старикашка. - Зови Лесного-то Хозяина, я тут до ночи торчать не желаю!

Я пожала плечами. Знать бы ещё, как его звать. Повернулась лицом к лесу и сказала громко:

- Батюшка Лесной Царь, помоги вытащить зверя из болота! Прощу тебя, помоги!

- Кто ж так просит, - захихикала появившаяся на кочке Кикимора. Я шикнула на неё:

- Тебя не спросила! Как умею, так и прошу.

- Не придёт ить!

- Не придёт - тебя пошлю искать его, - из вредности предупредила я кикимору.

- Не пойду я никуда, - она надула губы и, косясь на Болотного Хозяина, подобралась поближе: - Ты скажи так: Батюшка Лесной Хозяин, не погнушайся, приди, спаси животное, кое на твою милость уповаает!

- А я что сказала? То же самое и сказала.

- А вот и нет! А вот и нет! Ты сказала.

- Балаболки! - оборвал Болотный Царь кикимору. - Умолкните!

Нечисть послушно смокла и вообще испарилась. А я услышала шаги. Тяжёлые, неуклюжие, приближающиеся шаги по болотной топи. Обернулась. Закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Нет, хватит уже! Я больше не хочу никаких потрясений! Особенно таких!

По трясине шагал, будто плыл над ряской, огромный чёрно-рыжий медведь. Его массивное тело раскачивалось в такт шагам, мишка потряхивал головой, шумно дыша. Лапы, размер каждой из которых превышал вдвое размер мужской ноги, не оставляли никаких следов на траве. Но это же невозможно! Или передо мной не настоящий медведь?

Он остановился, оглядывая нас маленькими тёмными глазками, втянул воздух длинным узким носом, заревел:

- Кто звал меня?

- Это ты Лесной Хозяин? - глупо спросила я. Ведь сама и звала же!

- А ты кто, человечка?

- Я новая травница.

Ноги дрожали и подкашивались от вида громадного зверя. От медведей можно всякого ожидать, читала, знаю... Мало ли что взбредёт в его голову! Не понравлюсь ему, он меня тут и загрызёт. Сбросят меня в болото, и поминай как звали.

- Бер, ну что, не видишь, что ли? - вмешался болотный старик. - Тащи зверя, вишь - не моё это, твоё!

Медведь помотал головой, потом сказал:

- Не было печали...

Но двинулся не к Асели - ко мне. Я снова застыла, только глаза закрыть забыла. С Болотным всё было ясно - нечисть. А вот Лесной был слишком похож на медведя, чтобы расслабиться, когда он приблизился. Ноздри медведя задвигались, он обнюхал меня так тщательно, как ни одна собака не смогла бы, и пробормотал:

- Чужая.

- Уже почти своя, - прошептала я напуганно. Лесной Хозяин поднял на меня взгляд и шумно фыркнул. Потом враскачку, как старый моряк, направился к верблюдице. Я следила за ним с замиранием сердца и не сразу поверила, когда мохнатая лапа огромного зверя с лёгкостью вытащила Асель из болотного плена. Громкий чпок, и верблюдица уже на спине медведя - перекинута через его плечи, как добыча. Я негромко спросила:

- Ты же не собираешься её съесть?

- Пока нет, - ответил медведь с долей иронии в голосе и двинулся по трясине к лесу. - Как бы ты вывела тяжёлого зверя из болота?

- Прав, сто раз прав, - пробормотала я. Оглянувшись на Болотного Царя, поклонилась: - Спасибо тебе, никогда не забуду того, что ты сделал для Асели.

- Одолжишься, не беспокойся! - хмыкнув, старик нырнул прямо в болото, только хвост плеснул по чёрной воде. Шуликуны забулькали, точь-в-точь как русалки, и скрылись под ряской. А я поспешила за медведем, который уходил всё дальше.

- Подожди меня! - крикнула ему. - Я же заблужусь!

Но Хозяин Леса не слышал. Пришлось догонять, и я едва не потеряла деревянные башмаки в топях. Подхватив их в руки, запрыгала по кочкам, повизгивая от холодящих поцелуев зимнего

болота. Нагнала уже почти на самой опушке, где медведь поставил Асель на твёрдую почву и оглянулся на меня:

- Что за зверь такой? Я никогда ещё не видел подобных в наших лесах.

- Это вер.. .блюд... - запыхавшись, ответила едва. - Спасибо тебе, что помог. Если понадобится что-нибудь по моей части - заходи, не стесняйся!

Медведь снова фыркнул, тяжело поднялся на задние лапы, став ростом с молодую берёзку, и вдруг встряхнулся яростно. С густой бурой шерсти посыпались травинки, труха, еловые иголки. А потом и сама шерсть посыпалась на землю. Я ахнула, прижав ладонь ко рту. Вместо медведя передо мной стоял молодой мужчина - в сером кафтане с серебряными галунами, в заливчатски заломленной набок шапке с меховой оторочкой, в кожаных сапожках с таким же мехом внутри. У него были карие глубоко посаженные глаза, правильное лицо с приятными чертами и тёмные, чуть выющиеся волосы до плеч. Ни дать ни взять - древнерусский молодец!

Глядя на мою реакцию, он усмехнулся, показав милые ямочки на щеках, и сказал глубоким бархатным баритоном:

- Что ж, раз приглашаешь - зайду непременно. Как звать тебя, травница?

- Ди.ана, - с запинкой ответила я, всё ещё не веря своим глазам.

- А меня звать Асель, - встряла чуть воспрянувшая духом верблюдница.

Медведь-парень зыркнул на неё недобро, а потом ответил мне:

- А ты зови меня Бер.

Глава 10. Двусмысленное предложение

Ноябрь 19 число

Платье надо было определённо стирать.

И чистые онучи закончились.

А снаружи выпал первый снег. Когда я в последний раз видела такую белую пелену, не тронутую ничьей ногой, не посыпанную солью, не раскиданную снегоуборочной машиной? Наверное, в детстве ещё. И сегодня, когда я выглянула из двери избушки, увидела прекрасный похоронный саван — величественный и пушистый, у меня аж дыхание захватило, а в груди запенились пузырьки радости, будто глотнула шампанского.

Захотелось прыгнуть в сугроб, упасть плашмя и делать ангела, глядя в небо, с которого сыпалась снежная мука.

Но вместо этого я только вздохнула, накинув плащ и повязав платок на голову, взяла вёдра и потопала к реке. Хворост у меня есть, дрова тоже. Натаскаю воды, нагрею в баньке и постираю. Заодно и помоюсь. На опушке остановилась. Господи, какая же я дура! Вот правда что никогда не жила в деревне, простых вещей не знаю... У меня же полная поляна снега! Я могу его растопить и не надо вёдра переть аж с реки! Шлёпнув себя по лбу, потащилась к бане.

Там уже три дня жила верблюдица Асель. Пастись в лесу она не желала, ночевать хотела в тепле, постоянно жаловалась, что у неё першит в горле от этого холода. Верблюдице я сочувствовала, но у неё была шуба. У меня шубы не было. Поэтому я пустила неожиданную гостью в баню. Баню кто-то умный пристроил к избушке, но не соединил входом. Чтобы помыться, надо было сначала одеться и выйти на свежий воздух. После мытья, соответственно, тоже. Я уже подумывала прорубить топором дверь, но меня останавливало только смутное понятие о несущих стенах. Какие из стен несущие в этом допотопном срубе, я понятия не имела.

— Асель, сходи прогуляйся до реки, там русалка скучает, — сказала я верблюдице, входя в баню. Дремавшее животное вскинуло голову и с любопытством спросило:

— Что такое русалка?

— Нечисть такая. В воде живёт.

— А почему скучает?

— А потому что уснуть не может. Давай, Асель, не загораживай!

Мне стирать надо.

— Что такое стирать?

Большой нос верблюдницы сунулся в одно из вёдер. Разочарованная тем, что там было пусто, она проверила второе ведро и спросила непонимающе:

— Зачем тебе эти ёмкости?

— Подогрею воду и постираю свою одежду. Всё, вали, не мешай!

Я нарочно разговаривала грубо, чтобы верблюдница обиделась и пошла прогуляться. И это сработало. Она отвалилась от стены и с гордым независимым видом прошествовала к выходу. А я вздохнула с облегчением и принялась растапливать банный очаг.

Через час вода уже была в кадке и нагрета. Я брала немного в лоханку и стирала грязные онучи. Чтобы не стереть в кровь пальцы, приспособила для этого дела два пористых камня, найденных на реке — один большой, плоский, и один поменьше. Монотонная, однообразная работа оставляла свободной голову, и я думала о своей теперешней реальности.

Чего мне больше всего не хватает? Когда-то я мечтала о чизбургере и большой картошке-фри, о ванне с горячей водой и о лампочках, которые горят сами по себе, когда нажимаешь на выключатель. Нет, не спорю, это всё ещё актуально. Но больше всего сейчас мне не хватает информации. Просто какой-нибудь информативной хрени, типа мемасиков с котами, умной ленты вконтактика, да хоть сериалов первого канала и КВН! Да я, наверное, даже на «Войну и мир» сейчас набросилась бы с жадностью, так мне хотелось хоть что-нибудь прочитать или посмотреть на экране! Но ничего. Ничегошеньки тут нет. Возможно, даже письменности ещё нет. Над этим надо подумать и попробовать как-то разжиться бумагой. И карандашом. Чтобы записывать. И перечитывать. И потом опять перечитывать...

Дверь сзади скрипнула, и я, не оборачиваясь, сказала негромко:

— Я ещё не закончила, вали отсюда!

— Вот как ты гостей принимаешь, травница.

Моё сердце замерло. Голос, этот родной и любимый голос, всколыхнул в груди волну всеобъемлющего счастья, а потом бросил в пучину самоуничтожения. Я наверняка красная, взмокшая, а волосы завязаны в пучок. Как обернуться и показаться тому, кого люблю?

Я всё же повернулась, вытирая мокрые руки о передник платья. Ответила с достоинством, чтобы он думал, что всё так и надо:

— Светлый князь, вот уж не ждала. С чем пришёл?

— Рана ноет, — сказал он, потирая левую сторону груди. — Может, есть какое снадобье?

Он стоял передо мной, такой статный, такой высокий и широкоплечий, такой. красивый! что аж глазам стало больно. Кафтан богатый, расшитый золотом и серебром, а на нём камушки сидят в завитушках. Сразу и не разобрать, какие именно камушки: драгоценные или фигня, но красные, синие и зелёные, и блестят, блестят. Шапка на нём выше, чем у Бера-медведя, и опушка не иначе соболиная. Сапожки новые, красные, мягкие и удобные. Статус в глаза бросается — не просто какой-то там мужик, а князь! Светлый князь!

А ведь это я спасла ему жизнь, причём дважды. Я, рыжая травница из чужого мира. И князь до сих пор не знает об этом.

И не узнает.

— Что ж сам пришёл, что дружину не прислал? — съязвила, понимая, что балансирую на тонкой грани. Не в том я положении, чтобы язвить. Но князь не оскорбился. Он мотнул головой куда-то в сторону, пряча глаза, и ответил:

— Разговор у меня к тебе есть. Не в тереме вести такие беседы, вот и решил зайти в гости. Примешь ли?

— Приму, — вздохнула, чувствуя, как бьётся сердце — через раз. Экстрасистолия. Гипертензия. Любовь.

Отжав постиранную онучу, я замочила в мыльной воде платье и вышла наружу. Резвый стоял возле избушки, разгребая копытом снежок, чтобы добраться до прошлогодней травы. Буран лежал на ступеньках крыльца. Увидев меня с князем, оба животных нестройно поздоровались. Я хотела было ответить им, но удержалась, и только улыбнулась каждому персонально. Незачем Ратмиру знать, что я общаюсь с его лошадью и собакой.

— Заходи, — открыв дверь, чуть заедавшую с приходом дождливой осени, я пригласила князя внутрь избушки. Он наклонил

голову, чтобы не удариться о балку, и вошёл, заполнив собой всё свободное пространство. Я поворошила дрова в печи и подкинула жадному пламени ещё одно полешко, чтобы не затухло. Потом повернулась к Ратмиру и сказала:

— Снимай рубаху, если хочешь, чтобы я тебя осмотрела.

Он заколебался, но сбросил кафтан на топчан, развязал пояс — широкий, кожаный, в два обхвата, снял через голову вышитую рубаху. Я закрыла глаза. Как развидеть снова это тело — мускулистое, поджарое, но сильное и гладкое? Как относиться к нему просто как к пациенту, когда хочется коснуться, огладить, прижаться щекой к широкой груди?

Сейчас бы глоточек яблочного самогона... Да князь не поймёт, если я приложусь к кувшину. Поэтому, вздохнув, я шагнула к Ратмиру. Пальцы затрепетали у груди, там, где у всех людей сердце. Шрам выглядел красиво — почти заживший, но ещё красноватый круглый рубец. Коснувшись кожи, я выдохнула, сосредоточилась на внутреннем состоянии. Всё тело моё словно стало ватным — так хотелось прижаться к этой голой груди, согреться ею, ощутить то электричество, которое всегда было между нами. Зелень вспыхнула под кожей, мой волшебный рентген. Всё в порядке. Совершенно всё. Аноет. Ну, наверное, на непогоду. Тут я ничем помочь не могу.

Тёплые тяжёлые руки обняли мои плечи, чуть подтолкнули, и я оказалась рядом с Ратмиром. Так близко. И его тихий голос зажёг пожар в животе:

— Ты мне снилась, травница. Сегодня и вчера, и раньше.

Не в силах сопротивляться очевидному влечению, я подняла лицо, поймала взгляд синих глаз, в которых светились серые тоненькие прожилки, спросила серьёзно:

— И чем мы занимались в твоих снах?

— Я был болен, а ты лечила меня. А потом.

Ратмир крепче обнял меня, скользнул руками по спине, ухватился за ягодицы и вдруг рывком поднял в воздух. Я оказалась прижата к бревенчатой стене большим телом и задохнулась от возбуждения. Что делает этот мужчина со мной, что мне сносит крышу мгновенно, стоит ему только коснуться или даже посмотреть своим особенным взглядом!

Платье мешало, и я задрала подол к бёдрам. Обжигающе горячие пальцы раздвинули мои ноги, и я услышала недовольный вопрос:

— Что это?

Что-что. Моё бельё! Убейте меня, но без трусов я ходить не собиралась! А у ведьмы не было таких вещей в гардеробе! Потёрлась носом о щёку Ратмира и ответила со смешком:

Что, мешает?

— Пошто носишь мужское? Или ты не баба?

— Баба! — фыркнула. — Сам ты баба! Я женщина!

— Пошто?

— Чтоб тепло было!

— ЧуднАя ты, травница...

Он отодвинул полоску ластовицы, и пальцы скользнули по лону, осторожно, словно разведчики на поляну. Проникли внутрь, вызвав у меня возбуждённый вздох, и я не выдержала — потянулась к лицу Ратмира, поцеловала его губы, покусывая то одну, то вторую, лизнула языком и получила ответ. Князь впился в мои губы ртом — так жарко и жадно, что дух захватило, а низ живота затопило горячей волной вожделения.

— Ты совсем не похожа на тех женщин, которых я имел раньше. — выдохнул Ратмир, проталкивая пальцы глубже. Я застонала от наслаждения и удовольствия. Я лучше всех твоих женщин, князь! Лучше!

— Ты не боишься любви.

В последнее время, князь, я ничего не боюсь! А уж любви и вообще грешно бояться! Я же не девственница дикая, чтобы бояться секса и оргазма! М-м-м, да-а, вот так. Ещё! Двинула бёдрами навстречу его пальцам, чтобы не потерять подаренное ощущение наполненности. Всё внутри сладко сжималось в предвкушении. Когда уже место пальцев займёт его твёрдый член? Или князь справился о значении слова «прелюдия»?

Он всё ещё держал меня на весу, прижатой к холодной стенке, но я не чувствовала холода. Жар заливал меня, а сердце выстукивало телеграмму: «Хо-чу, лю-блю, хо-чу, лю-блю!»

Ратмир словно услышал его, и в следующую секунду моё лоно заныло от пустоты. Он завозился, не отпуская меня, не выпуская мои

губы из плена своего рта, а потом вошёл в меня — быстро и резко, как в прошлый раз. Застонал протяжно, зарычал, как дикий зверь.

Я откинула голову к стене, распласталась по ней, будто птица, будто Кейт Уинслет на носу Титаника. Ратмир двигался во мне так сладко — до боли, до сумасшествия, до обморока. Никогда в жизни я ещё не испытывала такого ни с одним из своих парней. И вдруг промелькнула мысль — что если князь больше никогда не придёт ко мне после сегодняшнего дня? Тьфу, дурочка! Наслаждайся! Отрывайся, Дианка, пока есть возможность!

Я отрывалась.

И у стены. И на топчане. И в бане, куда позвала Ратмира из самых «чистых» побуждений. Думала — обмоюсь после секса, вода ещё тёплая. Но он воспринял мои слова с куда большим воодушевлением, чем стоило. Потачил, как мы были — раздетыми

— наружу, но я воспротивилась:

— погоди, плащ возьму, накроюсь!

— Там никого нет, — рассмеялся князь, но я упрямо схватила плащ со стола, куда бросила его:

— Не хочу разгуливать голышом перед твоими лошадьё и собакой.

— Это просто животное...

— Всё равно!

Ратмир снисходительно усмехнулся, но подождал, пока я прикрою наготу, и снова потянул меня за руку. Уже там, закрыв за нами дверь, зачерпнула плоской чуть тёплую воду из ведра, предложила князю, но он взялся за дрова, насовал их под камни очага:

— Сейчас растопим и попаримся, рудая моя ведьма!

— Я не умею, — призналась растеряннo. До сих пор я только воду грела, чтобы быстро помыться и волосы помыть. А как баню топить — никогда не знала.

— Экая ты неумеха, — рассмеялся Ратмир легко. Сегодня он был в хорошем настроении, судя по всему. Он ловко оживил огонь, поставил лохань с водой на камни, подождал немного, а потом плотно закрыл дверь. Жар набирал силу, и я поняла, почему баня была закопчённой. Дым и пар совсем скрыли от меня князя. А по плеску горячей воды я поняла, что кто-то собрался хлестать меня веником.

Это оказалось здорово!

Во-первых, весело. Я и повизжала, и постонала от удовольствия, и поорала на князя, когда он парил слишком сильно. Во-вторых, я смогла отыграться. Впрочем, ни сил, ни умения у меня не хватало, но Ратмир не жаловался. Охал только иногда. А в-третьих, я наконец-то почувствовала себя чистой. Божечки, представить себе не могла, что когда-нибудь смогу ощутить своё тело таким чистым! То ли дело в бане, то ли в дыме с паром, но оно аж скрипело!

Я была благодарна князю за то, что он не окунул меня в снег. А вот сам окунулся — с ахами и рыками, весь извалялся в снежке, а потом побежал в дом. И я за ним, не забыв свой плащ. Буран проводил меня странным взглядом, но было не до него. Морозец крепчал, и я уткнулась в грудь Ратмиру, чтобы согреться. Он смотрел с улыбкой, а потом целовал, ласкал по-своему, чуть грубовато, собственнически, но так сладко и так ладно, словно делал это всю жизнь.

Вся расслабленная и абсолютно удовлетворённая, я накормила его молоком и хлебом, которые приносили из его терема, и князь уснул на моём топчане. Я прилегла рядом с ним, прижавшись всем телом к его большому и сильному телу, погладила по лбу — неслышно и невесомо. Хороший мой. Славный. Спи, отдыхай. Мне так с тобой хорошо, что готова лежать вот так и сторожить твой сон.

А под пальцами зажёгся волшебный рентген. Почему? Зачем? Да и всё в порядке, в голове Ратмира нет никаких красных точек. Только что-то чёрное. Что это?

Я приподнялась тихонько, чтобы не разбудить его, вгляделась в «богатый внутренний мир», в светящиеся зелёным полушария мозга, и широко раскрыла глаза. Не то змея, не то червяк! Но там что-то было! Что-то тёмное, угрожающее, живое.

Паразитология — отличная наука. Но такая мерзкая... Я аккуратно провела пальцами по волосам Ратмира, пытаюсь догнать и разглядеть получше странного червя. Но он скрылся в глубине головы, прячась, как вор.

Никогда не слышала про змею в мозгу. Вот черви — ленточные — могут заселить весь организм. В кишках живут — да. В лёгких, в глазах — да! В желудке. В печени. Некоторые даже в мозг попадают, но ленточные черви маленькие. Не такие толстые и не такие длинные! А этот вообще какой-то странный. Похож на ящерицу с недоразвитыми лапками.

А что, если это какой-то неизвестный ещё науке паразит? Что, если тут целая эпидемия в городе? Что, если Дара не преувеличивала, когда говорила о червях, жрущих организм изнутри? Ой мама. Надо проверить! Надо найти лекарство.

Не в силах просто так лежать и ничего не делать, я осторожно встала и всмотрелась в ряды своих уже знакомых глиняных и стеклянных баночек с травами. Шёпотом спросила у них:

— Чем изгнать паразита?

То одна, то вторая склянка зажглись светлым или тёмным зелёным. В мозгу пронеслись мысли про кишечную инфекцию, которая дрисня, про больную печень, про больные лёгкие. Но это всё было слишком смутно и неясно. Я коснулась головы спящего князя и спросила ещё раз:

— Чем изгнать паразита из его мозга?

Склянки потухли. Ни одна зараза не вякнула, все молчали. Что же это значит? Нет лекарства? Или, может быть, у ведьмы его не было? Что тогда делать? Где его искать? Бегать по лесу и у каждой травинки спрашивать?

Так, Диана, успокойся. Главное — это сохранять спокойствие. Вот проснётся князь, спрошу у него — мучат ли головные боли и всё такое. Анамнез соберу. А там буду действовать по обстоятельствам.

Я снова улеглась рядом с Ратмиром, нежась в тепле его тела и жмурясь, как кошка, которую чешут за ухом. Правда, никто меня не чесал и не гладил, но ощущение было именно таким. Я люблю этого странного мужчину, который то рычит, то улыбается, которому я нужна только на пару раз в месяц. Любовь зла, зараза. Никогда не думала, что влюблюсь в такого. Мне хотелось парня доброго, хозяйственного, с которым не страшно ни ипотеку взять, ни ребёнка родить. А попала на вот такого. Князя.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что я никогда не думала, что попаду в Древнюю Русь.

Эту мысль я выдала уже сонной, а потом провалилась в дрему, пригревшись под одеялом из козьей шерсти и жаркой рукой Ратмира.

Меня разбудили крики снаружи. Баритон — одна штука, высокий альт — одна штука.

Они ссорились.

— Ты мне будешь указывать, где мне пастись?!

— И буду! Ты вообще кто такая? Откуда эту тушу принесло?

— Тушу-у-у?! Ты намекаешь, что я толстая?!

— Я не намекаю!

— Хам! Мерзкий хам и голожопый тонконогий... хвостатый... безгорбый... НЕВЕРБЛЮД!

Я усмехнулась. Асель явно не поделила пастбище с Резвым. Потянувшись, я разбудила Ратмира, и он открыл глаза. Смотрел несколько секунд на бревенчатый потолок, а потом подхватился:

— Это вечер уже? Что ж ты меня не разбудила, травница?!

— Ты не сказал, — я пожала плечами, натягивая на плечи рубашку. За ним последовало платье, а Ратмир спешно одевался, ища предметы своего гардероба, раскиданные по комнатке. Я прислушалась. Ссора снаружи грозила перерасти в драку. Кто-то топал копытом. Вступил Буран:

— А ну, разошлись! Ты на опушку сбегай, охолони! А ты. Стой смирно, пока мы не разобрались, кто ты такая!

— Ох, — сказала я, сунув ноги в сапожки, как была — без онучей, и выбежала на крыльцо.

Боевая верблюдница Асель ревела фальцетом:

— Пусти, пусти, я ему наваляю!

И пыталась сшибить головой по ногам боевого жеребца Резвого, который безуспешно пробовал повернуться к ней задом и вклепать задними копытами по лбу. Ринувшись с бесстрашием полной дуры между двумя животными, я заорала:

— Уймись, сумасшедшие! Что ещё выдумали — драться!

Асель взвизгнула, и я едва увернулась от мозолистой подошвы верблюдницы, шлёпнула ту по шее:

— Успокойся!

Асель бросила на меня виноватый взгляд и отвернула голову, медленно, гордо, задрав широкий длинный нос. Резвый заржал протестующе:

— Зачем остановила?! Я бы её успокоил!

— С девочками не дерутся, ты, рыцарь! — фыркнула я.

— Что такое рыцарь? — буркнул Резвый, опуская морду к выкопанной из-под снега траве.

Сзади лязгнул металл, и я обернулась. Ратмир стоял на крыльце, обнажив меч, и зверем смотрел то на меня, то на Асель. Я развела руки

в стороны:

Что?!

— Откуда ты пришла, травница? — процедил он сквозь зубы. — И не лги мне. Потому что я знаю, кто ездит на этих животных!

— Кто же?

— Атлантиды! — выплюнул он знакомое слово, и я переспросила растерянно:

— Кто?

— Ты прекрасно расслышала! Враги наши извечные! Те, кто меня ранил и положил моих дружинников!

— Золотые хазары.

Я глянула на подавшего голос Бурана. Он лежал на снегу, вывалив язык, и смотрел на меня умными карими глазами. Золотые хазары... Те, с которыми дрались дружинники князя. Значит, Асель отбилась от своих, потеряла всадника и попала в болото.

Мама дорогая, что деется.

— Я не оттуда, — мягко сказала Ратмиру. — Более того, там, откуда я пришла, Атлантида затонула. В смысле, очень давно затонула.

— Как? — растерянно спросил он. — Затонула?

— Да. У нас даже думают, что Атлантида — миф.

— Уж не думают ли, что и Арктида миф? — подозрительно сдвинул брови он. Теперь пришла моя очередь растеряться:

— Что за Арктида? Есть Антарктида. Есть Арктика. Арктиду не знаю.

— А где мы с тобой сейчас стоим? — с издёвкой рассмеялся Ратмир. — Или думаешь, ты в Ирее?

— Ирей. это славянский рай, — пробормотала я.

— Да, он за Бореем. Ты не знаешь вещей, которые известны малому дитю?

За Бореем. Гиперборея. Вона куда меня занесло! На тысячи лет назад во времени.

Эта информация вкупе с неизвестным науке червём в голове князя, с голосами ещё переругивающихся животных, с моим зелёным волшебным рентгеном заставила меня нервно рассмеяться. Ратмир прищурился:

— Откуда ты пришла, травница? Я вижу, что чужая, что не из наших. Молви — из Атлантиды?

А я похожа на атлантидов? — бросила сердито. — Боишься, что вас всех поубиваю?

— Не боюсь, — мотнул он головой. — Не знаю, отчего, но доверяю тебе. Иначе бы не был здесь сегодня.

— Тогда какая тебе разница, откуда я, кто, как пришла, когда...

Ратмир спустился с крыльца и подошёл вплотную:

— Ты поедешь со мной в терем. Я дам тебе светлицу на женской половине. Невесты собираются в путь, ты нужна мне, чтобы выбрать лучшую из лучших.

Глава 11. А в тереме высоком жениха невеста ждёт...

Ноябрь 21 число

Ни форма, ни суть данного предложения мне не понравились. Но от таких не отказываются. Я не отказалась. Сердце разрывалось от того, что надо сделать выбор — быть с князем, но искать ему законную жену, или не искать, но с ним не быть. Решила так: я поеду в город, поселюсь в тереме, заодно и Отраду видеть буду почаще. А с невестами что-нибудь придумаем. Я ведь всегда могу сказать, что они все больные.

В город я въехала, гордо задрав голову и сидя на Асели. Седло между двух горбов я приладила кое-как, зато, глядя на мои мучения, Ратмир сразу понял — я не из атлантидов. Асель была рада идти под седлом, даже подсказывала, куда вдеть ту или иную подпругу, а потом сама легла, чтобы я смогла забраться на неё. И ступала важно, чтобы все поняли с первого взгляда: перед ними не какая-нибудь ерунда на ерунде, а боевая верблюдница с самой княжьей травницей.

Забава-ключница, если и удивилась, увидев меня, ничего не сказала. Правда, взгляды на меня кидала странные, но я решила не обращать на них внимания. Взглядами не убивают. Забава выделила мне маленькую комнатку рядом с бывшими покоями княгини. Если бы я была суеверна — забоялась бы призраков. Но суеверной я не была, поэтому порадовалась наличию печки, которая выходила и туда, и сюда. Первым делом спросила про дрова. Забава задрала подбородок и молча удалилась.

Но через минут десять ко мне зашла Вранка с охапкой дров в руках. Зыркнула, фыркнула и сказала:

— Вот уж не чаяла тебя тут увидеть.

— Привыкай. Я невест отбирать буду для князя.

— Ха! Ты?

— Я.

— Ну уж выбери ему здоровую кобылу из знати, — хмыкнула девчонка. — А то вместо княгини пока Забава заправляет.

— А что Забава? Строгая?

— Да зверь, чистый зверь! Ты подумай, поленья считает! Ежели лишнее кинешь в печь — отчитает и меньше даст потом!

— Ничего, мне даст, — пообещала я. — Ты натопи хорошенько, а если что — ко мне отправляй.

С ключницей я церемониться не собиралась. И не церемонилась. Первым делом, в первый же день я отправилась навестить Отраду. Увидев её и Мыську с младенцем задвинутыми в какую-то конуру под лестницей, устроила такой скандал, что аж самой страшно стало. Я орала на ключницу так, что дети дуэтом закатили истерику. Под их рёв, плач Мыски и мои вопли переменявшаяся в лице Забава резво поскакала по лестнице на третий этаж, и уже через полчаса там была готова светлица с подвешенными люльками — аккурат по левую руку от моей. Ещё через полчаса накормленные дети спали, а Мыська, упав на колени, пыталась целовать мои ноги, что я, разумеется, пресекла на корню.

С тех пор она стала не только кормилицей княжны, но и моей добровольной служанкой. Я отбрыкивалась, как могла, но разве можно где-то укрыться от благодарности?

Поднявшись с кровати, я подкинула ещё одно полешко в печь. Забава будет фыркать, но хрен с ней. Я тут мёрзну... Избушка как-то теплее. Глянула в окошко. Светает. Вот и Отрадушка захныкала за стенкой. Сейчас Мыська возьмёт её, пелёнку поменяет, накормит. А я спущусь в конюшню, посмотрю, как там Асель — не ругается ли с Резвым снова. Вот уже два дня сижу тут и баклуши бью. А невест всё нет.

Прикрыв заслонку печи, я потянулась, переступив по доскам пола босыми ногами, и вернулась в кровать. Одеяло из козьей шерсти осталось в избежке, а это, лоскутное, набитое непонятно чем, не грело, как мне хотелось бы. Становлюсь мерзлячкой. И князь к себе не зовёт, не греет.

Эх.

Пока я дремала, видя во сне родной универ и пару по гистологии, солнце взошло, а в тереме началась движуха. Меня разбудили девичьи голоса, стуки, быстрые шаги туда-сюда. Так-так! Вот это уже интересно! Что-то произошло или ещё только намечается! Сопоставив факты, я решила, что прибыла невеста. Или невесты. А это значит.

А что это значит?

Значит, надо вставать, быстренько приводить себя в порядок и вливаться в гущу событий! Потому что ещё одного дня в густой тягучей рутине женской половины княжьего терема я просто не вынесу!

Натянув платье, замотав ноги в онучи и сунув в сапожки, я прибрала волосы под платок фасона «Рабочая и колхозница» и вышла в коридор. Увернулась от служанки, которая вихрем неслась куда-то с охапкой подушек, глянула направо, налево. Шум доносился из горницы, где Забава своим противным голосом распекала девок:

— Как перину вытряхнули, морьи дети! Не чухонка ить едет, принцесса! Подушек, подушек больше! Гузки! Что о нас подумают в Обийске?

Обийская принцесса, с ума сойти! А Обийск это где? Там, где Обь? В общем, всё чудесно, но ничего не понятно.

Что происходит, Забава? — спросила я, шагнув в светлицу.

— А ты смекни сама, — рявкнула ключница. — Первая из невест приезжает, а у нас кутерьма и неразбериха!

— Прямо уж, ни за что не поверю, чтобы у тебя — и неразбериха, — ответила я сладенько. Забава замерла и недоверчиво глянула на меня. Сказала солидно:

— И то правда. У меня в тереме порядок. А вы, — обратилась к служанкам, — подите, потрясите перину-то ещё чуток! Не дело, чтоб обийку крошки да блошки беспокоили!

— Забавушка, — ещё слаще протянула я. — Мне бы с князем увидеться.

— Пошто? — насторожилась та.

— Раз прошу, значит, надо.

Ключница смерила меня подозрительным взглядом, потом кивнула на дверь. Я пошла за ней без возражений. В коридоре Забава взяла меня под локоть, приблизив лицо, и зашептала:

— Дело есть у меня к тебе, травница. Поможешь мне — покажу, как к Ратмиру ходить, чтоб никто не знал и не видал.

— Говори, что за дело, — шёпотом ответила я ей. — Смогу — помогу.

— Ребёночка хочу, — сказала она совсем неслышно. Оглянулась, стрельнула глазами, снова зашептала: — Чего только не пробовала!

Травы пила, Мокоши дары дарила, ой... Сказать соромно — в болоте на Купалью ночь илом тёрлась, что умалишённая! А ребёночка всё нет.

С трудом отогнав от внутреннего взора картинку моющейся болотной ряской полногрудой голой Забавы, я кивнула:

— Найди нам местечко, куда никто не придёт. Осмотреть тебя надо.

Ключница мелко закивала и потянула меня куда-то вглубь длинного извилистого коридора. Втащила в крохотную каморку, где стояли рядом по стенам сундуки, и дверь за собой затворила. Ключом заперла и повернулась ко мне:

— Смотри, что надо, травница!

— Платье снимай и рубашку, — велела я. Села на сундук, наблюдая, как Забава неловко развязывает платок, развязывает пояс. Тело у неё не толстое, но пышное. Не жир, а мяско. Ест небось хорошо, не голодает, диетами себя не изнуряет. Оно и верно, что в эти времена дородность была признаком здоровья. С этой стороны всё должно быть в порядке. Разве что по-женски болеет. Может, непроходимость труб, может, воспаление, а после него спайки. Может, шейка матки. Может. Да всё может быть! Да и муж её тоже может быть больным.

Рубашка упала к ногам Забавы, и она стыдливо прикрылась ладошкой. Я махнула на неё:

— Чего я там не видала! Ты, главное, не бойся. Я тебе сейчас потрогаю живот.

— Делай, что надо, — сказала тихо ключница и глаза закрыла. А я, наоборот, коснулась пальцами её кожи на пухленьком животе и вгляделась в зелёные контуры женских органов. Провела по трубам, очертила полукруг матки. Ладонью прижала яичник с одной стороны, потом с другой. Засветились созревающие яйцеклетки. Всё в порядке. Всё в полном порядке...

А нет, стоп!

Вот эти утолщения контуров — что это? По всей длине фаллопиевых труб на стенках — маленькие бусинки. Кисты? Или, не дай бог, злокачественное! Нет, не может быть — иначе светилось бы красным. Просто кисты, поэтому и зелёные. А что проходимости нет, так это не болезнь для моего рентгена.

— Ты лечишь уже? — напряжённо пробормотала Забава, и я ответила нервно:

— Пока нет, но уже вижу, в чём проблема.

— Но ты же мне поможешь, травница?

— Попробую.

Я попробовала. Прицелилась и затёрла бусину кисты. Потом вторую, третью, пятую. Прошлась по контуру длинной загнутой трубы, восстанавливая её красивую линию. Вроде бы управилась. Замучилась только — уж больно много было кист! После ещё раз внимательно осмотрела всё для уверенности.

— Теперь здорова ты, Забава.

Я отошла и снова села на сундук, пока ключница одевалась. Одевалась она неспешно и тщательно. Как только подвязала платок, сказала:

— Что ж, погляжу, как ты меня вылечила.

— Но к князю-то проведёшь? — спросила я, совсем не удивлённая, что женщина мне не поверила. Такая она, Забава. Подозрительная. Умная. Не то, что эти сороки служанки.

— Коли обещала, значит, сделаю.

Прицепив на пояс связку ключей, она кивнула на дверь:

— Пошли, только про этот ход — никому! Токмо я да Ратмир знаем, а кроме нас мёртвые все уже, кто знал.

Веский довод. Хотя — ну как не знать о чём-то, что находится в доме, если тут сотня слуг и жильцов?! Знают, конечно, но вида не подают. А виноватой Забава сделает меня, если что.

Ключница провела меня прямиком в покои княгини, что на третьем этаже. Вошла в светлицу, машинально поправила занавесь в цветочек, что отделяла постель от остальной части комнаты, обернулась и строго глянула на меня:

— Смекнула ль? Ни словечка, ни единой живой твари!

— Да поняла я, молчу, молчу, — ответила нетерпеливо. Забава кивнула и подошла к наружной стене. Между досками, которые облицовывали комнату изнутри, торчала необожжённая лучина. Забава потянула за неё и открыла совсем невидную ранее нишу в стене. А там оказался рычаг. Деревянный, как и всё в тереме. Нажали на него, и отскочила дверка — вместе с окном! Вот затейники эти древнерусские зодчие! Забава обернулась, сказала:

— Иди по ходу. С той стороны в окошко стукнешь, токмо гляди, чтоб князюшка сам был.

Сам так сам, погляжу. Выскользнула на галерею, пристроенную к этажу, невольно глянула через узкую прорезь, вертикальную, как бойница. Высоко-то как! И как эту галерею не видно снаружи — ума не приложу! Видимо, скрыта украшениями и резными идолами. Топнула ногой, проверяя на прочность перекрытие. Солидное. Строили на века. Двинулась по узкому, на одного человека, проходу через холодный воздух поздней осени, огибая третий этаж терема. Несколько ступенек-балок, ага, галерея спускается под окна, чтобы не видно было, кому видеть не положено. Где-то здесь и моя светлица... А тут, наверное, детская. Дальше девичья, ткальня, вышивальня.

Я остановилась. За бойницей показался край усов. Этого усача я помню. Он украшает мужскую половину. Значит, близко уже. И правда, ещё через несколько метров я поднялась по трём ступенькам на уровень этажа, осторожно заглянула в окошко. Светлый князь сидел за столом и что-то чертил пушистым гусиным пером по куску белой ткани. Один был. Сам.

Стукнула легонько.

Ратмир поднял голову, и лицо его просветлело. Встал и подошёл к окну, потянул за рычаг, впуская меня. А я со смешком отряхнула платье от прошлогодней паутины:

— Хорошо же ты устроился, светлый князь! Три шага — и у княгини в покоях!

— Травница.

Он втащил меня в светлицу, закрывая потайную дверку, и обнял — рывком, крепко, жадно. А я увернулась от его губ и спросила серьёзно:

— Почему ты меня по имени не зовёшь?

— Не твоё оно, — выдохнул Ратмир мне в волосы. — Рудая моя, любая. Чужое имя, а своего не нашла ещё.

Руда я, Руда. Но сказать не могу, цыганка велела только самому близкому человеку открыться. А кто знает, близок ли мне Ратмир, хоть и люблю его. Поэтому, снова увернувшись от жарких губ князя, я переменила тему:

— А что делаешь?

— Думаю, травница. Откуда жену брать выгоднее.

Он ткнул пальцем в ткань на столе, и я, приглядевшись, поняла — карта.

Карта!

— Выгоднее, — пробормотала, приближаясь к столу. — Жену надо по любви выбирать.

— Много ты понимаешь! — усмехнулся он, всё ещё обнимая меня за плечи. Склонился над картой: — Смотри, травница. Вот моё княжество.

Карта была большой и достаточно подробной. Нарисованные леса и реки, а между ними

— кругляши городов и городков, и городишек. Я проследила, как Ратмир очертил большой овал посередине куска ткани. Значит, болота и часть реки, а ещё кусок гор и большой участок плоской земли.

— А это наш город? — спросила, ткнув в самый крупный рисунок частокола с теремами.

— Да, это Златоград.

— Большое княжество, — протянула я, ища знакомые места — свою полянку, изгиб реки, кикиморово болото.

— Не маленькое, — согласился Ратмир. — И соседи у нас очень сильные.

Он показал на город не меньше нашего, который находился в правом верхнем углу карты:

— Обийск. Восемь сотен воинов. Десяток деревень. Выход к морю.

— А у нас нет выхода к морю? — прищурилась я.

— Нет. Только часть реки Нарышки.

— Ага, — пробормотала, — а тут что?

На карте был ветер. Длинные волнистые линии, будто барашки прибоя, но не море, это точно. Ветер.

— Борей. Там, на севере, Ирей, страна богов.

Ладно, богов не бывает, а на севере, наверное, просто неизведанная земля. Я провела ладонью по ткани от ветра до цепочки высоких гор и спросила:

— А на юге?

— Варнава. Вот смотри — Варнавские ключи, оттуда тоже невеста едет.

— Чем же они хороши?

— По их княжеству пролегает Большой торговый путь. И нам это очень выгодно, чтобы продавать лес и пшено. Здесь, на востоке, Пехая Чора и выход к полесским племенам, а ещё у Новогородовичей сильная дружина — почти две тысячи воинов!

Он отошёл от меня и от карты, запустив руки в волосы. Я жадно разглядывала очертания рек и гор, пытаюсь наложить из в уме на современную мне географическую карту России. Накладывалось не очень успешно, но вот эта река должна быть Обью. А значит, я где-то в районе Воркуты. Но Воркута это центр Сибири, это снега и короткое лето! А тут в ноябре маленький снежок выпал... Хотя мы про Атлантиду говорили, а она ещё не затонула. Я в глубоком прошлом, где верят в живых богов и в атлантидов, которые приходят, чтобы захватить север, через порталы...

Ладно, оставим бесплодные попытки связать два времени. Наверняка спустя столько тысячелетий русла рек поменялись, береговая линия тоже, а следы нынешних городков и городищ слишком глубоко под культурным слоем. Я к князю пришла, чтобы быть в гуще событий, а не торчать в своей светлице, глядя, как Мыська кормит и пеленает княжну, а потом плетёт из толстых гибких прутьев ловкие корзинки.

— Гляди-ка, — фыркнул Ратмир. — Прибыли.

— Кто? Где? — встрепенулась и я, подходя к окошку. Выглянула сквозь мутное стекло, обалдела. Во дворе терема — немаленьком, между прочим — сутились люди. В тулупах и мохнатых шапках, а бабы — обмотанные разноцветными платками. Лошади, сани, лошади, телеги. Суета сует. Я прислонилась боком к Ратмиру и вздохнула:

— Вот тебе обязательно нужна эта морока с невестами.

— Самому не любо, али должно!

Он отвалился от окна и обнял меня, как только он умел — жадно и жарко, поцеловал долго в губы. Я сразу и забыла, кто приехал, откуда, зачем. Может, он ещё откажется от затеи с женой?

Руки Ратмира скользнули в мои волосы, зачёсывая их назад, обнажая уши, шею. К ней он и припал губами, как к живительной воде после долгого путешествия. Шепнул:

— А покамест ты со мной, рудая моя, иди ко мне и утешь мою плоть.

Плоть ему утешить, поганцу! Щас я ему утешу эту его плоть, щас как укушу эту его плоть.

Но возмездие пришлось отложить на неопределённое время. Только-только мы слились телами в долюбовной муке прелюдий, как дверь отворилась, и в светлицу князя без стука вошёл молодой мужчина с голубыми глазами и светлой копной густых волос. Одет он был дорого-богато, как и мой Ратмир, и лицом был похож на него. Из всего этого я заключила, что имею удовольствие лицезреть братишку светлого князя.

Хорош, хорош. Но мой лучше. Зато теперь понятно, почему Дарина дочка запала на княжьего брата!

— Ратко, айда на невест глазеть!

И голос у него приятный. Но почему врывается вот так? Я натянула платье на обнажённую грудь и вжалась в соболя покрывала. А Ратмир протянул недовольно:

— Скройся, Добрыня, аль не видишь, что тут?

— Ах ты охальник! — весело ответил брат. — На дворе невестьи обозы, а ты тут служанку приходишь?

Он заглянул Ратмиру через плечо и удивлённо свистнул:

— Ан нет, не служанку! Аль новенькая? Ух и хорошенькая!

Он протянул руку, чтобы отдернуть верх моего платья, но я резко отодвинулась, прячась глубже за спину Ратмира. Тот проворчал:

— Не трожь! Моя!

— Ишь какой! — буркнул Добрыня, но руку убрал. Я выдохнула с облегчением. На какой-то короткий миг показалось ведь, что уступит брату и отдаст. Мало ли, червяк в голове не в ту извилину заползёт...

— Ты видел невест? — спросил Ратмир озабоченно и получил ответ:

— Куда там! Закутали мамки в платки и провели в терем. Ни глазочком не удалось глянуть! Посему и баю: айда глянем в секретную горницу!

Я тихонечко фыркнула. Во все времена все парни одинаковы! Только бы за девками в дырочку подсмотреть!

— Сгинь, сказано! — повысил голос Ратмир. — Сам пойду, без тебя!

— Эх ты, — бросил Добрыня, явно расстроенный. А мой светлый князь принялся выбирать из соболей, оставив меня барахтаться,

чтобы прикрыться. Добрыня схватил Ратмира за руку и, глянув на меня, утащил в дальний угол комнаты. Думал, я не услышу оттуда. А я услышала.

— Отдай мне её!

— Умом тронулся, мальчишка!

— Отдай, прошу! У тебя жена скоро появится, на что тебе эта девка?

Ратмир коротким ударом по уху отправил брата к косяку двери, бросил вслед:

— Моя она! Рот не разевай на моё.

Младший с обидой зыркнул на старшего и вывалился из светлицы. А я села на кровати, поджав ноги, спросила совсем не то, что хотела:

— И куда же ты пойдёшь смотреть на невест?

Он обернулся на меня, прищурился:

— А и ты пойдёшь со мной. Глянешь одним глазком, может, сразу и отсеешь гниль.

Глава 12. Неизвестная болезнь

Ноябрь 21 число

В разделённых на женскую и мужскую половины домах были, есть и будут негласные правила жизни. Женщинам у мужчин делать нечего, нельзя им туда, но некоторым можно. Мужчинам к женщинам вход заказан, кроме стариков, мальчишек и одного-единственного, того, кому можно вообще всё. Но, поскольку у сильной половины человечества бытует мнение, что за нами, за половиной слабой и красивой, нужен глаз да глаз, существует масса способов проникнуть туда, куда обычно не проникают.

Ратмир открыл маленькую, в полроста, дверцу в стене и кивком пригласил меня войти. Я оказалась во внутренней галерее без окон, где было темно, но на удивление сухо и чисто. Князь прихватил с собой зажжённую свечу и уверенно двинулся по узкому и низкому коридору. Пришлось последовать за ним, хотя эта идея мне совсем не нравилась. Не люблю тесные пространства!

Через несколько метров мы повернули налево, а потом направо, и Ратмир остановился. Поманил меня к себе:

— Здесь светлица, отведённая одной из невест. Глянь да скажи мне.

Что я ему скажу, интересно мне знать? Я приблизилась к стене, в которой была круглая дырочка на уровне глаз, Ратмир вынул затычку, и я заглянула в комнату.

Светлица была просторной, стены украшены светло-красной тканью, мебель простая, но добротная: кровать, сундуки, стол с лавками. Полным-полно служанок. Суется, сундуки таскают, открывают, шмотьё перебирают, постель перестилают. А невеста — вон она, сидит на лавке со скучающим видом и смотрит на баб. Красивая, слов нет. Молоденькая, явно младше меня. Личико нежное, чистое, глаза серые, волосы светлые — того нежнозолотистого цвета, которого с трудом добиваются парикмахеры. Коса... Коса даже не до пояса, а до колен! Ровная, плотная, тугая. В ней ленточка заплетена, красная, как и роскошный пышный сарафан девицы, как и круглый

кокошник, украшенный жемчугом, тесьмой, камнями. Богатая невеста, судя по всему. Только.

Рыба.

Красивая золотая рыбка без какого-либо проблеска мысли в глазах. Пухленькая девочка, чинно ждущая у моря погоды, с единственной амбицией — стать княгиней и рожать наследников. Она будет отличной женой, никогда не ослушается, не вспылит, всегда будет боготворить мужа, каким бы он ни был, и не оставит ни малейшего следа в жизни княжества, кроме, разве что, детей.

— Что скажешь, травница?

— Я Диана, — фыркнула, обернувшись. — Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?

— Больна ль, здорова?

— Откуда мне знать? Я по лицу не гадаю!

— Да на что ты вообще годишься?! — вспыхнул он в один миг и толкнул меня от дырки в стене. Сам припал к ней глазом, а я с обидой бросила:

— Да пошёл ты!

— Куда? — удивился Ратмир.

— Нахуй!

На что?

Покачив головой, поправилась:

— На уд!

— ЧТО?!

Он повернулся ко мне, раздувая ноздри, гневно глянул в глаза. А я замерла — в них проскользнула тень чего-то чужеродного. Змее-червь! Он движется! Ратмир протянул руку, чтобы схватить меня за горло, но мне удалось увернуться и коснуться ладонями его головы. Я намеревалась убить симбионта, потому что это он виноват в переменах настроения моего князя. Посылая мысленные проклятья змее-червю, держала голову Ратмира и уголком мозга удивлялась, что он не вырывается. И симбионт свернулся в клубок где-то в центре мозга — я видела его так же ясно, как и сучки на досках стены. Он дёрнулся, словно от боли, а закричал за него князь.

Закричал так страшно, словно я его резала!

От неожиданности и испуга выпустила его голову, отёрнула руки. Ратмир схватился за виски, подвывая, упал на пол к стене. А я

почувствовала, как змее-червь набирает прежнюю силу... Вот чёрт! Его даже убить нельзя?

— Это паразит, — вдруг прошептала я, поражённая догадкой. — Хищник. Он не позволит себя уничтожить без вреда хозяину...

— Голова. Моя голова! — простонал Ратмир, и я бросилась к нему, путаясь в платье, обняла его голову, прижала к груди. Господи, да ведь я чуть своими руками не убила любимого!

— Что с тобой? Что?

— Голова. разрывается. больно!

Хорошо, хорошо, я сдаюсь! Сдаюсь! Обхватила ладонями его виски, зашептала горячо паразиту:

— Я не трону тебя, не буду убивать, только не причиняй боль! Слышишь меня, тварь ты поганая?

Весь мозг Ратмира пульсировал красными всполохами, но после моих слов затух, поблёл и медленно, очень медленно поменял цвет на серо-зелёный. Фух! Спасибо, господи, или кто там за нами наблюдает сверху!

Опустив ладони, потормошила Ратмира:

— Ну, ты как? Легче стало?

— Что было-то? — спросил он, растерянно глянув на меня. — Травница? Опять ты! А что мы тут делаем?

— Ёж твою медь, — только и сказала я.

Амнезия. Или шиза. Получается, что червяк берёт контроль временами, и тогда Ратмир не Ратмир, а монстр... Да, всё сходится. Но откуда в голове князя появилась эта тварь? И как её оттуда вытащить, не навредив хозяину?

И одна ли эта тварь? Или все тут заражены?

Я глубоко вдохнула, потом выдохнула и сказала Ратмиру:

— Пойдём-ка в твою светлицу. Обопрись на меня, я тебе помогу.

— Мне не по себе, травница, — сказал он, поднимаясь. — Словно я не живу, а сплю временами.

— Ничего, это пройдёт. Я с тобой, я найду способ.

— Способ?

— Найду зелье, — поправилась, увлекая его обратно по узкому ходу. — Тебя надо вылечить. И я тебя вылечу.

Я тебя снова вылечу, мой князь, обещаю.

С трудом мне удалось дотащить князя до его светлицы и до кровати. Он упал на соболье покрывало совершенно без сил, скорчился на нём в позе эмбриона, закрывая руками голову, и я услышала тихое:

— Позови ключницу.

— Сейчас, сейчас.

Метнувшись в коридор, закричала:

— Ключницу князю! Эй! Есть кто-нибудь?

Откуда-то появился вихрастый паренёк лет семи, уставился на меня, как баран на новые ворота, и пришлось рывкнуть на него:

— Ключницу знаешь?

Он кивнул.

— Так беги зови прямо сейчас!

Он ещё с секунду соображал, потом подорвался с места вглубь коридора. Я вернулась к Ратмиру, который всё так же лежал, иногда вздрагивая всем телом. Что он чувствует? Мешает ему этот червь или сидит тихонечко, пока не возьмёт контроль? Я присела рядом и положила руку ему на голову. Одно движение — и снова передо мной весь внутренний мир под черепом. Где тварь?

Она лежала, свернувшись в клубок, между таламусом и мозжечком. Замерла, сука, в ожидании. И я замерла — в беспомощной злости. Что может моя магия против этого монстрика, ползающего по мозгу? И вообще, как он там передвигается? Галереи роет? Это

же полное и бесповоротное разрушение мозговой структуры... Надо напрячься и найти способ вытравить тварь оттуда.

— Травница.

Слабый голос Ратмира заставил наклониться к нему:

— Я здесь, здесь.

— Не уходи.

— Куда ж я уйду, — пробормотала. — Не уйду я никуда.

— Недолго мне осталось.

— Молчи, не говори глупостей!

— Девку мою с собой заberi. Не оставляй тут, уморят её.

Какую ещё девку? О ком это он говорит? Я наморщила лоб и вдруг поняла: о дочери беспокоится! Вот ведь. А казалось, забыл, что у него есть ребёнок.

— Пообещай, — настойчиво сказал Ратмир, и я кивнула:

— Обещаю, не оставлю Отраду.

Он слегка обмяк. Расслабился. И тут дверь с треском распахнулась, ударившись о косяк, в светлицу вбежала Забава, бросилась к княжьей постели:

— Ратмир, Ратмирушка! Что с тобой?

— Худо мне, — ответил он, не открывая глаз. Ключница прижала его голову к полной груди, забаюкала, принялась гладить волосы мелко и быстро:

— Обойдётся всё, уладится, вот увидишь, князюшка, обойдётся.

— Сколько невест уж прибыло?

— Две по светлицам сидят, третья вона сошла с саней, — ответила Забава. — Не тревожься, я уж всех устрою так, чтоб не нарекались!

— Три, значит. Из трёх можно выбирать. Пушай травница всех оглядит, что быстрее! Наследник мне нужен, свадьбу сыграем поскорее. Не хочу княжество Добрыньке оставлять! Глуп он да блуден.

— Молод Добрынюшка, ещё подрастёт, остоумится!

— Не оставлю, сказал, а посему свадьбу сыграю тотчас! Ты уж проследи за подготовкой!

— Прослежу, Ратмирушка, прослежу за всем. Такую свадьбу устроим — всем нос утрём и глаза замажем! Не хуже, что со Сладой была!

— Да, да, — ответил он, успокаиваясь. — Травница! Ты здесь?

— Здесь я, — подала голос, придвинулась ближе. Ревность к Забаве всколыхнулась в сердце. К ней тянется князь, мой князь! А почему не ко мне? Почему?

— Иди с ключницей, иди глянь невест. Наследник мне нужен...

— Иду, — пробурчала. Наследник ему нужен! Невесту ему подбери! Дурак. Не просто дурак, а больной на голову дурак. Причём, в прямом смысле.

Забава подняла взгляд, с тревогой посмотрела на меня. Я вздохнула. Сейчас причитать начнёт: что с князюшкой, вылечи его! А что ей ответить? Пока у меня ответов на её вопросы нет.

— Забава, води травницу, — велел Ратмир. — А мне пришли Славка, чтоб посидел рядом.

— Мож, попозже? — спросила ключница жалобным голосом. Я видела, что она не хочет уходить, поэтому настойчиво потянула под локоть из светлицы:

— Сказано было — сейчас! Пошли.

Меня посетила светлая мысль. Под видом профосмотра надо проверить, не засел ли у кого в мозгу ещё один червь. А начну, пожалуй, с Забавы.

В коридоре я придержала ключницу за руку и сказала внушительно:

— Замри.

— Чо? — удивилась она, замерев. Я положила ладонь ей на лоб и сосредоточилась. Забава скосила глаза, со страхом уставившись на мою руку, прошептала: — Чо творишь-то?

— Исследую, — пробормотала. — Не мешай.

Обшарив волшебным рентгеном каждый сантиметр её мозга, вздохнула с облегчением: червяка нет. Слава богу. Осталось осмотреть ещё каких-то человек сто, и всё.

— Пошли, — буркнула, убрав руку. — Невесту будем выбирать.

— Так Ратмир сам выберет, — осторожно заметила Забава. — Ему ж жить.

— Нихрена он не выберет. А знаешь почему? Ему насрать. Вот заделает парочку маленьких ратмирят и больше не посмотрит на жену.

Я злилась, но больше всего злилась на то, что не смогла сдержать злость в себе. Незачем ключнице знать, что я чувствую к князю. Незачем ей быть свидетелем моей бессильной любви. Но Забава, семенившая рядом со мной по коридору, сказала тихонько:

— Вижу я, что любя ты ему.

— Кому это? — машинально возмутилась, а потом махнула рукой:

— А, всё равно. Он на мне не женится. Я только для.

И фыркнула, не закончив фразу. А ключница со смешком добавила:

— А и он тебе, скажи, ведь правда?

— Какая разница! — рявкнула. — Я для него просто травница! О, стихами заговорила даже...

— Что-то не видала я, чтоб он к прежней травнице езживал в лес, — уж совсем откровенно рассмеялась Забава. Я обернулась, глянув ей в глаза удивлённо:

— Откуда ты знаешь?

— Чтоб я, да не знала, что Ратмир делает! Я же ключница, я всё знаю, что творится в этом тереме!

— Хм. Тебе все докладывают, что ли?

— Ага! Стой, куда? Вона дверка на женскую половину!

Мы по очереди протиснулись в низкую дверь и оказались в центре суматохи. Забава включилась в неё мигом, крикнула прислужнице:

— Чего стоишь? Подсоби сундук втащить! Зарка, беги на кухню, пушай несут девицам мёда да подкрепиться! — а потом мне: — Пошли, травница, поглядишь на княжну Милолику.

— Будем надеяться, что она мила ликом, — пробормотала я, проходя за Забавой в светлицу, отведённую одной из невест. Она ли, золотая рыбка, которую я уже видела?

Княжна Милолика из Славяновыска оказалась статной, высокой и действительно симпатичной. Когда мы вошли, она стояла у окна, обернулась и глянула сначала на Забаву, потом на меня. Взгляд у неё был острый и высокомерный. Словно не на людей смотрела, а на две кашки. Ну да мне это, как слону булавка в жопу. Если Милолика ждала, что я упаду на колени или стану ей ручку лобызать, то она ошиблась.

Я оглядела её свиту. Старушки-хлопотушки, девчонки-служанки, женщина непонятного возраста, но хорошо одетая. Она одна держится подобно княжне. Значит, родственница, может, какая тётка.

Забава слегка поклонилась Милолике и сказала ласково, но внушительно:

— Княжью травницу привела. Осмотреть надобно невесту.

— Пошто? — тут же вскинулась женщина. — Невеста наша здорова, сама погляди! Кушает хорошо, косонька длинная да блестящая, телом дородная, чего ещё тебе надобно?

Забава бросила на неё мимолётный взгляд, процедила сквозь вежливую улыбку:

— Светлый князь велел. Так что, — она кивнула на служанок, — вон подите! И ты тоже.

Женщина упёрла руки в боки:

— Нет уж, я туточки останусь!

Она махнула рукой девчонкам и старухам:

— Идите, идите вон!

Я отступила на шаг, чтобы пропустить вереницу служанок, и снова вернулась к княжне. Сказала ей тихо:

— Раздевайся.

Меня обдало холодом из серых глаз, но Милолика взялась за поясок своего платья, развязала узел. Раздевалась она медленно, будто показывала особый вид стриптиза, и мне стало слегка не по себе. Соберись, Диана! Ты врач, то есть, конечно, недоврач ещё, но всё равно! Перед тобой пациентка, а не стриптизёрша.

Платье упало на пол красивыми складками, за ним рубашка. Княжна осталась передо мной в чём мать родила. В моё время её бы обозвали толстой, но сложена она была неплохо. Не худышка, да, но и не жирная. Сильные длинные ноги, круглый животик с аккуратным пупком, красивая талия — не осиная, а скорее гитарная: вкупе с крутыми бёдрами и полной грудью. Милолика нервным движением перекинула тёмную косу со спины вперёд и затеребила её длинными ухоженными пальцами. Я подошла к ней вплотную:

— Стой смирно.

Объяснять, как Забаве, не хотелось. Я уже ненавидела эту красотку, которой завоевать сердце князя — что плюнуть. Ей-богу, скажу, что она вся гнилая внутри...

Потёрла ладошки друг о друга, чтобы согреть, и коснулась её живота. Сиськи мацать мне не в кайф, надо сзади подобраться. Оттуда тоже всё видно. Но в животе мой волшебный рентген показал сплошной хлорофилл. Всё зелёненькое. Как там было в детской песенке? Какое всё зелёное, какое всё красивое. Я обошла княжну полукругом, не отрывая руки от её тела. Со спины проверила сердце, лёгкие, желудок. Поддержала ладони на голове, ища червя, но его там не было. Да и вообще.

Отвратительно!

Отвратительно здоровая девка.

Ни точки, ни пятнышка, к которым можно было бы придраться. И что теперь? Она главная кандидатка, пока я не осмотрела остальных. Скривившись, я фыркнула:

— Одевайся.

— И что скажешь, травница? — с лёгкой тревогой в голосе спросила сопровождающая Милолику женщина. Я пожала плечами:

— Здорова.

Княжна так повела плечиком, что я сразу поняла посыл: дуры мы тут набитые, всё и так было понятно с самого начала. Женщина принялась натягивать на неё рубашку, а я сказала, чтобы задеть:

— Она у вас немая, что ли? Ни словечка не сказала.

Снова ледяной душ из серых глаз, и Милолика сказала глубоким мелодичным голосом:

— Не нема, а баить зазря не люблю.

— Князь, может, захочет с тобой беседовать! — снова съязвила я, но княжна ответила ровно:

— Беседу поддержу, отчего ж не поддержать.

Я фыркнула от бессильной злости. Лучше б немая была... И пробормотала:

— Здоровых и у нас хватает, зачем со стороны невест звать.

— Как же, как же! Князья должны жениться на княжеских дочерях! — откликнулась с гордостью женщина, словно и сама была той самой княжеской дочерью. А Милолика произнесла спокойно и размеренно, как молитву:

— Потому что мы ведём свой род от наместников богов, от детей их, которые были ставлены над людьми, чтоб люди не забывали, кто их жизнями управляет.

Ну-у-у, началось! Легенды пошли в ход, боги, никогда не существовавшие! Опиум для народа, зомби. Ладно, проехали. Я кивнула Забаве:

— Пойдём дальше.

— Благодарствую княжну за покорность повелению князя Ратмира, — любезно сказала ключница и, поклонившись, выплыла из светлицы. Я за ней. И услышала краем уха, как тётка шепнула Милолике:

— Не бойсь, Милушка, нам эта травница не указ, мы своё возьмём!

Как это она, интересно, собирается брать своё? И какое такое своё? Вообще-то они тут все хотят захватить моё! Князь мой. Как я его отдам этим с виду лапушкам, а внутри самым настоящим акулам? Акулы они. Нихрена им не нужен князь, а нужна только безбедная жизнь в большом тереме, полном слуг, и дети, как закрепление положения в этом тереме.

Забавка толкнула ещё одну дверь и сказала мне тихо:

— Княжна Любава из Обийска. Лучшая невеста, гляди в три глаза!

Я только вздохнула. Помню-помню, восемь сотен воинов, десяток деревень, выход к морю.

Любава всё так же сидела на сундуке. Глянула на нас голубыми глазками, в которых плескались озёрные воды. Пустые и ласковые. Неужели так бывает, чтобы у человека не было никаких мыслей и эмоций?

— Здравьица вам всем. Княжью травницу привела. Невесту проверить надобно, — с поклоном сказала Забава.

При этой невесте хорошо одетых тётушек оказалось сразу три. Они наперебой принялись убеждать нас, что невеста здорова, что невинна, аки агнец, что не требуются никакие проверки, но Забава стояла на своём. Она выдворила из светлицы всех, включая приближенных тёток, и кивнула мне:

— Приступай, травница.

Любава из Обийска разоблачилась смущённо, но быстро. Первым делом я проверила голову. Сомневалась, что там есть мозг! Может, какой-нибудь здоровенный змее-червь съел его ещё в детстве? Но в черепной коробке всё было вполне православно. Теней не шарахалось, зелёненькие полушария функционировали. А то, что они не генерируют мыслей — ну бывает. Зато с репродуктивными органами деве не повезло.

Сначала я даже подумала, что у меня что-то с глазами. Потом — что мой волшебный рентген сломался. Но нет, перепроверила и, как на УЗИ, посмотрела со всех сторон. У княжны не было маточных труб. Вообще. Крохотные зачатки торчали из матки, но они не заканчивались яичниками. Они вообще ничем не заканчивались.

Княжна полностью и бесповоротно бесплодна.

Жаль её, конечно, но для меня это хорошая новость. Просто отличная. Да и для Ратмира тоже — его дети не должны быть безмозглыми.

Глава 13. Мокошьина ночь

Ноябрь 21 число

Забаве я ничего не сказала. А она и не спрашивала. Просто молча кивнула на следующую дверь. Я вздохнула. Да, осталась третья невеста. Пусть у неё окажется гастрит вместе с колитом и астмой... Нет, так нехорошо говорить... Пусть всё будет, как будет.

Я вошла в светлицу вслед за Забавой, которая завела свою уже привычную песню:

— Княжью травницу вам привела, проверить невесту надобно!

Румяная, сдобная, как колобок, старушка в цветастом платке сверкнула злобно маленькими чёрными глазками из-за булочек-щёк и, загородив невесту, прошипела, как гремучая змея:

— Княжна Зимовлада Новгородосская ни в какой травнице не нуждается! У нас есть собственная лекарка. Идите обе отседава, иначе кликну наших дружинников!

— Ты мне тут не бушуй, тётушка, — спокойно ответила ей Забава. — Княжна Зимовлада ничем не лучше других невест, а посему и осмотру подвергнется, как все. Вон, девушки, все пойдите вон!

— Дружи-и-ина! — заголосила бабулька, и я поморщилась. Ну вот зачем? Другие подчинились, и всё прошло нормально, а эта...

Забава приосанилась и двинулась на тётушку, приговаривая:

— А ну цыть, карга старая! Или так, или собирай свою Зимовладушку и со всей кодлой вертайся в свой Новгородок!

И даже чуть было не двинула её животом в живот, но старушка вовремя сдулась и села обратно на сундук. Я наконец увидела невесту. Блондинка с голубыми глазами, она смотрела на меня и улыбалась. Вроде бы симпатичная, вроде бы и мысли присутствуют, не так, как у Любавы. А что-то не так. Я даже поёжилась, хотя и было натоплено жарко.

Мы остались вчетвером в светлице, и княжна всё так же стояла, чуть склонив голову, разглядывала меня с любопытством. Забава кивнула ей:

— Разоблачайся уж, княжна.

Та словно только и ждала этой команды, потому что принялась тотчас же развязывать пояс, стаскивать с себя платье и рубашку. Я снова разогрела ладони, потерев их о свою одежду, и начала осмотр. На первый взгляд тут всё было в порядке. Все органы на месте, все зеленеют, как берёзка по весне, ничего больного или на грани болезни. Но так я думала, пока не добралась до головы. Искала там, конечно же, червяка. А нашла.

Я даже не знала, что такое возможно.

Мой рентген показал оранжевый мозг, половинки его и все придатки — все цвета заходящего солнца. Более того, то там, то сям в глубине полушарий вспыхивали красные огоньки, затухая постепенно и вновь появляясь уже в другом месте. Всё вместе создавало нереальную картинку, чем-то похожую на видео земного мегаполиса из космоса. Я замороженно смотрела на это чудо, извращённо наслаждаясь хаотичностью вспышек, а потом резко убрала руки.

Это нехорошо.

Совсем нехорошо. Это даже не органика, это психика! Если бы поражение мозга было органическим, то княжна сейчас бы пускала пузыри слюной. А она смотрит осмысленно, подчиняется требованиям. Боже, почему я не читала больше статей про нейронную сеть мозга? Сейчас бы определила, что у нас тут: шиза или лёгкий дебилизм.

Впрочем, отставить изучение мозга пациентки! Безо всяких статей и диагнозов ясно, что она не подойдёт для Ратмира в качестве жены. Надо улыбаться и сматываться отсюда, пяťся. Я приветливо кивнула княжне и сказала:

— Можешь одеваться.

Она наклонилась за рубашкой всё так же послушно и даже не бросила мне злой взгляд или не фыркнула презрительно. Как будто ей велели быть лапочкой, и она старается этой лапочкой быть.

Стараясь не поворачиваться к княжне спиной, я нашла взгляд Забавы и указала ей на дверь. Ключница кивнула, легонько поклонилась и с достоинством сказала:

— Здоровьица вам. Мы пойдём.

Угу, самое то — здоровьица пожелать... Тут пожеланиями не поможешь, тут надо новую голову заказывать на Али.

В коридоре, пропустив в светлицу служанок княжны Зимовлады, я выдохнула. Не люблю психов. Не внушают они мне доверия никак. А Забава приблизилась, шепнула с вопросом:

— И чё там? Как княжна-то?

— Тухло там, Забава, как в морге, — ответила мрачно, потом, заметив непонимающие глаза, поправилась: — В общем, всё плохо. Больше скажу, эту Зимовладу надо побыстрее отослать домой. У неё чердак подтекает.

— Как говоришь? — озадачилась ключница, а я закатила глаза:

— Ну, с головой у неё проблемка! — и прошептала: — Сумасшедшая она!

— Ох ты ж, Лада-матушка, — всплеснула руками Забава. — Как так-то? А ты как узнала?

— Не спрашивай, — опомнившись, строго ответила я. — Просто убирай её из терема.

— А Любава-то, Любава?

— Пойдём куда-нибудь. — я оглянулась. — Мало ли кто нас услышит!

— А пойдём! — решительно сказала Забава. — Ко мне и пойдём. Мёду пропустим чарочку! Княжнам можно, а и нам тоже!

Мы спустились по узкой лестнице в тёмный коридор первого этажа. Со страхом я думала, что теперь мне уж никак не вернуться к Ратмиру — заблужусь как пить дать! Потому что «спустились на первый этаж» в этом тереме означало совершенно иное, чем, к примеру, в моей девятиэтажке. Там — по прямой вниз несколько пролётов. Тут — один пролёт, извилистый коридор, ещё полпролёта, ещё коридор, несколько ступенек и снова коридор.

— Ходи сюда, травница.

— Иду, ключница, — буркнула я. Неужели так трудно запомнить имя?

— У меня в закутке бочонок мёда припрятан, — она подмигнула мне и вдруг преобразилась. Теперь это была просто женщина — симпатичная, умная и добрая. Она буквально втолкнула меня в маленькую комнатку с печью в стене. В комнатке стояли топчан, стол и стул, а на столе лежали стопки квадратных тряпиц, исписанных мелким почерком. Забава просеменила в уголок, за цветастую

занавеску, и вынесла оттуда две деревянных плошки, чарку и маленький бочонок.

— Давай-ка, садись, Расскажи мне про невест, Дана.

— Я Диана, — фыркнула, но Забава с нажимом сказала:

— Дана будешь, а иноземные имена у нас не в почёте. Знаешь ведь, кто пришёл из других земель и тут остался жить, должен принять наши устои и наши порядки.

Передо мной появилась плошка, наполненная почти до краёв тягучим тёмно-золотистым напитком. Забава села на топчан и кивнула:

— Ну, за будущую свадьбу.

— Чтоб её бабайка унёс, — добавила я и выпила до дна.

Мёд оказался сладким, но не слишком. Медовуха... Женское пиво. На вкус неплохо, но слабенькое. Забава пила свой мёд маленькими глоточками и ухала после каждого, будто стопку водки махнула. Потом вытерла покрасневшееся лицо и глянула на меня — вроде и добро, а вроде и виновато. Сказала:

— Ты, травница, на Ратка не серчай.

— Чего бы мне на него. серчать, — пробормотала я, черпанув полную чарку в бочонке и снова наполнив свою плошку.

— Что ж я, не понимаю, что ли, — вздохнула Забава. — Он должен жениться, а ты его любишь. Выхода у него нет. Добрыне, говорит, не хочет княжество отдавать, молод да горяч. А кому? Наследника-то нет!

— Отрада есть.

— Э-э-э, куда ты загнула! Девчонку на княжество?

— История знает успешных правительниц, — сказала я задумчиво. — Елизавета, Екатерина, а ещё английская королева! И эта. как её? Ну ещё эпоху целую её именем назвали! О, Виктория!

Я осеклась и с опаской глянула на Забаву. Та смотрела с прищуром. Я добавила:

— Это я так мечтаю. Потому что мы, женщины, вполне способны править хоть княжеством, хоть королевством!

Забава рассмеялась, потом кивнула и рукой махнула:

— Способны-то мы способны, токмо кто ж нам дозволит?

— Вот то-то и оно, — вздохнула я. — Ничего тут женщинам не дозволено.

— А нам скучать и мыслить обо всём этом некогда! — подбоченилась Забава. — Вона, все бабы к ночи готовятся, а почему?

— Да, почему? — заинтересовалась я.

— Потому что Мокошьина ночь! Наша, бабья!

Она наклонилась ближе и прошептала:

— Бабы в лес пойдут сегодня, снежный цветок искать. И я пойду! Айда со мной?

— Что за цветок такой?

— Снежный цветок, Мокошын цветок — это всё для бабы! Которая найдёт его — будет счастлива всю жизнь! И муж её будет любить, и детки здоровые да работающие станут, а у кого нет ещё — так в тот же год замуж и выйдет!

— И где же этот цветок растёт? — хмыкнула я скептически. Забава снова зашептала:

— А никто того не знает. Уж сколько лет его не видели! А мне моя нянюшка в детстве баяла: её мамка нашла снежный цвет да хранила его под подушкой, а весной к ней сам кузнец посватался!

— И что, вот прямо все-все желания исполняет этот цветок? — задумчиво спросила я, представив себе Ратмира и себя перед священником... Нет, кто тут у них женит? Волхв? Жрец? Неважно! Конечно, я не верю в эту всяческую фигню, но, с другой стороны, и кикимор не должно существовать!

— Все-е-е, — протянула Забава мечтательно. А потом вздохнула и выпила остатки из своей плошки. Махнула рукой: — Давно уж никто не находил Мокошын цвет. Я мыслю так: она на людей осерчала.

— С чего бы? — фыркнула я. Вот ещё боги будут на людей обижаться. Мы тогда вообще сразу все умерли бы. Но не стану же я разубеждать верующего человека в том, что бога нет! — Мокоши вашей нет до вас дела.

— Вот будешь так говорить, и на тебя Мокошь осерчает, а уж если Мокошь осерчает — ни за мужем не будешь, ни детей не заведёшь!

Я только отмахнулась, но снежный цветок запал в память. Найти его, выйти замуж за Ратмира и жить, как у Христа за пазухой. А что, неплохой план! Даже если я не верю в существование всяких магических цветочков. Папоротник тоже никто не видел, а все о нём говорят и мечтают. Мечты и легенды на пустом месте не возникают! Значит, где-то что-то есть.

— Ладно, Забава кхм Путятишна, айда искать снежный цвет, — я встала, с сожалением посмотрев на бочонок мёда, но решительно отвернулась и пошла к двери. — А то мы с тобой тут упьёмся вдвоём.

— Упьёмся, — согласилась Забава. — Только я не Путятишна, тятю нашего, князя светлого, Велимиром звали.

— Князя? — я резко обернулась и упёрла взгляд в глаза Забавы. — Ты княжна?

— Княжна, — она так вскинула голову, что я сразу поняла — правда. Она княжна и сестра Ратмира и Добрыни.

— С ума сойти, — пробормотала я. — Тогда я схожу проведу твоего брата. И твою племянницу.

Кого-кого?

— Отраду, дочь твоего брата.

— Так то братанница моя, — усмехнулась Забава. — Ох и чудно ты говоришь, Дана! И не понять который раз...

— Хорошо, что вообще понимаю ваш язык, — буркнула. — Для меня это вы чудно говорите!

Ратмир мучился головой. Я понимала его — боли должны быть сильными. Забава осталась с ним, а я не стала даже заходить. Не могла смотреть на искажённое гримасой любимое лицо. Лучше пойду к себе и сделаю отвар, чтобы облегчить боль, пока не найду способ изгнать змее-червя из головы князя.

На женскую половину я прошла официальным путём — через маленькую расписную дверку в стене, разделявшей две части терема. Шмыгнула мимо нянюшек княжон Любавы и Зимовлады, которые шушукались у окошка и окинули меня приветливыми взглядами. Ещё заговорить решат со мной, а там недалеко и до подкупа. Я ж не кто-нибудь, а княжья травница — могу шепнуть словечко за, а могу и против. Чтобы избежать подобных просьб, нырнула на лестницу и поднялась к себе. Раскрыв свой мешок с травами, прищурилась на склянки и кулёчки, сказала им:

— Средство от головной боли.

В принципе, я уже знала ту травку, которая глушила боль, если её отварить минут пять и настоять часа три. Она и вспыхнула ярким зелёным колером, а сквозь один из мешочков просветилось содержимое. Да, эти корешки тоже добавлю, они тоже помогут от головы.

Поставив воду в котелке в неудобную печь, совсем не такую, как моя в избушке, я заглянула к Отраде и застала там картину маслом. Мыска спала на широкой кровати, прижав к себе с одной стороны своего сына Волеха, а с другой маленькую княжну. Мальчишка сопел с закрытыми глазами, а Отрада, выпростав ручки из пелёнки, пыталась играть с двумя феечками. Впрочем, феечки — это было сказано сгоряча. Существа, зависшие над девочкой в воздухе, были с крылышками, но похожи скорее на злобных крохотных гоблинов в женских туниках. Они были совершенно одинаковыми, если не считать этой одежды. На одной из феечек туника была чистенькая, новенькая, беленькая, а на второй — грязная, потрёпанная и вся в дырах. У первой волосы заплетены в длинную лоснящуюся косу, а у второй торчат во все стороны, словно она забыла причесаться с утра.

— Эй! Вы ещё кто такие? — спросила я негромко, чтобы не разбудить кормилицу. Гоблино-феечки разом обернулись ко мне, и от их огромных мультишных глаз мне стало немного страшно. У первого существа они горели ярким синим светом, а у второго — огненно-красным. Ощерив одинаковые бездонные пасти множеством мелких зубок, гоблино-феечки одновременно протянули ко мне ручонки с цепкими пальчиками.

— Твою мать, — я сделала шаг назад.

— Ты нас видишь? — одновременно спросили существа и переглянулись. Я прищурилась:

— Допустим, вижу. Вы кто, и что вам надо от девочки?

— Мы, — сказала обтрёпанная.

— Доля, — продолжила чистенькая.

— И Недоля, — закончила первая.

Они снова переглянулись, как мне показалось, злобно и заговорили хором:

— Мы всем чадам даём судьбу в Мокошьину ночь, и этой дадим, и мальчику дадим!

— Или долю...

— Или недолю...

Я махнула на них рукой:

— Уходите! То есть, улетайте! Эти дети сами свою судьбу выберут, когда подрастут!

— Так нельзя!

— Нельзя так!

— Кто решил? — прищурилась я, потихоньку оттесняя Долю с Недолей от кровати. Они затихли, синхронно посмотрели вверх, переглянулись и прошептали:

— Хозяин Жизней.

— Знаете что? — я подняла руки, замахала на этих летающих (не)долей. — Я договорилась с Хозяином Леса, с Хозяином Болота, уж с Хозяином Жизней как-нибудь договорюсь!

Феечки, или кто они там были, отлетели чуть подальше и наперебой зашептались:

— Хозяин Леса!

— Болотный Хозяин!

— Она из этих, больших?

— Нет! Она маленькая, значит, не из этих!

— Они бывают и маленькие, сама видела!

— Не бывают, те полукровки!

— Всё равно. Она из них!

— Но как дети без судьбы?

— Это не наше дело! У нас полно других детей!

— ВСЕ дети должны найти судьбу!

Я прервала их милую беседу:

— Ну что, посоветались? Убирайтесь, улетайте отсюда!

— Нет, мы не можем, — упрямо ответила Недоля. — Ты всего лишь человек, никакая не из этих, больших!

И двинулась на меня, со стрёкотом крыльев и оскаленными зубками. Вторая, хоть и не была согласна, решила не отставать. Я оглянулась и схватила длинную палку с рогатиной на конце, которой тут пользовались, чтобы угли выгребать из печи, замахнулась на феечек с воинственным видом. Не допущу, чтобы Отраде недолю выдали! Да и Волеху тоже!

Эти две гоблины были уже совсем рядом, успешно уворачиваясь от моего дрына, ручонки ко мне всё тянули, чтобы в лицо вцепиться коготками, как вдруг отшатнулись разом, позеленели — то ли от испуга, то ли от злости, и обнялись, прижавшись друг к другу. Я непонимающе оглянулась — вдруг вошёл кто, а я и не заметила. Но нет. Доля с Недолей именно меня боялись.

Приятно, но не понятно.

Доля протянула свистящим шёпотом:

— Белый ка-амень!

Недоля икнула:

— Осколок... первой жизни!

— Чего? — я никак не могла сообразить, что их так ужаснуло. А потом до меня дошло. Скосила глаза на грудь и увидела кулон, выбившийся из-под платья. Схватила его пальцами — камень снова стал из белого прозрачно-голубым! Вононо чо михалыч...

Какая же огромная сила заключена в этом камне? Вот для чего его мне дала старая цыганка! Оберег! Это оберег, как сказали (не)доли, осколок какой-то первой жизни.

Глянув на феечек, я вздрогнула. Они исчезли. Испарились. Как будто и не было их. А вот что странно — Мыська не проснулась. Ведь разговаривали мы довольно громко! Но девушка спала, наверное, плохо высыпается — с двумя-то детишками! Обернувшись на неё, я заметила, что она открыла глаза, потянулась сладко и вдруг подхватила:

— Ой, разоспалась я нешто! А ты давно тут?

— Недавно, — пробормотала. — Устала? Позвать Вранку, пусть тебя подменит?

— Да не надо, — смутилась Мыська. — Сама я. И так цветок искать не пойду. А ты пойдёшь?

— Пойду, — неожиданно сказала я, хотя до этой минуты не думала, что захочу идти куда-то в лес ночью за гипотетическим цветком.

— Свезло-о, — протянула она, подвигая Волеха на середину кровати и поднимая на руки Отраду. — Я только разик и ходила, в прошлую зиму.

— Если найду цветок, загадаю желание и за тебя тоже, — улыбнулась я — таким курьёзным было выражение её грустной моськи. При моих словах она вся осветилась изнутри и спросила недоверчиво:

— Правду говоришь?

— Конечно, правду, — усмехнулась. — Платок, наверное, надо тёплый накинуть...

— Снег вона валит, — кивнула Мыська на окно. — Далеко-то не уходи.

— Мне не страшно в лесу.

Выйдя из детской, я зашла в свою каморку, чтобы запарить траву, процедила её через тряпку и понесла Ратмиру. Забава подняла на меня взгляд и покачала головой:

— Ох, совсем худо ему.

— Травница! — простонал князь. — Что со мной? Я помру?

— Не помрёшь! — ответила я с подъёмом. — Не допустим! Правда, Забава?

— Мы не властны над смертью, Чернобог один властен, — горько ответила та. Я поднесла князю плошку с отваром:

— Пей. Выпей всё, и голова пройдёт.

— А мы с Даной пойдём в лес, Мокошьин цвет искать, — Забава помогла брату приподняться и поддержала за плечи, пока я поила отваром. — Найдём — и ты вылечишься!

— Найдёшь. загадай мне наследника, — отрывисто бросил Ратмир. И так зыркнул на меня, что жарко стало. Наследника ему. Опять! У-у-у, держите меня, иначе я ему вмажу! Прямо по кумполу и заодно червяка прибью!

— Пошли, Забава, — с неожиданной злостью сказала я ключнице. — Теперь у него ничего не болит, пусть спит и мечтает о своём наследнике. А мы прогуляемся по лесу.

— Бабский бред, — фыркнул князь, откинувшись на подушки. Бледное его лицо исказилось гримасой боли. Но князь махнул рукой: — Идите уже, дурёхи. Не заплутайте.

Я выскочила за дверь и аж зарычала от гнева. Это он меня дурёхой назвал! Бесячий мужик, кошмар просто! Не понимаю, как я могла на такого запасть? Да не просто запасть, а влюбиться! Подумать только. Я же терпеть не могу парней, которые мнят из себя что-то, а тут целый князь, да ещё такой сексист! Все бабы у него дуры, меня он тут держит только, чтобы я ему яйца опустошала! Козёл же, самый настоящий козёл, а я для него готова всё сделать.

— Вот чего ты на него кидаешься? — укорила меня Забава, которая вышла следом. Я стукнула кулаком по стене и прошипела:

— Да нужен он мне кидаться-то! Пошли цветок искать!

— Ну пошли, коли не шутишь, — она покосилась на меня со странным выражением лица, но больше ничего не сказала.

И хорошо, что не сказала.

Вернись в избушку, как только князь невесту выберет. Чтобы больше его не видеть и не слышать о нём.

Глава 14. Снежный цветок

Ноябрь, ночь с 21 на 22 число

Снег падал густо, большими мягкими хлопьями, миллиметр по миллиметру наращивая шубу на всём окружающем мире. Небо светилось тем почти невидимым сиянием, которое бывает только там, где нет электрических фонарей на улицах и трассах. Будто белый покров земли отражал огромную мерцающую в жемчужной россыпи снега луну.

Лес был погружён в белую пену целиком. Кое-где можно было разглядеть чёрные стволы деревьев, но я шла, вытянув руки вперёд, чтобы не найти очередной ствол лбом. Девушки и женщины разбрелись по лесу и перелескам, звучно перекликаясь между собой, а я молчала. Топала, изредка оглядываясь на Забаву, вытирая мокрое от падающего снега лицо краем платка и думая о своём.

Ладно, я вижу русалок, кикимор, всякую прочую нечисть, болотную и лесную. У меня в руках встроенный рентген волшебного происхождения. У меня на шее оберег — не просто обозванный этим словом камешек, а настоящий амулет, который хранит меня от болезней и злых гоблино-феечек. Я лечу наложением рук, прости господи! Хорошо, всё это как-то возможно объяснить с точки зрения науки. В конце концов, то время, в которое я попала, слишком далеко от худо-бедно изученных историей двух тысячелетий со времени рождения Христа.

Но как объяснить поиски мифического снежного цветка, который для меня такое же невозможное явление, как и цветок папоротника? У папоротника нет семян, он размножается спорами, поэтому и цветов у него быть не может. Так и снег — как из снега может вырасти что-то живое? Это даже не подснежник, ибо не весна. А какой другой цветок мог расти в снегу и потом утратить эту способность?

Я отряхнула налипший на толстые шерстяные варежки снег и подышала на них. Белый пар поднялся в воздух, быстро тая. Красиво! Но холодно. Зачем я согласилась идти в лес ночью в снегопад? На поиски того не знаю чего. Заблужусь как пить дать. Если уже не...

Оглядевшись, я не увидела чёрных и серых пятен моих товарок. Ничего себе! Где все? Куда подевались? О-о-о. Почему я не перекликалась с ними? Дура! Сейчас поплутаю в этом белом лесу, совершенно одинаковом со всех сторон, и сяду под дерево замерзать. И даже по следам не удастся вернуться обратно, потому что снег их засыпает — равномерно и верно.

В панике я набрала полные лёгкие морозного стерильного воздуха и заорала на пол-леса:

Забава-а-а!

Крик утонул в белом пухе, даже эха не получилось. Зато из пуха вышли, отряхиваясь, два волка. Я застыла, как громом поражённая. Вот только их мне и не хватало для полного счастья! Хотя... Стоп, я же умею разговаривать с животными!

— Ребята, я своя, — сказала дрожащим голосом. — Честно-честно, правда! Я даже с Хозяином Леса знакома, не ешьте меня.

— Чем докажешь? — спросил правый волк, вывалив язык, дышащий паром на морозе.

— Да нечем мне. — растерянно пробормотала я, глядя, как второй волк — или волчица

— обходит меня с фланга. — Эй, меня нельзя есть, я травница! Я лечу всех, даже кикимору лечила, можете у неё спросить!

— Кикиморы спят зимой, — ответила волчица. — А ты лжёшь, человечка!

— Сегодня у стаи будет свежее мясо, — плотоядно облизнулся волк.

Я попятилась и упёрлась спиной в ствол дерева. Сверху посыпался тяжёлый снег. В отчаянье вытерев лицо, я вспомнила, что надо звать на помощь, кричать и стучать, чтобы напугать волков, поэтому сипло завопила:

— Лесной Хозяин! Бе-ер! Бе-е-ер! На помощь!

Волки бросились на меня одновременно: один спереди, вторая сбоку. Я не почувствовала укусов только потому, что Забава напаялила на меня толстенный тулуп или, как она обозвала его, телогрею. Видно, зубами запутались в козьей шерсти или в овечьем мехе. Я рванулась куда-то, вереща и размахивая руками, чтобы сбросить с себя лесных убийц, но запуталась и упала лицом в снег. Чувствуя тяжесть волчьих

тел и отчаянные рывки зубами за тулуп, подумала заполошно: всё, конец, сожрут.

А потом волки взлетели куда-то вверх, завизжали, заскулили. Я замерла, не веря своему счастью. Меня подняли, встряхнули и поставили на ноги. Все лицо было залеплено снегом, поэтому я сразу не поняла, кто меня спас. Чья-то рука обтёрла мои щёки, лоб, глаза, и я запищала от кусачего мороза. Глянула и обомлела.

— Бер! Спасибо.

— Не благодари, — усмехнулся он. — Оголодали волки. А ты что тут делаешь?

— Цветок ищу, — вздохнула, стряхивая с платка и тулупа снег. — Как та дурочка. Точнее, как те дурочки.

— Тебе нужен снежный цвет? — небрежно бросил Бер, сдвинув на затылок свою красную шапку. — Могу показать.

Я вытерла мокрое лицо и уставилась на него, пытаюсь осознать. Спросила:

— Ты знаешь, где растёт снежный цветок?

— Ты забыла, что это моя вотчина? — Бер улыбнулся ещё шире и протянул мне руку. — Пойдём, травница.

Он потянул меня вглубь леса, приговаривая:

— Вот что вам, бабам, неймётся? Снежный цвет вам подавай, а пошто? И ведь каждый год ходите толпами... А волки празднуют! У них пир горой!

— Что, женщин едят? — ужаснулась я, тормозя валенками в снегу. Бер обернулся и скорчил смешную рожицу:

— Едят! Такая добыча сама в лапы идёт! Вот и ты бы.

— И я бы. — эхом ответила. — Если бы не ты.

— Ты мне нравишься, травница, — напрямую ответил Бер. — Ты не трусиха. Вот и взял тебя под защиту. В лесу ты не бойся никого, пока я здесь.

— Спасибо, — прошептала я, внезапно осознав, что прошла в шаге от мучительной смерти от волчьих зубов. А Бер махнул рукой, и с веток спереди осыпался снег. Я увидела широкую поляну, настолько большую, что можно десять дач построить. И ахнула! Посреди поляны стояла.

Женщина в длинной шубе и круглой пушистой шапочке.

Огромная женщина. Ростом с небольшую ёлку.

— Бер, Бер! — я подёргала Хозяина Леса за рукав кафтана и усилием воли подняла на место повисшую челюсть. — Кто это?

— А ты не знаешь? Она же из этих ваших. — Бер покрутил головой совсем по-медвежьи и продолжил: — Ну, молитесь вы им. Деревянных идолов ставите.

— Богиня, что ли?

Я присмотрелась к женщине-гиганту. Приятные черты лица, не слишком старая, но и не девчонка. Тёмные волосы в косу заплетены, а шапочка затейливая — вроде обычный белый мех, но на макушке что-то торчит, как будто украшение. И шуба тоже белая, меховая, а из-под неё видны. Брюки? Лосины? Убей меня мороз, эта тётка в штанах! Ни одна баба здесь в эти времена штанов не наденет, а эта — пожалуйста! И сапожки у неё высокие, кожаные, блестящие, хоть и в снегу наполовину утопают.

— Богиня, ага. Чей цвет ищешь-то, травница? Мокоши. Вот это она и есть.

— Мокошь?!

Это и есть богиня? И другие, которые были в народных легендах, весь славянский пантеон — Перун, Велес, Чернобог — все они реально существовавшие, хотя и огромные люди? Но где они живут, чтобы никто их не видел и не встречал? У них есть семьи, дети? Дома размером с горы? А-а-а, я хочу пойти к ней, пощупать, поговорить с ней!

А Бер подтолкнул меня под локоть:

Гля, вон и цвет твой!

Я замороженно смотрела, как Мокошь бросила что-то в снег. Это что-то негромко щёлкнуло, будто замочек раскрылся, и засветилось сквозь сугроб красновато-золотистым сиянием. А богиня просто развернулась и пошла в лес — в противоположную от нас сторону. Отогнула ветви ёлки, мешавшие ей, стряхнула плечом снег с дерева и исчезла в белой чаще.

Цветок остался светиться в подтаявшей прогалине. Бер фыркнул:

— Беги, забирай!

— А можно, да?

— Травница, а пошто ты в лес пошла? — захохотал он, вспугнув белую сову, которая снялась с ветки и, лавируя, исчезла между деревьев. Прямо как Мокошь.

Я махнула рукой и бросилась на поляну, утопая валенками в снегу. Добралась, застыла над цветком, боясь тронуть. Он светился уже легонечко, почти незаметно, словно остыл, а ещё потрескивал. Я присела, стащила варежку с руки и поднесла ладонь к этому чуду. Тёплый! От него исходит тепло, а снег тает. Осторожно взяла цветок пальцами и удивилась. Это не настоящее растение!

Цветок искусственный!

Меня бросило в жар, и я загребла ладонью снег, обтёрла лицо. Боже мой, это же пластик! Или не пластик? Или я сплю и вижу увлекательный сон? Пальцы скользнули по упругим лепесткам, по бархатистому, такому натуральному материалу. Цветок был очень красивым, напоминал гибрид розы и тюльпана. Остывший, он стал белым с голубым отливом, а ещё кое-где полупрозрачный. Как будто его слепили искусной рукой и заморозили или наоборот обожгли, как глину... Интересный пластик, мягкий, но прочный. Но блин.

Откуда здесь пластик?!

— Рада ль ты цветку, девица?

Голос Бера напугал её. Как только подкрался, чудовище! Хотя — Хозяин Леса ведь, что ему стоит подойти бесшумно.

— Рада, — сказала отрывисто, поднявшись. Глянула на Бера и спросила без прелюдий: — Где живут боги?

— Замёрзла? — ответил он вопросом и потёр ладонями мои щёки. Они отозвались колючей болью, и я поняла — замёрзла. Бер встряхнулся, а через секунду передо мной стоял уже огромный медведь. Он растянул пасть в улыбке и сказал:

— Залезай на загривок, поедем греться.

Он знает. Он всё знает, но не хочет разговаривать в лесу. Ладно, мишка, поедем греться. Я подобрала полы тулупа и, цепляясь за густую, жирную и спутанную шерсть медведя, забралась на него, легла плашмя. А когда он поднялся, переваливаясь с боку на бок, села верхом, как могла.

— Держись, красавица, не ровен час, свалишься! — хохотнул Хозяин Леса и пошёл вразвалочку в самую чащу. Я качалась туда-сюда на его спине, вцепившись в холку. Но хотя бы стало жарко от медвежьего тела. Цветок прижала к груди под тулупом, чтобы не потерять. Если я потеряю это сокровище, точно себе не прощу,

утоплюсь в болоте! Это мой счастливый билет к Ратмиру... Из любовниц в законные жёны.

Жилище Бера стояло под высокой, старой, разлапистой елью. Изба не изба, хижина не хижина. Странное сооружение из говна и палок, то есть из досок, веток и глины. Когда медведь остановился напротив и прилёг в снег, я слезла с его спины, потопталась, поднимая колени и пытаюсь разогнать застоявшуюся в ногах кровь, и скептически сказала:

— Знаешь, я думала, ты живёшь не меньше чем во дворце!

— Не зарекайся, красавица, — весело ухмыльнулся обернувшийся человеком Бер. — Никогда не суди по лицу, глянь на изнанку спервоначала.

— Ну покажи свою изнанку, — пробормотала я. — Всегда было любопытно, как живут духи леса.

— Заходи, гостьей будешь, — прямо как в сказке сказал дух леса, стащил шапку и поклонился, толкнув импровизированную дверь.

Я зашла.

И обомлела. Интересно, кто первый придумал волшебный шатёр — Роулинг или всё же нечисть старинной Руси? Изнутри шаткая конструкция была просто огромной!

Просторная чистая изба с лавками и столом, с кроватью за полузадёрнутой шторкой, с большой белоснежной печью, которая дышала жаром. На окнах занавесочки, на полу — половички.

— Норма-альненько, — протянула я, оглядываясь. — Хорошо устроился, Хозяин Леса!

— Не жалуюсь, — кивнул он. — Дай-ка помогу тебе, травница.

Он стянул с моих плеч тяжёлый тулуп, размотал платок. Наши взгляды встретились, и я поразилась, какие у Бера глубокие и усталые глаза. Такие бывают у депрессивных пациентов и у столетних стариков. На миг мне показалось, что Хозяин Леса хочет обнять меня и прижать к себе. Ему тоскливо и одиноко.

Пусть прижимает. Обнимашки — это хорошо и нейтрально. Я не против. В конце концов мы друзья, и Бер спас меня от волков, помог найти цветок. Он вытащил Асель из болота, так что я должна ему гораздо больше, чем он мне. Все эти мысли промелькнули в голове со скоростью света, и я прислонилась щекой к широкой груди медведя.

К чести Бера, он не набросился на меня, как оголодавший мужик, а накормил, напоил и спать уложил. Я действительно устала и замёрзла, поэтому кусок лепёшки с кружкой медово-молочного взвара разморили меня. Незаметно для себя я оказалась на широкой кровати за шторкой, незаметно уснула.

А проснулась утром.

Как я поняла, что уже утро? Звуки, разбудившие меня, были чисто утренними. Шкворчала яишенка на сковороде, звякали чашки с тарелками, кто-то подметал пол веником — «шварк-шварк». На секундочку я замерла, подумала, что снова оказалась дома, и это мама готовит завтрак, но, когда открыла глаза, увидела добротный бревенчатый потолок, печной бок и задёрнутую занавеску. Запах яиц со шкварками щекотал нос. Жаль. Я не дома. Я у Бера.

Стараясь не слишком шуршать тёплым лоскутным одеялом, я повернулась на бок. И наткнулась взглядом на снежный цветок. Он лежал на подушке, белый в голубизну, матовый, бархатный на вид. Я погладила пальцем лепестки, провела по ножке и улыбнулась. Надеюсь, он не подведёт меня. Надеюсь, с его помощью мы с Ратмиром будем вместе.

Ратмир!

Надо же вставать, вот разоспалась, соня! И возвращаться в терем, чтобы узнать, как там дела... А я тут валяюсь, на цветочек люблюсь!

Рывком откинув занавеску, я села, свесила ноги с кровати и наткнулась взглядом на старика, сгорбленного и седовласого, одетого в рубаху и портки, босоногого. Был дед очень стар, очень дряхл и очень морщинист. Он увидел меня и застыл с веником наперевес, глядя настороженно. Я откашлялась и осторожно спросила:

— А вы кто?

Старичок покрутил головой, опустил веник, и тот упал из безвольной руки. Я услышала его глухой надтреснутый голос:

— Дедушка Бера. А ты кто, красавица?

Ого! Ничего себе! У лесных духов бывают дедушки? Я поискала взглядом своё платье, валенки, подгрребла вещи поближе и принялась спешно одеваться, объясняя неловко:

— Я травница, я тут случайно оказалась. Вчера в лесу замёрзла, да ещё волки. В общем.

— Диана!

Дед смеялся. Стоял посреди избушки и хихикал в ладонь. Удивительно похожий на Хозяина Леса. Ах он гад ползучий! Он меня обманул! Он прикидывается старичком, чтобы ввести меня в заблуждение!

Валенок полетел в старика, и второй тоже, но Бер закрылся руками, беззвучно трясясь от смеха и кашля от него же. Потом примиряюще поднял ладони вверх, проскрипел:

— Не надо больше! Прости меня, травница!

— Бог простит, — сердито ответила я. Прозвучало это невнятно, потому что я как раз натягивала платье через голову, я выглянула в горловину и добавила: — И вообще! Оборачивайся обратно!

— Это не в моих силах, — Бер развёл руками и поднял веник. — Проклятье может снять только тот, кто его наложил.

— Проклятье?! — недоверчиво протянула я, завязав поясок. Снова подняла на него взгляд: — Кто тебя проклял?

— Твоя предшественница.

Он фыркнул и прошаркал босыми подошвами к печи, отодвинул заслонку и вытащил ухватом плоскую посудину, в которой пузырилась яичница. Поставил её на стол и кивнул:

— Садись, травница, отведай моего угощения.

— Я-то сяду и отведаю, — отозвалась, проходя к столу. — А вот ты скажи мне, за что старая травница тебя прокляла? И вообще — как она это сделала? Ты же Хозяин Леса!

— Хозяин-то Хозяин, — пробормотал он, — да это ничего не значит для ведьмы.

Мы сели, как друзья — друг напротив друга. Яичница оказалась с грибами, и я усмехнулась про себя: грибочки после глюков, а не до! Но вкусная! Наверное, из-за печи. На плите так не пригостишь... Но после первого утолённого голода я вернулась к теме:

— Рассказывай, за что тебя прокляли!

— Да у нас с ведьмой давняя вражда была, — отмахнулся старик-Бер. — Ещё с тех времён, когда она молоденькой была да всё со мной поселиться хотела. Хорошенькая ведьмочка. волосы у неё были чёрные как смоль, и глаза такие же — с огоньком! Да только не любил я её.

— Так-так. Понятненько, — пробормотала я. — Она тебя за это и.

Бер кивнул, его седые космы поникли. А скелетик-то мой был со скелетами в шкафу!

Ишь, старушка-веселушка, мишку захотела, а он ей от ворот поворот. Я прямо наяву увидела, как ещё молодая ведьма топнула ногой и прокричала ему: «Тогда я тебя проклинаяю до конца своих дней быть стариком!» Бр-р-р!

Стоп.

Во всех подобных проклятиях, как мы знаем из сказок, есть продолжение. И начинается оно со слова «пока». Пока не влюбишь в себя девицу красную, пока твои потомки не помрут до седьмого колена. Какое же условие поставила старая ведьма Беру?

— Проклятье, наложенное одной ведьмой, может снять другая ведьма, — ответила я медленно. — Говори, что там после старика? Ведь было ещё что-то?

Бер поднял на меня тёмные глаза, его изрезанное морщинами старческое лицо стало грустным:

— Не может. Только сама ведьма снимет проклятие, или.

Или что?

Или в меня влюбится человеческая женщина.

— Ну так в чём проблема? — воскликнула я. — Покажись девчонкам из деревни в своём обычном обличье, и они все будут твои!

— Думаешь, ведьма была дурочкой? — усмехнулся Бер. — Надо, чтобы женщина в меня влюбилась в таком вот виде!

Хм, а бабуса-то не промах! Влюбиться в старикашку — сгорбленного, морщинистого и подслеповатого — это уже какие-то красавица и чудовище получаются! Только розы не хватает...

— Вот я тебя и привёл домой, — покаялся Хозяин Леса. — Думал, снимется проклятье, наконец!

— Ну прости, — покаялась и я. — Я бы хотела тебе помочь, но не могу это сделать. таким вот образом.

— Да я уже и сам всё понял, — вздохнул он, да так горько, что мне стало не по себе. Да я буду не я, если не помогу Беру! Хороший же мужик! Ну, немножко медведь, немножко лесной дух и нечистик, но кто из нас без недостатков?!

— Я помогу тебе, Хозяин Леса, — сказала тихо, но твёрдо. — Поверь мне.

Глава 15. За Бореем

Ноябрь 22 число

Бер проводил меня почти до опушки леса. Сугробов за ночь намело чуть ли не по пояс, но рядом с Хозяином Леса снег подтаивал, чтобы мне было удобнее топтать валенками по прогалинам. По пути мы молчали, а на прощание Бер сказал:

— Ты спрашивала, где живут боги. Так вот, они живут за Бореем.

— А где этот Борей? — спросила, цепко глядя ему в глаза — стариковские, блёклые. Бер покрутил головой, ответил:

— Борей — это ветер, который дует с севера. Злой ветер, кусачий, рвёт деревья и приносит бурю.

Потом помолчал и спросил:

— Зачем тебе туда, травница? Сгинешь ведь.

— Авось не сгину, — упрямо сказала ему, думая о своём. — Мне нужно к Мокоши.

— Зачем?

— Понимаешь. Трёхметровые люди, которые создают такие вещи, — я отогнула ворот тулупа и показала розу, — имеют доступ к технологии. А мне нужно. Очень.

Зачем мне были нужны технологии, я и сама пока не знала. Смутно представляла. На уровне выработки пластмассы, пусть и в небольших количествах, уровень медицины должен быть тоже высоким. Как минимум операции на головном мозге.

— Ну, ежели очень... — Бер потоптался на месте, почесал затылок, потом полез за пазуху и достал оттуда мешочек, как те, в которых я хранила травы. — Возьми, коли понадобится, дунешь, плюнешь и посмотришь, куда полетит.

— Магия, — пробормотала я, рассматривая блестящий порошок — чёрные и белые крупинки, как будто сахар и угольную крошку перемололи вместе в пыль.

— Волшба, — усмехнулся Бер. — Ступай, девица красная, да найди мне невесту поскорее.

Спрятав мешочек на груди, я в шутку поклонилась Беру:

— Найду, Хозяин Леса, не изволь беспокоиться.

Снег перестал падать. Я вышла из леса, огляделась. Пустота и снежное покрывало.

Никого. Город виден вдалеке — как призрак в белом саване. Как будто смерть его окружила и пасёт.

Даже поёжилась от таких мыслей. Нет уж. Никто не помрёт, пока я в городе. А особенно никто не помрёт, пока я в княжьем тереме! Надо поторопиться. И подумать по дороге. Обдумать хорошенько мой план. Хотя этот план совершеннейшая авантюра. Уговорить Ратмира добраться до богов, где бы они ни жили. «За Бореєм» слишком расплывчатое понятие. Но мы разберёмся, я разберусь.

Что там было на карте Ратмира?

Ветер на севере. Барашки ветра. А выше барашков — море. А за морем-акияном, за островом Буяном. Тьфу! Где-то там, короче, Ирей, земля богов. Оттуда Мокошь приходит раз в год и бросает на землю цветок из пластика, чтобы. Чтобы что? Просто так и кошка не чихает, а тут богиня, трёхметровая баба в штанах и шубе с фапотькой. с шапкой простигосподи, прилетает непонятно как, непонятно куда, непонятно зачем. Расстояния-то даже для полутораметровых ног огромные, не пешком же она топала. Значит, либо на четырёхметровых лошадаках, либо. В свете пластиковой розы, на более быстром виде самоходного транспорта.

Сейчас я додумаюсь до развитой цивилизации за десять тысяч лет до нашей эры где-то в арктических льдах!

Покрутив головой, я ощутила, как мне стало жарко от подобных мыслей. Дёрнув за верхнюю завязку тулупа, я распахнула его, ловя морозный воздух голой шеей, ещё дёрнула. Цветок упал на снег. Ох ты ж, космические силы. Я наклонилась, чтобы подобрать его, и вдруг остановилась в позе «зю».

Цветок лежал совсем не так, как должен был упасть. Он не мог развернуться в полёте. Не имел права по всем законам физики и земного тяготения. Однако он это сделал. Интересное наблюдение. Я подняла его осторожно и — ну а как же без этого — решила провести серию экспериментов. Бросила прицельно — головкой вперёд. Цветок упал перпендикулярно тому направлению, что я ему задала. И ещё раз. И ещё десять раз. Каким бы образом я не бросала это чудо

божественной технологии, цветок упрямо приземлялся головкой в одну сторону. Как будто стрелка компаса показывала на север.

Путеводный цветочек какой-то... А куда он ведёт? За Борей. Ага. Куда же ещё?

Не, ну а чо. Где логика? А тут. Мокошь разбрасывает цветочки, чтобы кто-то нашёл их и пришёл туда, куда поведёт цветок. Зачем так сложно? А почему делать просто, если можно сложно? И вообще, история богов не знает слова «просто». Почему бы и нет? Если этот цветок — компас, всё будет гораздо легче проверить. Надо только уговорить Ратмира.

Бодрым шагом я добралась до ворот города и застучала в деревянные доски, а на меня сверху осыпался снег. Отряхнувшись, прижала цветок крепче под тулупом и крикнула:

— Эй! Отворяй!

Створка двери в воротах скрипнула, и выглянул один из дружинников:

— Чего тебе?

— Опять не узнал? — фыркнула я. — Впускай, я из леса пришла!

— Травница, — осклабился он. — Бабы все ночью вернулись, а ты утром! Признавайся, в медвежьей норе нашла любодеея?

— Ой отвали, — грубо буркнула я и протиснулась мимо него в ворота. Нашла, ага. И даже почти в норе. Но это его не касается. Быстро пошла по направлению к княжьему терему, но услышала:

— Тебя уж искать собрались.

Обернулась, смерив дружинника взглядом — не издевается ли? Нет, он был серьёзен. Тем более, надо поспешить, чтобы дружина зря не гоняла в лес.

На женской половине было довольно тихо, только где-то плакал младенец, где-то кого-то отчитывала баба визгливым голосом, а где-то пели хором девушки. Я быстро поднялась к себе, сбросила тулуп и валенки, переобулась в свои сапожки и принялась искать, куда бы спрятать цветок. За печкой не рискнула — вдруг нагреется и расплавится — зато нашла самый доступный и изящный вариант. Заодно и к Ратмиру отправилась. А что? В проходе никого не бывает, потому что о нём никто не знает. Даже Забаве туда не надо ходить — она может легально находиться на мужской половине.

Кстати, она там и была — в комнате князя. Обрадовалась, увидев меня, но не стала ни о чём спрашивать. Только сказала:

— Он умирает, травница. Твой отвар не спасает от боли, она его убивает.

На секунду я замерла, пытаюсь осознать смысл её слов. Мой князь умирает? Червь? Проклятый паразит убивает хозяина? Нет, так не пойдёт. Я не согласна. А если я не согласна, никто не умрёт.

Подсев к Ратмиру, который показался мне серым с лица и измученным, я обняла ладонями его голову. Ну, покажись, дерьмо поганое! Покажись, сволочь, я посмотрю в твои глаза... Хотя у червя нет глаз. Да неважно.

Паразит был на месте. Но это и неудивительно. Паразит вырос, заняв ещё больше места. Вот это плохо. Операция нужна немедленно! Лучше вообще вчера. Так что отправляться в путь нам придётся сейчас. Тем более, что я понятия не имею, на каком расстоянии находится от Златограда земля богов. Цветок послужит нам указателем, я привяжу его на ветку и подвешу в воздухе, чтобы показывал направление. Но сначала.

— Забава, пойдёшь распорядись, чтобы оседлали Резвого и мою верблюдицу, — сказала я ключнице, не обращая внимания на её изумлённые глаза и открывшийся рот. Она хотела что-то спросить, но я продолжила, не дав ей время опомниться: — Нам нужна провизия на несколько дней пути, вода и пара одеял. Да, мой мешок с травами на всякий случай тоже принеси.

Забава наморщила лоб, но я добавила с нажимом:

— Побыстрее! От этого зависит жизнь твоего брата!

Ключница охнула, подхватила, насколько позволяло её грузное тело, и выбежала из комнаты. Я склонилась к Ратмиру:

— Князь, мой князь, ты меня слышишь?

— Слышу, травница, — ответил он слабо. — Худо мне, любая. Помираю.

— Не помрёшь! Слушай. У тебя в голове паразит. Он растёт. Его надо удалить оттуда, но я сама не могу. Ты понимаешь?

— Понимаю. Говорю же, помру. И наследника не оставлю.

— Да погоди ты со своим наследником! Слушай же! Нам надо отправляться к богам, только они могут тебе помочь!

Ратмир приподнялся на локте, глянул на меня остро и пристально, потом помотал головой:

— Ты никак с ума съехала, травница. Надо же! В Ирей попасть хочет! Да разве ж смертные могут богов видеть, а ещё и в гости к ним ходить!

— Могут, Ратмир. Я видела Мокошь, — сказала ему тихо, но убедительно. — Я нашла её цветок. Я знаю дорогу к Ирею.

— Почему я должен поверить тебе, травница? — так же тихо спросил он, морщась от боли. А я ответила просто:

— Потому что я люблю тебя.

Он долго смотрел мне в глаза, словно силился найти в них сомнение или ложь. Но не нашёл. Потянулся ко мне, притянул к себе с полпути и поцеловал. Так крепко и чувственно, что я поняла — он поверил.

Он поверил мне, он готов следовать на край света!

— Давай, — отстранившись, сказала я ему. — Надо одеваться, пока Забава хлопочет о лошадях.

Ратмир кивнул, помедлил и с трудом встал. Я смотрела, как он натягивает поверх рубахи жилет из толстой дублёной кожи, и думала. Права ли я? А если ошибаюсь? Если цветок никуда не приведёт, если он просто ненужная игрушка? В этом случае мы оба сгинем, замёрзнем в белой пустыне северных земель...

Рассердившись на саму себя, я вскочила. А ну, хватит дурацких мыслей! Я права! Мы найдём Мокошь, и она нам поможет! Она вылечит Ратмира. И он женится на мне, вот и всё. Да, снежный цветок принесёт мне женское счастье.

Мы выдвинулись в путь почти в полдень. Хотя солнце и выглянуло из-за туч, стояло оно зимой низко, и вычислить время по нему я не могла. От белизны снега заболели глаза, и Забава протянула мне платок:

— Повяжи на глаза, Дана, а не то ослепнешь.

Князь в полном боевом вооружении взобрался на Резвого, я уже сидела на Асели, которая ворчала:

— Идти куда-то. Холодно. Ноги мёрзнут. Почему не остаться дома, а, травница?

— Молчи, Асель. Нужно ехать, — ответила я. — В конце концов, я тебе жизнь спасла, ты мне должна.

Она только вздохнула, поводя большой головой и закатывая верхнюю губу, но я не тревожилась за верблюдицу. Она мохнатая, не замёрзнет, да и отъелась на княжеском сене. Снизу послышался голос:

— Я с вами.

Глянув под ноги верблюдице, я увидела делового Бурана, который уже успел вывалиться в снег. Комья налипли на его шерсть, и я вздохнула:

— Оставался бы ты дома. Мы сами как-нибудь.

— Я следую за хозяином, — рыкнул пёс. — Вас одних оставлять нельзя.

Рогатину, которую принес мне по просьбе один из конюших, я пристроила между горбов Асели, верёвку привязала к седлу. Цветок покоился под лёгким полушубком, который я натянула на ещё три одёжки. Забава велела. В дальнюю дорогу нарядила меня, как капусту, в сто «листьев». Ну да, чем позже холод доберётся до меня, тем больше шансов у нас попасть в Ирей.

Я глянула на князя. Он посмотрел на меня, словно спросил: что дальше-то? Я кивнула:

— Тронулись, что ли.

И мы тронулись. В первые несколько километров пути я оглядывалась часто. Смотрела, как город тает в снежной пелене. Лес тянулся серой лентой справа, слева берёзовые рощицы, замотанные в белые платки, обозначали русло реки. А потом даже эти ориентиры закончились. Мы выехали в чисто поле.

— Куда теперь? — крикнул Ратмир.

— Строго на север, порядка сто метров, — пошутила я, повязывая на лицо мелкоячеистый платок. Он и правда спасал глаза от слепящего снега.

— Я не понимаю тебя, травница!

— Я сама себя не понимаю иногда, — пробормотала. Мы остановились, и я с помощью князя привязала верёвку к рогатине, а на другом конце верёвки надёжно закрепила цветок. Ратмир воскликнул:

— Зачем ты делаешь это?

— Цветок — это компас, — ответила я. — Знаю, не понимаешь. Главное, верь, что он покажет нам направление.

Ратмир протянул мне руку, и я вложила в его ладонь свою. Горячие пальцы пожали мою руку, любимый голос пробился через

порывы ветра:

— Я верю. Там, за Бореем, земля богов, и ты приведёшь меня туда.

Цветок вёл нас, как по стрелочке. Строго на север. Я знала это, потому что ветер усиливался. Жаль, что не в спину, а в лицо. Платок уже не спасал от слепящего снега, зато от ветра стал хорошей защитой. Не знаю, как Асель чувствовала себя, но мне на её спине ехалось зашибись. Можно было даже глаза закрыть, лишь изредка открывая их и проверяя направление по цветку. Ещё приходилось постоянно смотреть, чтобы Резвый не потерялся, и я протягивала руку, нащупывала бок лошади или колено седока. Где-то под копытами путался и Буран. Но за собаку я не боялась. Пёс найдёт нас по запаху.

Я боялась только одного — что ошиблась по всей линии и что цветок никакой не компас и не путеводитель. Куда мы забредём, одним богам известно. Ха-ха, очень смешная шутка! Богам известно! А больше никому не будет известно, где искать наши замороженные мумии... Но мы хотя бы умрём вместе!

— Травница!

Я протянула руку, нащупала перчатку князя, ответила криком:

— Что?

— Ветер крепчает!

— Это хорошо! Значит, мы на правильном пути!

— Лошади трудно идти вперёд!

— Цепляйся за верблюда, мы должны продолжать!

— Ну конечно, — донеслось до меня сердитое ворчание, — верблюд всё стерпит!

Верблюд у нас деревянный! Верблюд всех вытащит, только непонятно куда!

— Асели тоже трудно, но она не сдаётся, — назидательным тоном сказала я совсем не для князя. Резвый немедленно отозвался, но голос у него был действительно уставший:

— Боевые кони не сдаются никогда. Если упаду, значит, я мёртв.

— Никто не умрёт!

— Никто не умрёт, — эхом отозвался Ратмир.

Я только сжала его руку в ответ.

Не знаю, сколько времени мы боролись с ветром. Но почувствовала, что Асель дальше идти не может. Она спотыкалась

почти на каждом шагу и волочила ноги в снегу. Глянув на цветок, я выдохнула. Мы идём в правильном направлении, но сколько ещё так идти?

— Травница!

— Что?

— Спешимся! Животные устали!

Оценив обстановку, я кивнула. И то правда, мы отдохнувшие, а они нас на спинах тащат. Перекинув ногу через горб, я спрыгнула в снег. Асель, если ляжет, то уже не встанет. Князь оказался рядом со мной, подтянул коня за повод и схватил узду верблюдицы.

Связав их вместе, посвистел. Буран вынырнул из снежной пелены, высунув язык и щуря глаза.

— Иди сюда, Буранушка, — он схватил пса за шкурку и за хвост, безо всякого усилия поднял и закинул между горбов верблюдицы. Объяснил, не глядя на меня: — Рогатину держать кому-то ж надо.

— И то правда, — ответила я, перекрикивая ветер. — Двинулись!

И мы двинулись. Это оказалось несложно. Главное — равномерно передвигать ноги, чтобы ветер не сшиб. Лица я уже не чувствовала, губы превратились в каменные, и больно было ими шевелить. Руки тоже заledenели. Если бы не ладонь Ратмира, которая крепко сжимала мою, я бы давно села в снег и осталась там сидеть навсегда...

Но я знала, что рано или поздно, а скорее всего очень скоро наступит момент, когда наши руки разъединятся, и у меня не останется сил, чтобы идти дальше. Ноги налились свинцом, я тащила их за собой на чистом упрямстве. Казалось, что мы выехали из города три дня назад. Нет, вечность назад! Или две.

— Ратмир!

Он услышал, обернулся. Я пошевелила губами, чтобы разогнать заledenевшую кровь, и сказала с усилием:

— Я больше не могу.

— Надо, любая, надо! Вернуться нельзя, далеко! Надо идти вперёд!

— Не могу...

— Эх, травница!

Его насмешка ещё звучала у меня в ушах, когда он взял меня на закорки. Я повисла на его спине безвольной куклой, ругая себя и своё

нетренированное тело. Вон князь червивый — и то топает вперёд, когда и конь, и верблюдица уже выдохлись.

— Мокошь...

Я шептала, не в силах кричать. Только она может нам помочь. Только эта трёхметровая баба в шубе.

— Моко-ошь! Где ты? Нам нужна помощь!

— Что ты, травница? — Ратмир сбросил меня со спины, остановившись, приподнял платок с лица, похлопал по щекам. — Бредишь ли? Посиди маленько, отдохни.

— Не брежу. Дай мне цветок!

— Пошто тебе?

— Дай, говорю.

Стащила зубами варежки, приняла в ладони ледяной пластик цветка. Не может это чудо древнерусской технологии быть просто компасом. Вдруг в нём ещё и маячок есть? Или какой-нибудь пеленгатор? Нажму скрытую кнопку, и Мокошь ответит.

— Мокошь, — позвала я, приблизив цветок ко рту. Белый клуб пара обдал пластик, и тот засветился совсем чуть-чуть, почти незаметно. Я дунула уже сильнее — насколько хватило дыхания, и цветок вспыхнул ярким сиянием, снова угас. — Мокошь, если ты меня слышишь, мы здесь, на пути к Ирею, но ветер. Ветер не даёт нам пробиться. Мы умрём, если ты не поможешь нам.

— Диво дивное, — протянул ошеломлённый князь. С каждым моим словом цветок вспыхивал, как сигнальная лампочка. Мне и самой стало любопытно — той областью мозга, которая ещё не замёрзла. Микрофон? Передатчик? Хорошо бы, если бы это было так. Моё тело совсем окоченело.

— Она придёт, — убеждённо сказала я. Ратмир потянул меня вверх:

— Надо двигаться, любая. Идём!

— Я не могу.

— Немогучка, — бросил он сердито и, крикнув, снова перекинул меня через спину. Вот неугомонный, подумала я угасающим сознанием. И сильный. Крепкий. Только червивый.

А когда и Ратмир уже не смог тащить меня и тянуть коня с верблудицей, упал на колени, уткнувшись в снег лицом, в небе сквозь ветер и пургу показалась серебристая длинная сигара, похожая на

дирижабль и НЛО. Я видела её сквозь иней, намёрзший на ресницы, и восхитилась, что умираю в таком фантастическом сне. Надо же... инопланетяне! Как выдумала только такую фигню...

Из дирижабля показался широкий луч, будто тундру прожектором осветили. Он описал круг, сужая поиск, и наткнулся на нас. Меня ослепило, и я не увидела, как сначала животные, а потом и мы с Ратмиром поднялись в воздух, выше, выше, к самому дирижаблю.

Чувство полёта.

Невесомость.

Я лёгкая, как пушинка.

Я лечу.

Я сплю .

Глава 16. В доме Мокоши всегда царит порядок

Ноябрь, 23 число

Когда я проснулась, мне было тепло и удобно.

Не открывая глаз, прислушалась. Пели птички — щебетали, протяжно свистели, выдавая трели и коленца, как хорошо обученные кенары. Откуда в снежной пустыне птички? Неважно. Или важно? Может, я уже умерла и попала в рай? Я же не верю в рай! А говорят, каждому по вере его. Я всегда верила в перерождение душ, без участия какого-нибудь бога. Переродилась?

Нет. Г лупости. Я живая. Я могу двигать руками и ногами, я дышу, моё сердце бьётся. Отлично. Значит, подобравший нас дирижабль не был предсмертным глюком. Все ли живы? Ратмир?

Открыв глаза, я резко села. Не поверила тому, что вижу. Протёрла глаза кулаками. Снова глянула на мир.

Придётся поверить, Диана. Это рай, ёшкин кот! Самый настоящий цветущий сад Эден. И я посередине — сижу на кровати, неприлично гигантской и ошеломляюще мягкой. Сверху светит солнышко, его блики играют на моём лице, пропущенные ветвями незнакомых мне деревьев, покрытых мелкими розовыми цветочками. И птички есть, это правда. Не в клетках — на ветвях! Разноцветные, маленькие, вертялые, как попугайчики, голосистые, как соловьи.

Опустив глаза, я нашла на себе вместо моих тёплых одежек и платья с рубашкой простую белую тунику с разрезами почти до бедра по бокам. Талия перехвачена вышитым поясом, небрежно завязанным на узел. Ноги босые. Схватила за шею — камешек, мой оберег, на месте! Это хорошо! Не украли.

Всё, хватить сидеть, надо идти искать хозяев дирижабля и надеяться, что все мои соратники по походу выжили.

Я подползла к краю кровати и спустила ноги. До земли они не доставали, поэтому пришлось прыгать на свой страх и риск. Приземлилась я на травку, даже пощупать наклонилась — настоящая ли? Самая настоящая! Зелёная, сочная и такая же мягкая, как перина на

кровати. И росла травка прямо из земли, никаких покрытий, никаких тебе искусственных ковриков с уже высаженным газоном. Чудны дела твои, неизвестный инопланетянин... Да, где мне искать хозяев? Где Ратмир?

— Зря ты встала, красна девица, — слышался сверху глубокий певучий контральто. Как будто оперная певица молвила. Я подняла голову и увидела между высоченных деревьев высоченную женщину. Это она оставила цветок на поляне в лесу, она. Мокошь!

— Господи, спасибо, что это вы! — с чувством ответила я. — Ведь вы Мокошь?

— Да, меня так называют мои подопечные, — усмехнулась она, подходя. Как странно быть по пояс кому-то! Я смотрела женщине в пупок, и от этого стало страшновато. Она может меня раздавить, просто сев сверху! Однако Мокошь смотрела доброжелательно. Сверху вниз, конечно, но что поделать. Широким жестом она пригласила меня следовать за ней, одновременно сказала:

— Я удивлена, что ты смогла понять и применить цветок по назначению. Неужели моих подопечных всё же настиг неумолимый технический прогресс?

— Настиг, но не здесь и не сейчас, — ответила я. — Скажите, вы кто вообще? Я имею в виду. Почему вы такая большая?

Мокошь смирила меня покровительственным взглядом и громко рассмеялась. Как будто водопад рядом прошумел! Я ойкнула и прикрыла уши. Мокошь захлопнула ладонью рот, потом испуганно прошептала:

— Мой голос слишком силён для твоих ушей? Прости, я не хотела. Надо постараться запомнить!

— Я чуть не оглохла, — виновато пробормотала я.

— Что поделать, — вздохнула Мокошь. — Вот уж почти тысячу лет мы не общаемся с подопечными.

— Почему? Что случилось? Подопечные — это люди? А вы кто? Ведь вы не боги! Не поймите меня правильно. то есть, неправильно.

Я сбилась и замолчала, глядя на Мокошь. Она кивнула с улыбкой:

— Пойдём, красна девица, ты должно быть голодна. Я накормлю тебя и заодно побеседуем.

Но я остановилась, схватившись за сердце во внезапном озарении. Она ничего не упомянула о Ратмире! Не могу поверить, что он. что его.

— А где мой спутник? Где князь? — умоляющим голосом воскликнула и оглянулась. Другой кровати в саду не было. Я снова обратила взгляд на Мокошь, и та подняла руку в успокаивающем жесте:

— Не тревожься, он жив! Мы, иреане, умеем врачевать ото всех болезней ваше слабое племя, хотя сами не болеем. Твой спутник ещё спит, он слишком устал и замёрз.

— А животные?

— И за них не беспокойся. Все трое сейчас наслаждаются теплом и едой в достатке в моём саду.

Я огляделась. Мы шли к озеру, гладь которого блестела на солнце, чуть тревожимая лёгким ветерком. Плакучие ивы окружали воду, погружая в неё свои гибкие ветви. Накрытый стол под одним из деревьев показался мне сказочным. Да, я в сказке, как будто Алиса в Зазеркалье. Или нет, Маша в гостях у медведей! Или всё-таки Алиса, и с ивы на меня смотрит, улыбаясь, Чеширский кот?

— Мяу, — сказал громадный пушистый котяра и тяжело спрыгнул на стол. Мокошь подошла и взяла зверя в ладонь, нежно почесала за ухом. Кот зажмурился, бормоча: — Хорошо, очень хорошо... Ещё, ещё...

Я фыркнула, пытаюсь спрятать смех. Мокошь внимательно посмотрела на меня, спросила:

— Тебя веселит вид этого животного?

— Нет, — ответила. — Это просто кот.

— Я не просто кот, — возмутился тот. — Я единственный кот в этих местах!

— То-то я ни одного не видела раньше, — задумчиво сказала я. И правда. Ни в лесу, ни в тереме кошек не было.

— Гордись, что знакома со мной! — котяра распушил хвост, надулся и стал похож на большой шерстяной клубок.

— Горжусь, уверяю тебя.

Говорить ему про дворовых кошек, которых я подкармливала дома, не буду. Незачем.

— Скажи мне, девица, — удивлённо протянула Мокошь, — ты общаешься с этим котом?

— Да. Так получилось, что я понимаю все животных.

— Какой удивительный дар природы! — восхитилась она. — Почему я не догадалась раньше изучать языки животных? Надо попробовать!

— Жизнь потратите, — рассмеялась я. Женщина покачала головой с рассеянной улыбкой:

— Пустяки, мы бессмертны.

— Ну да, вы же богиня... Но, если вы богиня, то почему не говорите на языке животных?

— сообразила и подозрительно посмотрела на Мокошь. Она протянула мне кота и пригласила за стол:

— Садись, я постараюсь тебе объяснить. Не знаю, сможешь ли понять. Люди в целом неплохие, но скудоумие их главный порок. А ты. Мне кажется, ты другая. Ну, поглядим.

Мы устроились за столом, который был мне как раз чуть выше головы. Чтобы забраться на стул, мне пришлось карабкаться, подтянувшись на руках. Кот оказался ловчее и ждал, пока я устроюсь, уже на сиденье. Растянувшись у меня на коленях, попросил:

— Можешь почесать мне животик?

— Могу, — ответила и принялась аккуратно чухать миленькое пузико, покрытое серой шерстью в полоски. Потом подняла голову на Мокошь. Та улыбнулась умильно, села напротив и сказала:

— Люди должны любить котов, да?

— Люди любят котов. В моё время.

— Быть может, тебе стоит забрать его с собой? Он будет греть тебя ночью.

— И мышей ловить, — фыркнула я.

— Мышей? — лениво отозвался кот. — Мышей я люблю! Только здесь мне нельзя их ловить.

— Ладно, об этом потом, — сказала Мокошь. — Угощайся, девица. А я поведаю тебе историю иреан.

— Спасибо, — пробормотала я и взяла с тарелки большое красное яблоко, вгрызлась в него и оценила — сладкое!

— Сейчас, — пробормотала Мокошь. — Где это у меня тут?

Она повела рукой, и откуда-то из кроны дерева выплыл большой диск, на первый взгляд медный, с нанесённым на него рисунком. Приглядевшись, я узнала карту мира. Немного странную, но, тем не

менее, карту нашего мира. Континенты те же, моря и океаны тоже. Мановением руки Мокошь остановила диск на торце стола и сказала:

— Иреане издавна жили на всей земле. Повсюду, где ты видишь сушу, были наши дома и сады. Мы не мешали людям, но и не помогали им. Мы жили сами по себе, а они принимали нас за каких-то высших существ, которые могут повелевать стихиями, животными, растениями.

— За богов, — подсказала я.

— Да, это называлось примерно так. Но мы такие же жители этой Земли, не высшие и не низшие. Просто наша цивилизация очень стара. Очень! Иреане видели, как люди развивались, как они совершенствовали свои навыки и приобретали новые знания. А мы были уже прекрасны.

Она обвела взглядом сад и улыбнулась:

— Мы были совершенны и жили в гармонии. Когда-то наши предки сделали ставку на духовность и выиграли. Нам не нужны были орудия труда — ведь ментально мы могли создавать всё, что требовалось для жизни. Посмотри, я могу вырастить яблоко на этой яблоне, лишь подумав об этом!

Мокошь уставилась на цветущую ветку, склонившуюся над столом, и я поразилась. Один из цветов вдруг сморщился, лепестки медленно опали, а плод начал расти, превращаясь в маленькое и зелёное, а потом уже большое и красное яблоко. Мокошь сняла его с ветви и положила передо мной:

— Видишь? Всё так просто!

— Нифига себе, — только и смогла произнести я, осторожно ощупывая выращенный на моих глазах плод. На вид настоящий! Уверена, что и на вкус тоже! Мокошь, довольная произведённым впечатлением, продолжила:

— Ментальное и духовное — вот то, что занимало нас больше всего и занимало всё наше свободное время. Мы изучили своё тело вдоль и поперёк, изучили все болезни и уничтожили их. Искоренили. Иреане перестали болеть. Продолжительность жизни увеличилась и продолжала увеличиваться. Иреане познали долгожительство в двести, триста, пятьсот лет!

— Здорово-о-о! — протянула я, восхищённая. — Надо же, как вам это удалось?

— Ментальное, — пояснила Мокошь с улыбкой. Однако сразу же уголки её губ дрогнули, и улыбка исчезла с лица. — Правда, иреане при этом перестали рожать детей.

— Почему?

— А зачем? Дети — это продолжение рода, продолжение тебя самого. Зачем продолжать род, если ты живёшь долго и счастливо? Нет, конечно, это случилось не сразу. Просто в один момент мы оглянулись и не нашли подле себя малышей. Малыши выросли. Старики умерли. Мы остались. Бессмертные.

— Бессмертие всегда было целью человечества, — осторожно заметила я. — Как и жизнь без болезней и старости!

— Иреане достигли этой цели. Нас осталось гораздо меньше, чем людей, которые воевали, праздновали, влюблялись, рожали, изобретали колесо, подчиняли себе лошадей и слонов...

Мокошь направила ладонь на медный диск, и на нём вспыхнули несколько точек.

Арктика, Индия, Америка, север Африки, Европа, какой-то неизвестный мне остров посреди Атлантики. Может, у меня и географический кретинизм, но даже мне известно, что никакого острова там нет. Атлантида? На этой древней карте она есть и ещё не затонула. А что означают эти точки?

— В этих местах были наши города. Мы отделились от людей, которые захватывали всё больше и больше земель, укрылись под куполами, которые создали в защиту от возможных погодных катаклизмов. И стали жить в мире с собой и с той природой, которую мы сотворили ментальной силой.

Мокошь толкнула медный диск, не касаясь его, и тот улетел в соседние кусты. Женщина вздохнула:

— У меня всё есть, я могу сделать всё, чего у меня нет. Если скучаю — летаю в гости к другим иреанам.

— К Чернобогу, Перуну и Велесу? — подсказала я. Мокошь покрутила пальцами:

— Так их называли люди, так они и решили называться.

— А зачем цветок в снегу оставляете? — я решила сразу выяснить все интересующие меня подробности. Мокошь внезапно смутилась и порозовела. Вероятно, ей не хотелось признаваться, но пришлось, ибо я смотрела в упор и ждала ответ.

— Цветок — это приглашение, — пробормотала Мокошь. — Понимаешь, иногда я прихожу смотреть на людей, и всякий раз мне становится жаль женщин. Я оставляю им приглашение в мой сад, чтобы та, которая поймёт и захочет, пришла жить сюда в достатке и гармонии. Но никто не приходил до тебя...

— Прохлаждаемся? Рассиживаемся? Животинку чешем, да?

Обиженный голос Бурана заставил меня вздрогнуть и повернуться. Пёс стоял, вывалив язык, и возмущённо смотрел на меня. Я попыталась оправдаться:

— Но ведь Ратмир ещё спит!

— Где там! Уж проснулся, головой мается!

— Что говорит собака? — любопытно спросила Мокошь. Я передала ей слова Бурана, потом добавила от себя:

— Помощь нам ваша нужна. Вы сказали, что изучили человеческое тело, что умеете лечить любые болезни.

— Да, ваша конституция не отличается от нашей.

— У Ратмира в голове червь.

— Откуда знаешь? — встрепелась Мокошь. Её глаза заблестели, она даже вперёд подалась, чтобы не упустить ни слова.

— Понимаете. Мне цыганка дала камешек, — я коснулась кулона на груди и сбивчиво продолжила: — А он камешка мне передался дар — видеть внутри человека. Ну или кикиморы. Животного, наверное, тоже, но я ещё не пробовала! Вот я и увидела в его голове. В голове Ратмира! Там сидит червяк. Или змея. Не разглядела. Он причиняет боль. Я боюсь, что он убьёт моего князя.

— О! — восхитилась Мокошь. — Надо извлечь его из головы? Как давно я не могла практиковаться во врачевании! Поспешим же, поспешим! Моя лаборатория простаивает уже несколько веков!

Лаборатория находилась неподалёку. Маленький шатёр из белого полотна, будто походный лазарет времён Первой Мировой войны, стоял в сени огромных цветущих лип. Запах вокруг царил соответствующий — липового цвета. Мокошь остановилась у входа и предупредила меня:

— Я буду делать операцию. Это означает — много крови.

— Обижаете! — воскликнула я. — Я же будущий медик! Лекарь, то есть.

— Ох, девица красная, удиви-ила, — протянула Мокошь. — Знахарки женского полу бывают, знаю, но чтоб лекарки...

— А у нас равноправие, — пожала плечами я. — Ну, где же лаборатория?

— Проходи!

Внутри шатёр оказался просторным и светлым. В центре стоял постамент, на котором лежал, покрытый белым полотном, Ратмир. Я бросилась к нему, обняла, зацеловала всё лицо:

— Как я рада, что ты жив! Представляешь, я думала: всё! Думала, оба умрём!

Ратмир приподнял голову и сказал слабо:

— Любая. И правда, живы. Ну, мне-то уж недолго осталось. Уж вижу то, чего нет!

— Что это ты видишь? — я оглянулась на Мокошь, которая накинула на себя огромный белый халат и подвязалась пояском.

— Великаншу вижу, — шепнул Ратмир опасливо, глянув мне за плечо.

— Не беспокойся, она тут как раз настоящая, — улыбнулась я.

— Богиня, что ль?

— Можно и так сказать. И она тебе поможет!

— Как?

— Здрав будь, людской князь, — сказала Мокошь громко, и я поморщилась, закрыв уши. Иреанка снова напугалась: — Ой, прости, прости, я снова запаматовала! Буду шептать.

— Здравствуй и ты, матушка, — глядя снизу вверх, проговорил побледневший Ратмир.

— Сейчас я посмотрю, что у тебя в голове, — ласково улыбнулась Мокошь. — А ты лежи и не двигай ни одним пальцем!

Как это посмотрите? — заинтересовалась я. — У вас есть рентген?

— Значение этого слова мне незнакомо, девица, но я говорила тебе о ментальном, — она постучала пальцем по виску. — Когда хочешь увидеть то, что спрятано от глаз, надо хорошенько сосредоточиться. Но ведь и ты можешь видеть сокровище в теле, не так ли?

— Да, но... Всё из-за камешка, — ответила я ей.

— Твой камешек очень любопытен, — кивнула Мокошь. — Некоторые иреане верят, что подобные ему остались от ещё более древней цивилизации, но мы ничего не знаем о ней, кроме очень старых развалин.

— Осколок первой жизни, — пробормотала я. — Так сказал Хозяин Леса.

— Как это красиво прозвучало, — умилилась Мокошь. — Но не время для поэзии! У нас для поэзии Лель и Ярилушко! А я хочу извлечь непрошеного гостя из головы твоего друга!

— Да, давайте уже поскорее, а то я боюсь, что червяк съест ту малость мозга, что осталось у Ратмира!

— Травница, ты забываешься, — слабенько, но прорычал князь.

— А ты лежи и не двигайся!

Мокошь принялась колдовать и оглаживать руками воздух у головы пациента. То есть, конечно, использовать своё ментальное, чтобы увидеть богатый внутренний мир Ратмира! А я стояла рядом и не дышала, чтобы не помешать. Мой князь совсем обмяк и закрыл глаза, а иреанка восторженно шептала:

— Вижу, я вижу! Вот он! Ах, это прекрасно! Просто великолепно!

Я не понимала, что может быть великолепным в червяке, который жрёт человеку мозги, но помалкивала. Главное, чтобы богиня вытащила эту дрянь, а всё остальное — ерунда!

— Ну что же, — сказала Мокошь, опустив руки. — Я увидела всё, что хотела. Теперь приступим к операции.

Могу сразу сказать, что операция была проведена успешно. Правда, я надеялась увидеть суперсовременное оборудование или хотя бы лазер, но Мокошь действовала кустарно. Зубило, молоточек, лопаточки, пинцет. Вот и всё. Крови было немного, но достаточно, чтобы упасть в обморок. Я не упала. Гордо простояла у Ратмира, который находился в каком-то гипнотическом полусне и боли не чувствовал, держала его за руку. А когда иреанка пинцетом вытащила толстенького червяка со змеиной головой и победоносно выкрикнула: «Удалила!», я подставила заранее приготовленную склянку. Мокошь бросила червяка внутрь, а я завернула крышку.

Пока иреанка зашивала голову Ратмира полукруглой иглой — прямо как у нас! — я рассматривала противного гостя через толстое стекло. Червь метался из стороны в сторону, разевая пасть, как будто

кричал в агонии. Потом затих и свернулся в клубок. Мокошь наклонилась через моё плечо и заметила:

— Мне кажется, я знаю, что это за червь!

— Говорите же!

— Твой Ратмир был у атлантидов недавно? Конечно, это далековато, без серебристой птицы годы можно потратить туда-обратно...

— Атлантиды? Откуда вы взяли про атлантидов? — нахмурилась я. Золотые хазары.

— Зевс, мой дальний родственник, рассказывал, что это племя подселает своим врагам в тело паразитов. Вот таких змееподобных. Паразит устраивается в хозяине и начинает диктовать свою волю. Хозяин становится злым, сильным и раздражительным. Постепенно он убивает всю семью, друзей, слуг. А если таких подселённых несколько, то в конце концов они и друг друга убивают.

— Какая поразительная жестокость. — пробормотала я.

— Люди в основной своей массе поразительно жестоки, — кивнула Мокошь. — Всё потому, что они борются за блага. Атлантиды так завоёвывали целые страны. Вполне логичная стратегия тихой войны.

— Отвратительная стратегия! — я решительно отставила банку с паразитом и подошла к Ратмиру. Осмотрев шов на голове, убедилась, что зашито очень профессионально и красиво. — Он скоро очнётся?

— Время ничего не значит, — пожала плечами Мокошь. — Я перенесу его в кровать, больному нужно прийти в себя и потом, наверное, привыкнуть к жизни без паразита.

— Рана, — вдруг сказала я. — Рана, которую я вылечила!

— Что?

— Его ранила стрела атлантидов! Я залечила, уничтожила инфекцию, но не разглядела червя!

— Паразита невозможно определить, девица. Не казни себя. Посмотри, ты добралась до меня, помогла ему! Этот человек перед тобой в долгу. Отдыхай и наслаждайся жизнью в моём саду.

Я кивнула, снова обратив взгляд на Ратмира. Погладила его спутанные волосы, убрала их со лба. Славный мой князь, ты передо мной в долгу, но я не стану требовать оплаты счетов. Я слишком

сильно люблю тебя и готова спасать ещё и ещё. Только живи, только смотри на меня и зови, как раньше, травницей.

Глава 17. Изгнание из Ирея

Декабрь 25 число

В райском саду всегда было светло.

В райском саду всегда было тепло.

В райском саду со мной всегда был Ратмир.

Сколько раз за месяц, проведённый в гостях у Мокоши, я малодушно думала: вот если бы не возвращаться в терем и остаться здесь навсегда? Еды навалом, не надо озабочиваться стиркой и готовкой, не надо думать ни о чём. Есть котик, чтобы его гладить, есть собака, чтобы с ней играть, есть лошадь и верблюд на поболтать, вокруг поют птички, цветут и пахнут цветочки... А главное — мой любимый Ратмир, который полностью пришёл в себя и поправился. Когда он в первый раз открыл глаза после операции, очень удивился. Пришлось всё заново ему объяснять и рассказывать. Впрочем, его чувство ко мне не исчезло, что не могло не радовать.

Я повернулась на бок, глядя на Ратмира. Он лежал, заложив руки за голову, и смотрел в небо. Это было не настоящее небо, и я ему объяснила, что Мокошь установила над своим садом купол. Из чего — не знаю, не вникала. Ментальное. И солнце не настоящее, и ветерок, колышущий ветви деревьев. Иреанка создала себе иллюзию рая, в котором жила тысячу лет, пока на Арктиду не пришёл вечный снег и мороз. Она, как и её соплеменники — остальные иреане, сбежала от настоящей жизни в придуманную. Я не хотела быть, как она. Поэтому прекрасно понимала, что наступило время возвращаться в Златоград.

— О чём ты думаешь, мой князь? — спросила с улыбкой. Он скосил на меня глаза, оглядел всю целиком — как есть, голую, неприкрытую, расслабленную, истомлённую, — повернулся и обнял, прижался носом к щеке, сказал:

— О тебе.

— Раньше ты никогда обо мне не думал, — я даже зажмурилась, чтобы не спугнуть такое счастье. А Ратмир продолжил, целуя в висок:

— Думал. И теперь думаю. Любая моя. Рудая. Замуж за меня пойдёшь?

— Нет, — ответила я быстро, хотя очень хотела сказать «да».

— Ты мне отказываешь? — он нахмурил брови, отстранился и вгляделся в мои глаза. — Пошто?

— По то! — передразнила я его. — Ты меня использовал, княжон своих заставил щупать и выбирать! А со мной только спал. Удобно, правда?

— Чего ты, травница! Аль боишься, что оставлю тебя? Так не оставлю! Не в наложницы беру — в жёны!

— Он меня берёт! Гляньте! Чтоб взять, надо сначала хорошенько попросить! А ещё надо, чтобы та, которую берут, согласилась!

— Да ты совсем ополоумела, девка!

Ратмир вскочил с кровати, спрыгнув на траву, запустил пальцы в волосы. Я подползла к краю и с улыбкой смотрела, как мой любимый бесится. А он бесился. Стукнув кулаком по дереву кровати, он рявкнул:

— Силой возьму, если будешь противиться!

— Ой! Прямо силой! — протянула я сладко. — И супружеские обязанности тоже силой будешь справлять?

— А и буду!

— Ну иди, иди сюда, возьми меня силой! — я фыркнула и откинулась на подушки. Ждала, пока Ратмир вскарабкается на высокую Мокошьину кровать. Но он только прислонился к ней, не глядя на меня, буркнул:

— Толку-то... Я тебя хочу любовью, а не силой.

— Придётся потруди-ться, — протянула я. — Так тяжело-о, так тру-удно сказать: «Прости, я был неправ!»

— В чём это я был неправ?

Я отмахнулась:

— Практически во всём. Неважно. Просто попросить прощения ты не можешь. Так и запишем.

— А если я тебе скажу твоё имя?

— Типа я его забыла? — снова фыркнула. Ратмир покачал головой, как будто я была абсолютно безнадёжна, и ответил:

— Настоящее имя. То, которое только близким людям открывают.

— Откуда ж ты его знаешь? — скептически спросила, а он подтянулся на сильных руках, оказался рядом со мной и, приблизившись, сказал на ухо:

— Руда ты. Диана эта — тьфу, чужое имя, даже звучит странно! А ты Руда!

«Не играй с тем, что сильнее тебя, Руда».

— Но как ты...

— Ты пришла, травница, ты не знаешь всего того, что дети впитывают с молоком матери, — Ратмир убрал волосы с моего лица, погладил по щеке. — Я почувствовал его, твоё имя.

— Вот трудно! Рыжая, рудая, Руда, — пробормотала я, а он усмехнулся:

— Руда это цветок. Самый редкий, самый важный для ведьмы. Ежели его найдёт — останется вечно молодой!

— Что же я — вечно молодая ведьма? — рассмеялась, обнимая его. Ратмир закрыл глаза, зарывшись носом в мои волосы, шепнул:

— Ты моя ведьма, мой цветок, моя руда. С тобой я останусь вечно молодым.

— Если я соглашусь выйти за тебя, — исключительно из вредности ответила я, отдаваясь во власть его рук. Ратмир поцеловал меня долго и нежно и, пока я упивалась его губами, спросил ещё раз:

— Пойдёшь за меня? Будешь моей княгиней?

— Буду, — выдохнула, смешивая наши дыхания. — Куда ж я денусь...

— Ты ведьма, рудая, ты исчезнешь, растворишься в лесу. А я не хочу искать тебя снова всю жизнь!

— Пафосно, как всё это пафосно!

Я вздрогнула, оторвавшись от любимого, и бросила подушкой в кота, который вскарабкался на кровать и теперь сидел, наблюдая за нами. Но промахнулась. Кот презрительно фыркнул, неторопливо встал, выгнул спину и сказал:

— Мокошь идёт, прикройтесь, соромщики!

В него полетела брошенная меткой рукой Ратмира вторая подушка, которая достигла цели. С громким возмущённым воплем: «Убивают!» кот шуганулся с кровати, а я натянула на себя покрывало, оглянулась.

Иреанка шла к нам через сад, подметая траву своим длинным белым одеянием. Глядя на неё, я отчего-то подумала — что-то случится. Она скажет нам плохую новость. Такую плохую, что хоть топись.

Мокошь остановилась у кровати, сложив руки на животе, и сказала добродушно:

— Добрый молодец, ты больше не болен. Красна девица, вам надобно вернуться домой.

Я кивнула. Остаться не получится, а ведь хотелось. Пора собираться в обратный путь, в зиму и хлопоты. Как там моя одинокая русалка, которой не спится? Как там Бер и Кики?

А Отрада, наверное, так выросла.

— Замёрзнем по дороге, — скептически ответил Ратмир. Мокошь махнула рукой:

— Серебряная птица отнесёт вас к самому городу, не страшись. Девица, пойдём-ка поговорим.

Я заметила подозрительный взгляд князя, но решила, что объясню ему позже. Нашла под покрывалами свою белую тунику, натянула её на голое тело и спрыгнула с кровати. Мы направились к столу у озера. Мокошь опустилась прямо на траву, а я осталась стоять. Так наши лица оказались на равной высоте, и стало понятно, что иреанка хочет поговорить о чём-то очень важном.

Сорвав травинку, Мокошь сунула её в рот и покачала головой:

— Я привязалась к вам и вашим животным. Мне не хочется вас отпускать, но так будет лучше. Ведь я богиня, как говорят ваши люди, а боги должны помогать своим подопечным.

Я слушала, не зная, что ответить. Мокошь повела рукой в сторону озера, и водная гладь пошла рябью. Сказала грустно:

— Скоро ничего этого не останется.

— Почему? — не выдержала я.

— Потому что ментальное не может побороть силы природы. Как мне ни хотелось сохранить Ирей для нас, иреан, его сметёт с лица земли. Вам, людям, тоже придётся покинуть обжитые места на побережье, ибо грядёт землетряс, который принесёт волну.

— Нифига себе новости... — только и смогла ответить я. Потом спохватилась: — А это точно? Может, вы что-то перепутали? У вас есть приборы и какой точности?

— Я долго не могла быть уверенной. Теперь знаю наверняка.

Мокошь положила ладонь на землю, пригнув траву, и закрыла глаза.

— Земля двигается, — сообщила. — Я слышу её движение. Она скрежещет и с натугой двигает плиты коры. Ты знаешь, что земля может двигаться?

— Знаю, — нетерпеливо ответила я. — Проходили в школе! Но когда это всё случится?

— Скоро. Весна не успеет наступить на побережье, как его смоем водой на многие вёрсты. Забирай своего спутника, животных, увози кота. И снимайтесь с места, не оставайтесь так близко к Борею.

— А как же вы? — спросила растерянно. — Как же купол и этот сад? Всё погибнет?

— К моему сожалению, да. А я. Я не знаю.

Мокошь огляделась, с улыбкой обвела взглядом любовно выпестованный рай под куполом, сказала задумчиво:

— Быть может, для меня будет лучше остаться здесь. Время ещё есть. Мы с иреанами обсудим всё вместе и решим. А вы — летите домой, люди. Спасайтесь, чтобы продолжать жить.

— Это так. грустно, — я покачала головой.

— Грусть не всегда бесполезна. А для тебя у меня есть подарок, красна девица!

Мокошь махнула рукой, и крохотная птичка принесла в клюве, положила ей на ладонь маленький блестящий кулон на тонком светлом шнурке. Надев его мне через голову, иреанка сказала удовлетворённо:

— Это тебе за то, что обнадёжила меня. Теперь я знаю, что люди когда-нибудь достигнут вершин знания.

— Спасибо, — пробормотала я растроганно, разглядывая круг солнечных лучей, в котором был заключён ромб, поделённый на четыре квадрата. Кулон оказался маленьким, но тяжёлым, лёг рядом с оберегом в ложбинку между грудей и потеплел от контакта с кожей.

— Поблаговаришь меня после, — усмехнулась Мокошь. — Это не просто безделушка, это часть меня самой и моего ментального. Он настолько силен, что исполнит любое желание. Но только одно! Запомни, одно желание, самое сокровенное!

— Я запомню.

— А теперь иди. Ваша одежда ждёт вас, конь, собака и верблюд уже в серебряной птице, не мешкайте, люди. И да, атлантиды больше вас не беспокоят. Зевс с огромным сожалением наблюдал вчера за гибелью их империи в пучине океана. Мы все опечалены, но

цивилизации гибнут, на их смену приходят новые, и жизнь продолжается.

Жизнь продолжается. Эти слова я повторяла себе вновь и вновь, когда, сидя в чреве серебряной птицы, то есть дирижабля, мы летели над белыми торосами, над Бореєм, над снежными бурями к Златограду. Мокошь не сопровождала нас, она осталась под своим куполом ждать землетряс. А я прижималась к Ратмиру, грея ноги в шерсти Бурана, и мне хотелось плакать от жалости к этой расе огромных, мудрых, но уставших существ. Для них жизнь закончилась тогда, когда они перестали желать новых высот и новых побед. Иреане были обречены на вымирание, потому что достигли всего.

А мы должны спасти город, княжество, людей.

Мы должны идти на юг. Туда, где не достанет цунами, предсказанное Мокошью.

— Ратмир, придётся покинуть город и вести людей на юг.

Он удивлённо посмотрел на меня, нахмурился:

— Что ты такое говоришь?

— Движение тектонических плит, — неуверенно ответила я, — создаст давление, от него возникнет землетрясение и, как следствие, цунами, которое затопит побережье на многие вёрсты...

Хрен его знает, как оно будет, но такое объяснение самое правдоподобное, если вспомнить школьную географию. Но Ратмир ничего не понял и сообщил мне об этом. Я сказала:

— Просто поверь. Мокошь доверила мне спасти твой народ. Если мы не уйдём на юг, далеко-далеко от побережья — мы умрём все.

Князь ничего не ответил, только обвёл взглядом нутро дирижабля. Коснулся пальцами зажившего шва на затылке, вздохнул. Потом медленно произнёс:

— Я верю тебе, Руда. Верю. Мы пойдём на юг.

Замысел Мокоши я поняла, только когда мы приземлились. Иреанка хотела, чтобы мы пустили пыль в глаза простому люду, а может и показались бы самими богами. Сверкающий на зимнем солнце дирижабль мягко сел на снег прямо перед воротами города. Мы вышли из него рука об руку — Ратмир, мой светлый князь, прямой и статный, высокий и широкоплечий, и я, княжья травница, почти княгиня, в своих ста одежках. Но нос я вздёрнула повыше, чтобы не дай космические силы горожане не подумали, что я прислужница,

ведьма. Я не ведьма! Я обласканная Мокошью будущая княгиня. У меня даже её подарок есть, который я никому не покажу, даже Ратмиру.

Ворота перед нами распахнулись сами собой. Дружинники, мастеровые, бабы в кокошниках, а особенно детишки стояли и смотрели во все глаза на «серебристую птицу». Некоторые даже рты поразевали! За нами из чрева дирижабля вышли Резвый с Аселью, выскочил Буран, который принялся кататься по снегу, чихая и отфыркиваясь. Вслед за псом выскользнул ошалевший от снега кот и выдал тираду:

— Я не думал, что здесь так холодно! Я бы лучше остался в саду большой бабы!

Для всех, кроме меня, его сообщение прозвучало громким всполошённым мявом, и люди напугались. Даже стража подняла оружие! Князь оглянулся на кота и тихо спросил у меня:

— Зачем нам этот зверь?

— Он будет мышей ловить, — так же тихо усмехнулась я.

— Посмотрим, — пробурчал он и положил руку поверх моей, лежавшей на сгибе его локтя: — Пойдём, рудая моя, готовиться к свадьбе.

— А как же твои невесты? — не удержалась я от иронии. Ратмир мотнул головой:

— Что мне до них! Я свою княгиню уже нашёл! Пусть собираются в обратный путь.

— Надо им сказать про цунами! Всем надо уходить.

— Скажу. И людям объявлю сегодня же. Подготовиться к долгой дороге — это не в соседнее княжество съездить.

Мы вступили в город, миновав ворота. Я оглянулась. Дирижабль дрогнул, бесшумно поднялся над снегом, а потом взмыл в небо, удаляясь за Борей. С грустной улыбкой я проводила его взглядом. Прощай, Мокошь! Надеюсь, ты покинешь свой рай до начала катастрофы...

Люди кланялись князю с опаской. По привычке, скорее. Настроение их мне не очень понравилось. Перешёптывались за спиной, толкали друг дружку в бок, качали головой. Ратмира не было почти месяц, что тут случилось за это время — я даже представить боюсь. А ведь ему надо как-то убедить народ следовать за нами в неизвестность, в другие земли! Нет, сейчас я думать об этом не стану.

Сейчас я хочу увидеть Мыську с Отрадой, поговорить с Забавой, хочу свадьбу! И есть! И чуть-чуть прилечь.

На парадном крыльце терема нас ждал Добрыня. Из-за плеча его выглядывала встревоженная княжна Любава. Оделась она, видимо, впопыхах, потому что нянюшка, ворча, поправляла на её плечах соболиную шубу. Любава без единой извилины в головушке, которую прятали до возможной свадьбы в светлице да под платками, — и Добрыня, брат князя? Вместе на крыльце? Есть в этом какой-то нонсенс, да мне пока не понятно, какой именно.

А вот Ратмир смекнул сразу. Он глянул на меня и улыбнулся, потом спокойно стал подниматься по ступеням длинной парадной лестницы. Добрыня изобразил на лице усмешку и задрал подбородок, чтобы стало ясно, кто тут теперь хозяин. А-а-а, вот оно что! Держу пари: пока Мокошь лечила Ратмира, кто-то объявил себя светлым князем Златограда, женился на Любаве, чтобы заполучить поддержку обийских восьми сотен воинов и выход к морю!

— С-сука, — прошипела я совсем неслышно. Ратмир похлопал по моей руке успокаивающе, а сам поднялся на последнюю ступеньку, вынудив брата потесниться:

— Ну, здрав буди, Добрыня Велимирович! Что же, как дела в княжестве шли, покамест я в Ирей летал?

— В Ирей? — пробормотал Добрыня, словно смутившись. А Ратмир глянул ему за плечо:

— Вижу, и невестушку себе подобрал! Хвалю, братушка, хвалю! Лепа, пригожа, ладна! А и Обийск за нею, сила ратная да морской путь!

Добрыня, видимо, уже опомнился, потому что перешёл в наступление:

— Да и ты, братушка, времени зря не терял! Сношал свою девку-травницу, на травке Ирея валялся да пирожки едал! Что ж не остался там, Ратко? Чай там хорошо!

— Тебя, недалёкого, спасти вернулся. А ты место моё занял. Добрыня, негоже так, ой негоже.

Ратмир плечом отодвинул брата и прошёл в терем. А я выдохнула. Только сейчас поняла, что не дышала всё это время. Мой князь крутой, круче крутых яиц! А Добрыне так и надо

— выбрал себе бесплодную жену, наследника будет долго ждать!

Мы поднялись прямиком в светлицу Ратмира, и там я наконец сбросила тулуп и все остальные одёжки до платья. Повалилась на кровать, распластавшись по меху покрывала безвольной морской звездой. Рядом вспрыгнул просочившийся вслед за нами кот, замыкал жалобно:

— Ты обещала мне мышей, человек! Где мои мыши? Я хочу мышей!

— Да ты капризуля, оказывается, — удивилась я, погладив его по круглой голове между ушей. — Иди на кухню, в кладовую, притаись до ночи и получишь мышей!

— Как это? Мне их принесут?

Я не выдержала и рассмеялась. Ратмир удивлённо смотрел на меня, не понимая, отчего такое веселье. Я объяснила сквозь смех:

— Кот нам попался воистину княжеского рода! Ждёт, что ему мышек принесут на подносе! Кот, тебе придётся их ловить!

— Ловить? — он показался мне напуганным и даже где-то оскорблённым. Выгнув спину, закашлялся и отрыгнул на соболей комочек шерсти, а потом сказал гордо: — Я не знаю, как это — ловить мышей. Я никогда не ловил мышей и вряд ли стану это делать!

— Тебе придётся, — жёстко сказала я и спихнула его с кровати, потом брезгливо смахнула безоар на пол. — Тоже мне, нахлебничек!

— Я домашний, я глубоко домашний кот! Я не уме-ею! Меня нужно холить и лелеять! — мяукал полосатый паразит, ходя вокруг кровати и примериваясь снова вскочить на неё. В светлицу вошёл Буран и без слов взял кота за шкурку, унёс куда-то. Я понадеялась, что всё же вниз, на кухню, и сказала Ратмиру:

— Теперь твой брат тут князь. А ты что же?

— Поспешил Добрыня, поспешил, — Ратмир улыбнулся одними губами. Глаза его остались серьёзными и злыми. Предательство брата задело его за живое, я видела это. Пожалела Добрыню. Это плохо закончится, ох чую, очень плохо.

— Ратмирушка! Братец мой любимый!

Забава ворвалась в светлицу, упала перед братом на колени, принялась ему руки целовать. Ратмир сдвинул брови:

— Что ты, Забава? Встань!

— Прости меня, прости меня дуру глупую! Думала уж не вернёшься ты!

— Потому и позволила Добрыньке на княжеский трон сесть?

— Прости, прости... Не верила я в Мокошь и в Ирей! В ноги ей повалюсь, буду молитвы говорить и жертвы приносить целый год!

— Будешь, будешь, — усмехнулся Ратмир, поднимая ключницу на ноги. — Сядь, Забава, не сержусь я на тебя. На Добрыньку зол. Но отдавать ему княжество не намерен!

— Ратмир, ну какое княжество, — протянула я с кровати. — Нам новое княжество надо создавать, забыл?

— Здравствуй, травница, — кивнула мне Забава. — Сберегла мне брата, благодарю тебя за это.

— А ты, Забавушка, не благодари, — фыркнула я. — Ты лучше помоги.

— Я всегда готова! В чём помогать-то?

Я выразительно посмотрела на Ратмира. Он скривил губы, но всё же решил сказать сестре:

— Уходить надо на юг. Здесь скоро будет море, Забава.

— Как это море? — не поняла ключница. — Откуда вы это узнали?

— От Мокоши.

— Ох матушки святые роженицы! — Забава всплеснула руками, с ужасом глядя то на меня, то на Ратмира. — Как же так-то? Боги на нас посылают море? За какие такие грехи-то?

Я с кряхтением встала с кровати. Забава следила за мной с подозрением в глазах. А что я? Я же не могу ей сказать, что никакая Мокошь не богиня, что она такой же человек, как и мы, только в два раза выше... Нельзя разрушать веру. Вера помогает нам перенести испытания, будь то вера в богов или в науку.

— Забава, — я присела рядом с ней, взяла её за руку, — боги посылают море не на нас. Иначе бы не предупреждали, чтобы мы убрались отсюда! А мы должны их послушать. Понимаешь?

Она закивала меленько. Будто в голове не могла уложить такую информацию. Но ничего, она справится, она баба умная. Вот остальных баб надо за собой тянуть. А бабы своих мужиков уговорят. Так с божьим благословением, то есть, с благословением иреанки, и избежим опасности.

— Ты иди, иди, Забавушка, поговори с бабами на кухне, в людской. Пусть знают, что надо сниматься с места, иначе все умрём!

Ключница вскочила, глянула на брата:

— Так иду я, да?

— Иди, — разрешил Ратмир. Когда Забава вышла, присел со мной рядом, взял за руки, прижал их к своим щекам: — Любая моя, ежели вместо меня Добрыня князем будет, ты со мной останешься?

Я даже рассмеялась, уткнувшись лбом в его голову:

— Ну ты даёшь! Думаешь, я за тебя иду, потому что ты князь?

— Девицы любят богатство да власть мужа.

— Ну, я, конечно же, как все остальные девицы, да.

Подумала — может, обидеться на него? Или пусть живёт? Ратмир словно почувствовал эти мысли и обнял меня, согрел губы жарким поцелуем, потянул завязки пояса:

— Раз так, красна девица, иди-ка покажи мне свою любовь!

Но я вывернулась из его объятий. Хотя тело горело от желания, разум говорил, что я должна сначала увидеть Отраду и убедиться, что с ней всё в порядке. Конечно, Забава не дала бы ничего сделать с дочерью Ратмира, но надо быть уверенной в том, что малышка жива-здора и находится при Мыське.

— Руда! — повысил голос Ратмир. — Куда ты? Я твой князь и господин, я хочу, чтобы ты меня приласкала!

— Князь и господин, — ласково ответила я, завязывая пояс, — тебе ли не знать, что я тебя люблю, но делать всё буду всегда так, как захочу. А ещё я буду ласкать тебя тогда, когда сама этого захочу!

Он прикрыл глаза, качая головой. Запустил пятерню в волосы и с яростью бросил в пространство между нами:

— Что ж мне так не везёт-то?! Нашёл девушку, которую полубил всем сердцем, так она оказалась строптивой, как степная кобылица!

Потом глянул на меня искоса и спросил:

— Может, тебя выпороть, а, Руда? Как думаешь, поможет?

Я со смехом вышла из светлицы. Не-а, не поможет, дорогой мой Ратмир! Мучайся теперь всю жизнь.

Мыська с детьми нашлась в дальней светличке, где было совсем крохотное окошко и огрызок бока печи. Она кормила грудью маленькую Отраду, напевая тихонечко песенку, а Волех лежал рядом, играя вырезанной из дерева и заботливо отполированной куколкой. Когда я вошла, он как раз засунул её в рот, пытаясь почесать дёсны. Сколько это ему уже? Месяца три? Рано зубки чесать ещё! Мыська

подняла голову и замерла. На лице её появилось выражение робкой надежды. Я сказала с улыбкой:

— Ну привет. Я вернулась. А вас опять куда-то с глаз долой из сердца вон...

Она качнула головой, словно стыдясь за своё положение. И правда что, все её гонят отовсюду. Отрадушка девочка, а вот был бы наследник! Ох нет, очень хорошо, что она девчонка! Мальчишку уже удавили б в колыбельке. Много ли младенчику надо.

— Мыська, скоро всё изменится. Обещаю. Мы отправимся на юг, построим новый город и будем жить хорошо.

Я подала Волеху куколку, которая выпала из неловкой ручки, и сказала ему персонально:

— А я позабочусь, чтобы у вас всё было. Всё-всё! И даже новый папа.

— Дай тебе Мокошь здоровья, милая моя, — чуть ли не в слезах ответила Мыська. — Добрыня-то нас вообще хотел выгнать, а Забава упёрлась, не дала!

— Ничего, ничего, — мстительно сказала я. — Карма и его настигнет.

— А что ты там говорила про нового папу? — любопытно спросила Мыська, сразу веселея, хотя и не поняла, что такое карма.

— Да есть у меня для тебя жених. Правда, не молод и не слишком красив, но добрый и заботливый. А если ты полюбишь его всем сердцем, он станет тебе самым лучшим мужем на свете!

Мыська склонила голову к Отраде, и я подумала, что она разочарована. Но девушка пробормотала с чувством:

— Пусть и стар, и уродлив. С лица воду не пить. А забота и доброта — главное в мужчине.

Улыбнувшись довольно, я кивнула:

— Ну вот в пути с ним и познакомишься. Припасай детям тёплое, скоро выезжаем.

И вышла. Мне ещё кой-куда надо сходить, предупредить лесных жителей. За болотных и речных я волноваться не стану, они и в море выживут. А вот леса скоро не будет. Бера надо брать с собой. Хозяин Леса в пути будет большим подспорьем, да и проклятье его Мыська снимет без труда.

Эпилог. С божьим благословением...

Январь, 1 число

Как символично, что моя свадьба будет в первый день нового года!

Ну и что, что у здешних славян год начинается с сентября! Для меня он, как и всю мою жизнь, начнётся сегодня. И после свадьбы мы уедем. Телеги уже готовы, нагружены, дружина наготове, все ждут. А мы одеваемся. Причём в попираание всех традиций меня одевают в светлице жениха.

Уж как Забава противилась, как причитала, что негоже, как настаивала на соблюдении вековых правил, а я сказала, что не боюсь гнева богов. Да и свадьба наша с самого начала была собранием сплошных нарушений. Без сватовства, без посиделок, зимой! Но ждать я не хотела. Чего ждать? Когда найдём новые земли, когда город построим... Когда ещё это будет. Лучше уж сразу, пока мы ещё здесь, на старом месте.

Девушки пели. Песня была грустная, тягучая, но красивая. И пели они её красиво, на разные голоса — кто выше, кто ниже, кто речитативом. Одевали меня тоже слаженно. Сперва обтёрли душистыми рушниками, потом рубашку натянули, платье новое, льняное, вышитое. Поясом три раза обернули вокруг талии — и поплевали налево и направо. Видно, нечисть отгоняли. Я только улыбнулась про себя. Нечисть мне мешать не будет, нечисть меня любит.

— Причитать надобно, — подала голос Забава. — Говорила ж тебе, травница! Причитать да плакать.

— Не буду я причитать, — отказалась в который раз. — Не боюсь я леших да кикимор. И колдунов не боюсь, я сама ведьма!

— Ай! — отмахнулась она. — Всё не по-людски. Княжья свадьба, пир на весь мир должен быть, а тут.

— Будет пир, Забавушка! — я вырвалась из рук девушек и обняла золовку. — Вот устроимся на новом месте и закатым пир! Обещаю.

— Ай, — повторила она уже как-то совсем горестно. — Когда ещё устроимся, когда ещё доберёмся. Ведь дикие племена на юге, боязно туда соваться!

— Прорвёмся, Забава! Веселись — свадьба же!

— Куда веселиться. Плетите, девки, косы невесте, — велела ключница. — Да на капище поспешим. Рассвет уж близко!

Одна из девушек взяла рушник и обвязала его одним концом вокруг моего запястья. Две другие разделили волосы на пробор и принялись плести две косы. Я терпела, потому что ненавижу такую причёску. Ничего, потом расплету нафиг, вот только свадьба закончится.

После на меня накинули платок, покрыв косы, и повели наружу. Всё так же с песнями и грустью. А мне грустить никак не удавалось. Сегодня я соединю свою жизнь с любимым мужчиной. И пусть я нашла его не в то время, не в том месте, где хотелось — я его всё же нашла! Трижды спасла от смерти, и снова спасу — не только его, но и весь город.

Почти весь.

Краем глаза из-под платка я заметила Добрыню. Он смотрел на меня с презрением и немного — с вызовом. Да, Ратмир пытался, честно пытался уговорить брата ехать на юг. Но тот отказался, не веря в цунами, в море, которое затопит побережье, и в нашу честность. Думал, хитростью Ратмир хочет заставить его отказаться от княжества и снова стать младшим и бесправным. С ним оставалась половина города. Люди разделились на два лагеря: одни не хотели покидать насиженное место и свой скарб, другие боялись смерти и решились бежать. Я жалела тех, кто не с нами, но ещё больше я жалела себя и тех, кто стали мне близки. Пусть впереди нас ждут испытания и возможные потери, но мы должны двигаться вперёд.

Меня вела Забава за рушник, как козу на привязи. По идее она должна меня вручить Ратмиру на капище, где старый белогривый волхв — который тоже собрался с нами в поход — поженит нас перед идолом Мокоши. Идол, кстати, выкопают сразу после обряда, уложат в телегу и с почестями повезут на юг.

Ратмир ждал меня в обществе своих сотников. Их было трое, да двое десятников, в том числе и тот, с порванной ноздрей. Моих спутниц было тоже пять. Забава подвела меня к Ратмиру и обвязала

другим концом рушника его запястье. Я подняла глаза на любимого и улыбнулась немного растерянно. Я ничего не знала об обрядах этого времени и боялась, что сделаю что-то не так. Фиг с ними, с лешими, с кикиморами и ведьмами. Не хочу разгневаться Ратмира. Но он смотрел на меня счастливыми глазами. Всё хорошо. Всё будет хорошо...

— Матушка наша, Мокошь-богиня, благослови этих двоих любящих друг друга на долгую семейную жизнь, дай им множество детей, позволь им пройти все испытания достойно и уверенно.

Напевный и глухой голос волхва доносился до меня, как из тумана. Вспомнилась добрая улыбка иреанки. Спасётся ли она или останется тонуть со своим кораблём? Увидимся ли мы ещё когда-нибудь? Какие испытания ждут нас с Ратмиром на жизненном пути?

— Ратмир, берёшь ли ты эту женщину под свою защиту и покровительство? Клянёшься ли быть добрым мужем, хранить ей верность до конца жизни?

Пальцы князя нашли мою ладонь, сжали её крепко, и я услышала его голос:

— Беру. И клянусь.

— Дана-травница, согласна ли ты быть под защитой и покровительством этого мужчины, клянёшься ли быть ему доброй женой и хранить верность до конца жизни?

— Согласна, — громко ответила я. — И клянусь.

Возможно, слишком громко. Даже вороны снялись с ближайшего дерева, каркая, полетели куда-то. Или это посланницы Мокоши возвращаются в Ирей, чтобы принести ей добрую весть о нашей свадьбе?

— Идите по миру рука об руку, теперь вы муж и жена, — милостиво разрешил волхв. Ратмир наклонился ко мне, с улыбкой спросил:

— Ты счастлива?

— Очень, — ответила, задохнувшись от нежности. — А ты?

— Наверное, да. Я ещё не понял.

Лукавый взгляд, поцелуй... Возглас Забавы:

— Слава молодым!

Волхв развязал наш рушник, повернулся к тёмному от времени и непогод идолу Мокоши

— высокому, в человеческий рост, столбу с очертаниями женского тела и головой, обтёр белоснежной тканью лицо, грудь и живот богини, свернул рушник и подал мне:

— Храни его, Дана-травница, так же рьяно, как и огонь в очаге вашего супружества.

Забава приблизилась, шепнула:

— Это оберег для тебя и мужа, для ваших деток! Ой, пусть будет много деток! Много наследников!

— Будет, — тихонько рассмеялась я. — Но сперва надо добраться до новых земель.

— Отправляемся, — решительно сказал Ратмир. — Теперь нас здесь больше ничего не держит. Волхв, унесите Мокошь.

Я прильнула к боку теперь уже законного мужа и взглянула на длинный обоз из телег и верховых лошадей, спросила негромко:

— Точно больше не хочешь поговорить с Добрыней?

— Он давно вырос, стал мужчиной, женился. Сам решил, что останется, не мне его неволить. Пойдём, любая моя, нас ждёт дальний путь.

Я кивнула с грустью. В лесу осталась моя пустая избушка. Травы я забрала с собой, чтобы было чем лечить людей в пути. Мыська с Отрадой и Волехом давно в телеге ждут отправления обоза. Кот притёрся к ним — поближе к еде. Только жаль, что Бер не пришёл.

Снег заскрипел за спиной, кашель сотряс воздух. Я обернулась быстрее молнии и увидела сгорбленного старика с посохом. За плечом его висела котомка. А глаза — блёклые и угасшие — вдруг вспыхнули молодым жарким огнём, и Бер спросил:

Что ж меня не подождали?

— Ждём до победного! — радостно улыбнулась я. — Идём, Бер, я устрою тебя на телеге с удобствами и в приятной компании!

— Кто этот дед? — нахмурился Ратмир, но я успокаивающе погладила его по руке:

— Это очень важный дед. Увидишь, он нам пригодится.

— Раз ты говоришь, — проворчал князь и кивнул Хозяину Леса: — Здрав буди, старче. Прими участие в нашем долгом путешествии и займи место в обозе.

Потом махнул рукой, громко крикнул:

— Люди! Народ мой! Отправляемся! Пусть удача будет с нами, пусть не отвернутся от нас Сварог со сварожичами! В путь!

Через некоторое время я оглядела обоз с высоты своего седла. Асель шумно вздыхала, чувствуя дальний переход. Резвый копал копытом снег, застоявшись. Буран с другими собаками петлял между телег, чаще всего подбегая к той, где везли недавно оценившуюся серую суку. У него щенки, он отец. Скоро ли Ратмир станет отцом? Я прислушалась к себе. Смогу ли я стать матерью и родить ему наследника? В такое беспокойное время очень кстати пришлось бы контрацептивы, но у меня их нет. А значит, надо положиться на природу. Она мудра, в отличие от людей.

— Трогаемся! — прозвучал зычный голос сотника, мужа Забавы. Я вздрогнула и взглянула вперёд. Туда, где простирались белые от снега холмы между перелесков. Что нас ждёт? Испытания, горе, боль? Или радость и победы?

Даже Мокошь не знает этого. Да и я загадывать не стану.

В путь, травница, в путь.

Конец